

Annotation

Символично, что самая безжалостная книга минувшего столетия была написана незадолго до его окончания, в 1986 году. Не менее символично, что она написана женщиной. Даже комичное сходство имени Аготы Кристоф с именем Агаты Кристи (тоже, кстати сказать, весьма безжалостной леди) вполне символично. Агата всю жизнь выдумывала занимательные истории о меркантильных отравителях; Агота поступила проще: она попробовала пересказать жизнь «близко к тексту», писать правду и только правду. Ее истории занимательными не назовешь: они слишком правдивы (отвратительно правдивы), чтобы быть занимательными. В основу книги лег дневник, написанный братьями-близнецами Клаусом и Лукасом, но на протяжении романа братья сливаются в один персонаж, а повествование, и без того насыщенное жестокостью, страхом, дополняется еще и виной перед братом, реальным или, может быть, вымышленным.

- [Агота Кристоф](#)
  - [ПОД ЗНАКОМ БЛИЗНЕЦОВ \(предисловие\)](#)
  - [ТОЛСТАЯ ТЕТРАДЬ](#)
    - [Приезд к бабушке](#)
    - [Бабушкин дом](#)
    - [Бабушка](#)
    - [Работа](#)
    - [Лес и река](#)
    - [Грязь](#)
    - [Упражнение на закалку тела](#)
    - [Денщик](#)
    - [Упражнение на закалку духа](#)
    - [Школа](#)
    - [Покупка бумаги, тетради и карандашей](#)
    - [Наша учеба](#)
    - [Наша соседка и ее дочь](#)
    - [Упражнение просить милостыню](#)
    - [Заячья губа](#)
    - [Упражнение на слепоту и глухоту](#)
    - [Дезертир](#)

- [Упражнение на голод](#)
- [Могила дедушки](#)
- [Упражнение на жестокость](#)
- [Другие дети](#)
- [Зима](#)
- [Почтальон](#)
- [Сапожник](#)
- [Кража](#)
- [Шантаж](#)
- [Обвинения](#)
- [Служанка приходского дома](#)
- [Баня](#)
- [Кюре](#)
- [Служанка и денщик](#)
- [Иностранный офицер](#)
- [Иностранный язык](#)
- [Друг офицера](#)
- [Наше первое выступление](#)
- [Следующие выступления](#)
- [Театр](#)
- [Налеты](#)
- [Стадо людей](#)
- [Бабушкины яблоки](#)
- [Полицейский](#)
- [Допрос](#)
- [В тюрьме](#)
- [Пожилой господин](#)
- [Наша двоюродная сестра](#)
- [Драгоценности](#)
- [Двоюродная сестра и ее возлюбленный](#)
- [Благословение](#)
- [Бегство](#)
- [Бойня](#)
- [Наша мать](#)
- [Отъезд двоюродной сестры](#)
- [Приезд новых иностранцев](#)
- [Пожар](#)
- [Конец войны](#)
- [Школа возобновляет работу](#)

- [Бабушка продает виноградник](#)
  - [Болезнь бабушки](#)
  - [Бабушкино богатство](#)
  - [Наш отец](#)
  - [Отец возвращается](#)
  - [Расставание](#)
  - [ДОКАЗАТЕЛЬСТВО](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
  - [ТРЕТЬЯ ЛОЖЬ](#)
    - [Часть первая](#)
    - [Часть вторая](#)
-

Агота Кристоф

Толстая тетрадь

ПОД ЗНАКОМ БЛИЗНЕЦОВ (предисловие)

В четвертой книге «Исповеди» Августин рассказывает о потрясении, которое испытал после смерти ближайшего друга детства, почти что брата. «Я чувствовал, что моя душа и его душа были одной душой в двух телах, и жизнь внушала мне ужал: не хотел я ведь жить половинной жизнью. Потому, может быть, я боялся умереть, чтобы совсем не умер тот, которого я так любил». Проницательнейший психолог, виртуоз самоанализа, Августин в этом пассаже, кажется, впервые описал феномен трагической раздвоенности сознания, угадав бездну, скрывающуюся за избитым риторическим клише «одна душа в двух телах»,

С тех пор тема двойничества — тема разъятых «половинных жизней», пытающихся обрести утраченную гармонию, — прочно вошла в европейскую литературу. Излюбленными ее эмблемами стали отражение в зеркале; тень; портрет, оказывающий мистическое влияние на судьбу своего оригинала, — и, разумеется, близнецы. Новейшая русская словесность тоже отдала дань этой традиции, и потому читатель только что перелистнувший последнюю страницу «Толстой тетради», волен выбирать ассоциации по своему вкусу: кому-то припомнится «Школа для дураков» Саши Соколова (где повествование также, ведется от первого лица множественного числа), а кому-то, допустим, роман Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» (действие которого также происходит во время Второй Мировой войны).

В 1940 г. В Венгрии, на родине Аготы Кристоф, увидела свет короткая автобиографическая повесть. «Под знаком близнецов», написанная одним из крупнейших поэтов уходящего века Миклошем Радноти. В ее кульминационном эпизоде мальчик, от лица которого ведется рассказ, из расспросов старших узнает, что у него был брат-близнец, умерший сразу после рождения. «Теперь нельзя даже узнать, я умер или мой брат! — в отчаянии кричит он. — Если мы близнецы, как это можно знать?»

Рискнем предположить, что в подтексте «Толстой тетради» присутствуют аллюзии как на шедевр Радноти, так и на судьбу его автора (в

последние месяцы войны он, узник концлагеря, разделит участь тех евреев, которых гонят на смерть по улицам Маленького Города в одной из глав книги Кристоф). В самом деле, «Тетрадь» — это не только роман воспитания (учитывая, что реальность, описанная в книге, и в страшных снах не могла привидеться Вильгельму Мейстеру, правильнее будет сказать «роман выживания»), на страницах которого чудовищно жестокая жизнь диктует героям все новые и новые «упражнения на закалку тела» и «упражнения на закалку духа». В первую очередь это притча о самоидентификации, о безнадежных попытках ответить на вопрос, заданный юным героем-близнецом у Радноти: «Кто знает, жив ли я? Жив ли он?.. Если мы близнецы, как это можно знать?» Не случайно читатель, даже добравшись до конца «Тетради», так и не расстанется с сомнениями: сколько же все-таки в романе рассказчиков? Ответ (точнее, один из возможных ответов) будет дан лишь в последней части трилогии Кристоф — романе со знаменательным названием «Третья ложь».

Если в упоминавшейся «Школе для дураков» раздвоенность сознания героя приводила к лавинообразному потоку произвольных ассоциаций, барочному синтаксису и раскованным словесным экспериментам, то у Кристоф из схожей предпосылки делается вывод прямо противоположные. Правила. В соответствии с которыми написана «Толстая тетрадь», сформулированы в главке «Наша учеба», и этот отрывок цитировался едва ли не всеми рецензентами романа: «у нас есть очень простое правило: сочинение должно быть правдой. Мы должны описывать то, что есть, то, что видим, слышим, делаем.

Например, запрещается писать: «Бабушка похожа на ведьму»; но можно писать: «Люди называют Бабушку Ведьмой».

Запрещается писать: «Маленький Город красив» потому что Маленький Город может быть красивым для нас и некрасивым для кого-нибудь другого.

Также, если мы пишем: «Денщик добрый», то это неправда, потому что денщик может совершить злые поступки, о которых мы не знаем. Поэтому мы напишем просто: «Денщик дает нам одеяла».

Мы пишем: «Мы едим много орехов», а не любим орехи», потому что слово «любить» — это не надежное слово, ему не хватает точности и объективности. «Любить орехи» и «любить нашу Маты — не одно и то же. Первое выражение обозначает приятный вкус во рту, а второе — чувство.

Слова, обозначающие чувство, очень расплывчаты; лучше избегать их употребления и придерживаться описания предметов, людей и себя, то есть точно описывать факты».

В мемуарах о философе Людвиге Виттенштейне одна из его знакомых рассказывает, как однажды он навестил ее в больнице, после довольно изнурительной операции. «Чувствую себя, как раздавленная собака», — пожаловалась больная. Виттенштейн — без сомнения, искренне сострадавший собеседнице, — перебил с нескрываемым раздражением: «Вы не знаете, что чувствует раздавленная собака». Клаус и Лукас, близнецы из романа Кристоф, наверняка оценили бы эту реплику. В их собственном повествовании почти нет сравнений и эпитетов, вовсе нет скобок (а, значит, и отступлений), сочинительная связь решительно преобладает над подчинительной, а для введения прямой речи из всего бесчисленного инструментария синонимов употребляются только глаголы «говорить» и «спрашивать». Разумеется, никаких внутренних монологов, колебаний и мотивировок — персонажи «Толстой тетради» только действуют, их мысли остаются нам неизвестны. Всё прочее — литература...

Все так; но при этом самая, может быть, любопытная и привлекательная черта романа Кристоф заключена именно в его литературности. Объективность «точно описанных фактов» на поверку оказывается иллюзией; запрет на использование «приемов» сам обращается в прием; стилистический аскетизм Клауса-Лукаса — лишь средство структурировать распадающуюся реальность, противостоять хаосу, искусственно привнося в него логику и порядок, а значит — еще одна ложь, другая, третья... В последнем романе трилогии постаревшего героя спрашивают: «Пишете ли вы о том, что было в действительности, или выдумываете?» — и он вынужден признаться: «Я... пытаюсь писать, как все было в действительности. Но в какой-то момент рассказ становится невыносимым именно в силу своей правдивости, и тогда приходится исправлять. Я... пытаюсь рассказывать свою жизнь, но не получается, не хватает мужества, мне слишком больно. Тогда я начинаю приукрашивать, описываю вещи не так, как они происходили, а так, как мне хотелось бы, чтобы они произошли».

В сущности, история Клауса-Лукаса, заполняющего страницы толстой тетради для того, чтобы найти ответ на главный вопрос: «Кто пишет?» — это универсальная метафора творчества в его отношении к действительности. «Может быть, я сочиняю все эти истории потому, что не могу написать свою собственную историю», — говорит писательница в одном из интервью.

Кстати, о «собственной истории». Венгерка по происхождению, Агота Кристоф родилась 30 октября 1935 года. Ее детство и юность, прошедшие в городке Кёсseg у самой австрийской границы (в романе — Маленький

Город), пришлось на годы участия хортистской Венгрии во Второй мировой войне, бомбежки и голод, советскую оккупацию и последовавшее за тем установление нового порядка; все это так или иначе отразилось в «Толстой тетради». В 1956 год, т. е. в год кровавых «венгерских событий» (смотри вторую часть трилогии — роман «Доказательство»), Кристоф и ее мужу удастся уехать во французскую Швейцарию, где писательница живет до сих пор. В Венгрии у Аготы Кристоф остался брат («Когда я его навещаю, мы все время говорим друг другу «мы», например: «А помнишь, как мы потеряли кошку?» Мы все делали вместе, так что люди, обращаясь к нам, заговаривали сразу с обоими» Узнаете?).

В семидесятые Кристоф начала писать по-французски небольшие пьесы для радио («Джон и Джо», «Ключ от лифта», «Хмурый час» и др.), повествующие о разобщенности и взаимонепонимании более или менее условных персонажей. (После мирового успеха трилогии о близнецах пьесы Кристоф были переизданы и обрели сценическое воплощение на сценах итальянских, немецких и даже японских театров.) В 1986 г. появляется «Толстая тетрадь», которая сразу приносит писательнице громкую известность; за нею последовали «Доказательство» (1988) и «Третья ложь» (1991). В последнем к настоящему времени романе Кристоф «Вчера» (1995) главным героем вновь выступает эмигрант, ценой напряженных и рискованных усилий стремящийся воскресить прошлое; как видим, круг тем, занимающих писательницу, остался прежним — изгнание, поиски себя, поведение человека перед лицом «страшного мира».

Трилогия о близнецах переведена на двадцать с лишним языков, включена в университетские и даже школьные программы (в самом деле, трудно придумать лучшее чтение для начинающих изучать французский!) и снискала целый ряд престижных литературных премий в разных странах. Одним из самых заметных событий Авиньонского фестиваля 1999 года стал спектакль «Близнецы» в исполнении чилийского театра «Ла Троппа» — инсценировка «Толстой тетради» средствами театра марионеток. В том же году о своем намерении экранизировать трилогию объявил датский режиссер Томас Виттенберг, известный отечественным любителям кино по фильму «Семейное торжество». Напомним, что Виттенберг — один из участников движения «Догма», провозгласившего отказ от всякого рода технических ухищрений и спецэффектов, «наплывов» и «затемнений», грима, искусственных декораций, компьютерной обработки кадра и т. д. Излишне пояснять, что книга Аготы Кристоф написана, в сущности, по аналогичным принципам — и оттого экранизация обещает быть особенно интересной

Всеволод Новиков

ТОЛСТАЯ ТЕТРАДЬ

Приезд к бабушке

Мы едем из Большого Города. Мы провели в дороге ночь. У нашей Матери красные глаза. Она несет большую коробку, а у нас двоих по маленькому чемодану с одеждой плюс большой словарь нашего Отца, который мы несем по очереди, пока не устанет рука.

Мы долго идем пешком. Дом Бабушки далеко от вокзала, на другом конце Маленького Города. Здесь нет ни трамваев, ни автобусов, ни машин. Проезжает только несколько военных грузовиков.

Прохожих мало, в городе тихо. Слышен звук наших шагов; мы идем молча, Мать посредине, мы по бокам.

Перед дверью в сад Бабушки Мать говорит:

— Подождите меня здесь.

Мы немного ждем, потом входим в сад, огибаем дом, прячемся под окном, из которого слышны голоса. Голос нашей Матери:

— У нас нечего есть, нет ни хлеба, ни мяса, ни овощей, ни молока. Ничего. Мне их не прокормить.

Другой голос говорит:

— И тут ты вспомнила обо мне. Десять лет не вспоминала. Не приезжала, не писала.

Мать говорит:

— Вы же знаете почему. Я любила отца.

Другой голос говорит:

— Да, а теперь вспомнила, что у тебя еще есть мать. Приехала просить помощи.

Наша Мать говорит:

— Для себя я ничего не прошу. Я просто хочу, чтобы дети пережили эту войну. Большой Город день и ночь бомбят, еды нет. Детей эвакуируют в деревню, к родственникам или к чужим, все равно куда.

Другой голос говорит:

— Так и отправила бы их к чужим, все равно куда.

Наша Мать говорит:

— Это ваши внуки.

— Мои внуки? Да я их никогда не видела. Сколько их?

— Двое. Два мальчика. Близнецы.

Другой голос спрашивает:

— А куда ты дела остальных?

Наша Мать спрашивает:

— Кого остальных?

— Суки рожают по четыре-пять щенков сразу. Одного-двух оставляют, остальных топят.

Другой голос очень громко смеется. Наша Мать ничего не говорит, и Другой голос спрашивает:

— У них хотя бы есть отец? Насколько я знаю, ты не замужем. На свадьбу меня не приглашали.

— Я замужем. Их отец на фронте. Уже шесть месяцев никаких вестей.

— Так можешь поставить на нем крест.

Другой голос снова смеется, наша Мать плачет. Мы возвращаемся к калитке сада.

Мать выходит из дома вместе со старой женщиной.

Мать говорит:

— Вот ваша Бабушка. Вы поживете немного у нее, пока не кончится война.

Наша Бабушка говорит:

— Это может быть долго. Но я их заставлю работать, не бойся. Здесь даром не кормят.

Наша Мать говорит:

— Я буду посылать вам деньги. В чемоданах лежит одежда. В коробке простыни и одеяла. Ведите себя хорошо, дети. Я вам напишу.

Она целует нас и, плача, уходит. Бабушка громко смеется и говорит нам:

— Простыни, одеяла! Белые рубашки и лакированные башмаки! Я-то научу вас жизни!

Мы показываем язык нашей Бабушке. Она смеется еще громче и хлопает себя по ляжкам.

Бабушкин дом

От Бабушкиного дома до последних домов Маленького Города пять минут ходьбы. В другую сторону идет только пыльная дорога, ее перегораживает шлагбаум. Дальше ходить запрещается, стоит солдат. У него есть автомат, бинокль, во время дождя он прячется в будку. Мы знаем, что за шлагбаумом, в лесу, расположена секретная военная база, а за базой граница и другая страна.

Вокруг Бабушкиного дома сад, за садом река, дальше лес.

В саду растут разные овощи и фруктовые деревья. В одном углу крольчатник, птичник, свинарник и сарай для коз. Мы попробовали влезть на спину самой большой свинье, но удержаться невозможно.

Овощи, фрукты, кроликов, уток, кур, а также куриные и утиные яйца и овечий сыр Бабушка возит продавать на рынок. Свиней сдают мяснику, который платит за них деньгами и еще окороками и копченой колбасой.

От воров держат собаку, от мышей и крыс — кота. Его нельзя кормить, потому что он должен быть всегда голодным.

Еще у Бабушки есть виноградник, он находится через дорогу.

Вход в дом через кухню, она большая, в ней тепло. В дровяной печи целый день горит огонь. У окна стоит огромный стол и угловая скамья. На этой скамье мы спим.

Из кухни есть дверь в комнату Бабушки, но она всегда заперта на ключ. Только Бабушка заходит туда вечером, спать.

Есть еще другая комната, куда можно попасть не через кухню, а прямо из сада. Эту комнату занимает иностранный офицер. Дверь ее тоже заперта на ключ.

Под домом погреб, полный разной еды, под крышей чердак, куда Бабушка не залезает с тех пор, как мы подпилили лестницу и она упала и ушиблась. Вход на чердак прямо над дверью офицера, мы влезаем туда по веревке. Там, наверху, мы и прячем тетрадь для сочинений, словарь Отца и другие вещи, которые нам приходится скрывать.

Вскоре мы делаем ключ, который открывает все двери, и продырявливаем пол чердака. С помощью ключа мы свободно ходим по дому, когда никого нет, а сквозь щели мы можем незаметно наблюдать, что делают Бабушка и офицер у себя в комнатах.

Бабушка

Наша Бабушка — это мать нашей Матери. Пока мы не приехали к ней жить, мы не знали, что у нашей Матери есть еще мать.

Мы зовем ее Бабушкой.

Люди зовут ее Ведьмой.

Она нас зовет «сукиными детьми».

Бабушка маленькая и худая. У нее на голове черный платок. Одежда ее темно-серого цвета. Она носит старые солдатские ботинки. В хорошую погоду она ходит босиком. Лицо у нее все в морщинах, коричневых пятнах и бородавках, из которых растут волосы. У нее нет зубов, по крайней мере, их не видно.

Бабушка никогда не моется. После еды или питья она утирает рот краем платка. Она не носит трусов. Когда ей надо пописать, она останавливается на месте, расставляет ноги и писает на землю под юбками. Конечно, в доме она этого не делает.

Бабушка никогда не раздевается. Мы наблюдали за ее комнатой вечером. Она снимает одну юбку, под ней другая. Она снимает кофту, под ней другая кофта. Так она ложится спать. Платок остается на ней.

Бабушка говорит мало. Только вечером. Вечером она берет с полки бутылку и пьет прямо из

горла. Вскоре она начинает разговаривать на языке, которого мы не знаем. Это не тот язык, на котором говорят иностранные солдаты, это совершенно другой язык.

На этом неизвестном языке Бабушка задает себе вопросы и отвечает на них. Иногда она смеется или сердится и кричит. В конце, почти всегда, она начинает плакать, шатаясь идет к себе в комнату, падает на кровать, и мы долго слышим, как она всхлипывает в темноте.

Работа

Мы обязаны что-то делать для Бабушки, иначе она не даст нам ничего есть и оставит ночевать на улице.

Вначале мы отказываемся подчиняться. Мы спим в саду, едим сырые фрукты и овощи.

Утром, до рассвета, мы видим, как Бабушка выходит из дома. Она с нами не разговаривает. Она идет кормить животных, доит коз, потом отводит их на берег реки и привязывает к дереву. Потом она поливает огород и собирает овощи и фрукты, грузит их в тачку. Еще она ставит туда полную корзину яиц, маленькую клетку с кроликом и курицу или утку со связанными лапами.

Она уходит на рынок, толкая перед собой тачку, ремень от которой надет на ее худую шею и заставляет ее низко нагибать голову. Она шатается от натуги. Тачка вихляет на выбоинах и камнях, но Бабушка продолжает идти вперед, переваливаясь, как утка. Она идет в город, на рынок, вцепившись в тачку и не останавливаясь.

Вернувшись с рынка, она готовит суп из непроданных овощей и варенье из фруктов. Она ест и идет на свой виноградник, час спит, потом работает или, если там нечего делать, возвращается домой, рубит дрова, снова кормит скотину, собирает коз, доит их, идет в лес, приносит оттуда грибы и хворост, делает сыр, сушит грибы и фасоль, готовит банки с другими овощами, снова поливает огород, складывает все в погреб и так далее до наступления ночи.

На шестой день утром, когда она выходит из дома, мы уже полили огород. Мы берем у нее из рук тяжелые ведра с кормом для свиней, мы отводим коз на берег реки, мы помогаем грузить тачку. Когда она возвращается с рынка, мы пилим дрова.

За обедом Бабушка говорит:

— Вы поняли. Кров и еду надо заработать. Мы говорим:

— Не в этом дело. Работать тяжело, но еще тяжелее ничего не делать и смотреть, как кто-то работает, — особенно если это пожилой человек.

Бабушка усмехается:

— Сукины дети! Значит, вы меня пожалели?

— Нет, Бабушка. Нам просто стало стыдно. Вечером мы идем в лес за дровами.

Теперь мы делаем всю работу, которая нам по силам.

Лес и река

Лес очень большой, река совсем маленькая. Чтобы попасть в лес, надо перейти реку. Когда воды мало, мы можем перейти ее по камням. Но иногда, после сильного дождя, вода доходит нам до пояса, она холодная и мутная. Мы решаем построить мост из кирпичей и досок, которые валяются вокруг домов, разрушенных бомбежкой.

Мост получается очень крепкий. Мы показываем его Бабушке. Она пробует слупить на него и говорит:

— Очень хорошо. Только не ходите далеко в лес. Граница близко, солдаты могут в вас выстрелить. И главное — не заблудитесь. Я вас искать не буду.

Когда мы строили мост, мы увидели рыб. Они прячутся под большими камнями или в тени кустов и деревьев, ветки которых соединяются над рекой. Мы выбираем самых больших рыб, ловим их и сажаем в лейку с водой. Вечером, когда мы приносим их домой. Бабушка говорит:

— Сукины дети! Как вы их поймали?

— Руками. Это легко. Просто надо стоять не двигаясь и ждать.

— Тогда ловите много рыбы. Сколько сможете. На завтра Бабушка ставит лейку на тачку и продает рыбу на рынке.

Мы часто ходим в лес, мы никогда не теряемся, мы знаем, с какой стороны граница. Вскоре часовые узнают нас. Они никогда в нас не стреляют. Бабушка учит нас отличать съедобные грибы от ядовитых.

Из леса мы приносим на спине вязанки дров, корзины грибов и каштанов. Мы складываем дрова рядами около дома под навесом и жарим каштаны на плите, если Бабушки нет дома.

Однажды далеко в лесу, на краю большой ямы от снаряда мы находим мертвого солдата. Он еще целый, только вороны выклевали ему глаза. Мы берем его винтовку, патроны, гранаты: винтовку засовываем в связку дров, патроны и гранаты прячем в корзины под грибы.

Вернувшись к Бабушке, мы аккуратно заворачиваем эти вещи в солому, кладем в мешки из-под картошки и зарываем их под скамейкой возле окна офицера.

Грязь

Дома, в Большом Городе, Мать часто нас мыла. Под душем или в ванне. Она одевала нас в чистую одежду, стригла нам ногти. Она водила нас к парикмахеру стричь волосы. Каждый раз после еды мы чистили зубы.

У Бабушки мыться невозможно. Нет ванной, нет даже водопровода. Нужно накачать воду из колодца во дворе и принести ее в ведре. В доме нет ни мыла, ни зубной пасты, ни стирального порошка.

В кухне все грязное. Ноги прилипают к неровной коричневой плитке, ладони и локти прилипают к большому столу. Плита вся черная от жира, стены черные от копоти. Хотя Бабушка моет посуду, тарелки, ложки, ножи никогда не бывают совсем чистыми, а кастрюли покрыты толстым слоем жира. Полотенца серого цвета и плохо пахнут.

Сначала нам даже не хочется есть, особенно когда мы видим, как Бабушка готовит, не моя рук и сморкаясь в рукав. Потом мы на это не обращаем внимания.

Когда тепло, мы ходим купаться на реку, моемся и чистим зубы у колодца. Когда холодно, полностью вымыться невозможно. В доме нет ничего подходящего. Наши простыни, одеяла, махровые полотенца исчезли. Мы больше не видали большой коробки, в которую их положила наша Мать.

Бабушка все продала.

Мы становимся все грязнее и грязнее, наша одежда тоже. Мы берем чистую одежду в чемоданах под лавкой, но скоро чистой одежды не остается. Та, что на нас, рвется, ботинки стаптываются и протираются. Когда можно, мы ходим босиком и в одних трусах или в брюках. Подошвы наших ног твердеют, мы перестаем ощущать колючки и камни. Кожа наша темнеет, ноги и руки покрываются царапинами, порезами, корками, укусами насекомых. Наши ногти, которые никогда не стригут, ломаются, волосы, почти белые от солнца, достают до плеч.

Уборная находится в глубине сада. Там никогда нет бумаги. Мы подтираемся большими листьями некоторых растений.

От нас пахнет смесью навоза, рыбы, травы, грибов, дыма, молока, сыра, грязи, тины, земли, пота, мочи, плесени.

От нас пахнет плохо, как от Бабушки.

Упражнение на закалку тела

Бабушка нас часто бьет — своими костлявыми руками, метлой или мокрой тряпкой. Она дергает нас за уши, таскает за волосы.

Другие люди дают нам оплеухи и пинки, мы даже не знаем за что.

От ударов больно, мы плачем.

Падения, царапины, порезы, работа, холод и жара тоже причиняют боль.

Мы решаем закалить свое тело, чтобы без слез переносить боль.

Сначала мы даем друг другу пощечины, потом бьем кулаками. Увидев наши распухшие лица, Бабушка говорит:

— Кто вас так?

— Мы сами, Бабушка.

— Подрались? Из-за чего?

— Не из-за чего, Бабушка. Не бойтесь, это только упражнение.

— Упражнение? Вы совсем спятили! Ну, если вам так нравится...

Мы стоим голые. Мы бьем друг друга ремнем. При каждом ударе мы говорим:

— Не больно.

Мы бьем сильнее, сильнее и еще сильнее.

Мы держим руки над огнем. Мы режем себе ножом бедра, руки, грудь и льем спирт на раны. Каждый раз мы говорим:

— Не больно.

Через некоторое время мы действительно ничего не чувствуем. Кому-то другому больно, кто-то другой обжегся, порезался, мучается.

Мы больше не плачем.

Когда Бабушка сердится и кричит, мы говорим:

— Не кричите, Бабушка, лучше ударьте.

Когда она бьет нас, мы говорим:

— Еще раз, Бабушка! Видите, мы подставляем другую щеку, как в Библии. Ударьте по другой щеке, Бабушка.

Она отвечает:

— Чтоб вас черт побрал с вашей Библией и с вашими щеками!

Денщик

Мы лежим на угловой лавке в кухне. Мы касаемся друг друга головами. Мы еще не спим, но глаза закрыты. Кто-то толкает дверь. Мы открываем глаза. Нас ослепляет свет карманного фонаря. Мы спрашиваем:

— Кто здесь? Мужской голос отвечает:

— Не бояться. Вы не бояться. Вы есть два или я много пить?

Он смеется, зажигает керосиновую лампу на столе и выключает свой карманный фонарь. Теперь мы его хорошо видим. Это иностранный солдат, рядовой. Он говорит:

— Я быть денщик капитана. Вы что делать здесь?

Мы говорим:

— Мы здесь живем. У Бабушки.

— Вы внуки Ведьма? Я никогда еще видеть вас. Вы быть здесь давно?

— Две недели.

— А! Я уезжать отпуск домой, в моя деревня. Очень весело.

Мы спрашиваем:

— Как вы научились говорить на нашем языке? Он говорит:

— Моя мать родиться здесь, ваша страна. Приехать работать к нам, официантка в кафе. Познакомиться мой отец, пожениться. Когда я быть малыш, моя мать мне говорить на ваш язык. Ваша страна и моя страна, быть друзья. Вместе бороться враг. Вы оба приехать откуда?

— Из Большого Города.

— Большой Город много опасно. Бум! Бум!

— Да, и нечего есть.

— Здесь хорошо для есть. Яблоки, свинки, куры, все. Вы остаетесь долго? Или только каникулы?

— Мы останемся до конца войны.

— Война скоро конец. Вы спать здесь? Голая скамейка, жестко, холод. Ведьма не хотеть вас брать в комната?

— Мы не хотим спать в комнате Бабушки. Она храпит и плохо пахнет. У нас были одеяла и простыни, но она их продала.

Денщик наливает из котла на плите горячую воду и говорит:

— Я надо мыть комнату. Капитан тоже вернуться отпуск сегодня или завтра утро.

Он уходит. Через несколько минут он возвращается. Он приносит нам

два серых армейских одеяла.

— Не продавать это, старая Ведьма. Если она слишком злой, вы мне говорить. Я пух-пух, уби-вать.

Он снова смеется. Он укрывает нас, гасит лампу и уходит.

Днем мы прячем одеяла на чердаке.

Упражнение на закалку духа

Бабушка нам говорит:

— Сукины дети!

Люди нам говорят:

— Ведьмины дети! Ублюдки!

Другие говорят:

— Кретины! Разбойники! Сопляки! Ослы! Свиньи! Поросята! Поганцы! Гаденыши! Засранцы! Висельники! Душегубы!

Когда мы слышим такие слова, у нас краснеет лицо, шумит в ушах, щиплет в глазах, дрожат колени.

Мы не хотим больше ни краснеть, ни дрожать, мы хотим приучить себя к ругани и к обидным словам.

Мы садимся за стол на кухне друг напротив друга и, глядя прямо в глаза, произносим слова все страшнее и страшнее.

Один:

— Дерьмо! Жопа! Другой:

— Выблядок! Стервец!

Мы продолжаем до тех пор, пока слова не перестают проникать в мозг, и даже не попадают к нам в уши.

Мы тренируемся так примерно по полчаса в день, потом идем гулять по улицам.

Мы подстраиваем так, чтобы люди нас оскорбляли, и замечаем, что наконец-то мы ничего не чувствуем.

Но есть еще слова из прошлого.

Наша Мать говорила нам:

— Милые мои! Любимые мои! Счастье мое! Мои дорогие детки!

Когда мы вспоминаем эти слова, глаза у нас наполняются слезами.

Нам надо забыть эти слова, потому что теперь их никто нам не говорит и потому что память о них — это слишком тяжелый груз.

Тогда мы начинаем упражнение сначала и по-другому.

Мы говорим:

— Милые мои! Любимые мои! Я вас так люблю... Я вас никогда не покину... Я буду любить только вас... Всегда... Вы все для меня...

От долгого повторения слова постепенно теряют свой смысл, и боль, которую они несут в себе, стихает.

Школа

Это было три года назад.

Вечер. Родители думают, что мы спим. Они в соседней комнате и говорят о нас. Мать говорит:

— Они не вынесут разлуки друг с другом. Отец говорит:

— Они расстанутся только на время школьных занятий.

Мать говорит:

— Они этого не вынесут.

— Придется вынести. Это для них необходимо. Все так говорят. Учителя, психологи. Сначала будет трудно, но они привыкнут.

Мать говорит:

— Нет, не привыкнут. Я знаю. Я их знаю. Они как один человек.

Отец повышает голос:

— Вот именно это и ненормально. Они вместе думают, вместе совершают поступки. Они живут в особом мире. В своем мире. Все это не вполне правильно. Это даже внушает беспокойство. Да, я беспокоюсь за них. Они странно себя ведут. Я никогда не знаю, что у них в голове. Они слишком умны для своего возраста. Они слишком много знают.

Мать смеется:

— Что же, ты недоволен, что они умны?

— Ничего смешного. Что ты смеешься?

Мать отвечает:

— С близнецами всегда проблемы. Но трагедии тут никакой нет. Все уладится.

Отец говорит:

— Да, все может уладиться, если их разделить. Каждый человек должен иметь свою собственную жизнь.

Через несколько дней мы идем учиться в школу. Каждый в свой класс. Мы садимся за первую парту.

Между нами вся длина здания. Это расстояние кажется нам чудовищным, причиняемая им боль невыносима. Как будто у нас отрезали половину тела. Мы не можем найти опору, у нас кружится голова, мы падаем, мы теряем сознание.

Мы приходим в себя в машине «скорой помощи», которая везет нас в больницу.

За нами приходит Мать. Она улыбается и говорит:

— С завтрашнего дня вы будете в одном классе. Дома Отец говорит нам только одно слово:

— Симулянты!

Вскоре он уходит на фронт. Он журналист, военный корреспондент.

Мы ходим в школу два с половиной года. Учителя тоже уходят на фронт; вместо них появляются учительницы. Потом школа закрывается, потому что слишком много налетов и бомбежек.

Мы умеем читать, писать, считать.

У Бабушки мы решаем продолжать учебу сами, без учителей.

Покупка бумаги, тетради и карандашей

У Бабушки нет ни бумаги, ни карандашей. Мы идем за ними в магазин, который называется: «Книги. Канцелярские товары». Мы выбираем пачку бумаги в клетку, два карандаша и толстую тетрадь. Мы кладем все это на прилавок перед толстым человеком, который стоит с другой стороны. Мы говорим ему:

— Нам нужны эти вещи, но у нас нет денег.

Продавец говорит:

— Что? Но... нужно платить. Мы повторяем:

— У нас нет денег, но нам совершенно необходимы эти вещи.

Продавец говорит:

— Школа закрыта. Никому не нужны тетради и карандаши.

Мы говорим:

— Мы учимся дома. Сами, одни.

— Попросите денег у родителей.

— Наш Отец на фронте, а Мать осталась в Большом Городе. Мы живем у Бабушки, у нее тоже

нет денег.

Продавец говорит:

— Без денег ничего купить нельзя.

Мы больше ничего не говорим, мы смотрим на него. Он тоже на нас смотрит. У него на лбу выступает пот. Через минуту он кричит:

— Не смотрите так на меня! Выйдите отсюда! Мы говорим:

— В обмен на эти вещи мы готовы проделать для вас определенную работу. Полить вам огород, например, вырвать сорняки, разнести посылки...

Он снова кричит:

— У меня нет огорода! Вы мне не нужны! И потом, вы что, не можете говорить нормально?

— Мы говорим нормально.

— Говорить в вашем возрасте «готовы проделать», это что, нормально?

— Мы говорим правильно.

— Слишком правильно, да. Мне не нравится, как вы разговариваете! И как вы смотрите на меня, тоже не нравится! Выйдите отсюда!

Мы спрашиваем:

— Есть ли у вас куры, сударь?

Он вытирает лицо белым платком. Он не кричит, он спрашивает:

— Куры? При чем тут куры?

— Потому что, если вы не располагаете курами, мы можем предоставить вам некоторое количество яиц в обмен на эти необходимые нам предметы.

Продавец смотрит на нас и молчит. Мы говорим:

— Стоимость яиц растет с каждым днем. Напротив, цены на бумагу и карандаши...

Он швыряет нашу бумагу, карандаши и тетрадь за дверь и орет:

— Вон отсюда! Не нужны мне ваши яйца! Забирайте все и больше не возвращайтесь!

Мы аккуратно подбираем вещи и говорим:

— Однако нам придется вернуться, когда закончится бумага и испишутся карандаши.

Наша учеба

Для учебы у нас есть словарь Отца и Библия, которую мы нашли здесь, у Бабушки, на чердаке.

Мы занимаемся правописанием, чтением, устным счетом, математикой и развитием памяти.

Мы пользуемся словарем для правописания, чтобы получать сведения, а также чтобы узнавать новые слова, синонимы, антонимы.

Библия используется для чтения вслух, для диктовок и для развития памяти. Таким образом мы заучиваем целые страницы Библии.

Вот как мы пишем сочинения:

Мы сидим за кухонным столом, перед нами бумага в клетку, карандаши и Толстая Тетрадь. Мы одни.

Один из нас говорит:

— Заглавие твоего сочинения — «Приезд к Бабушке».

Другой говорит:

— Заглавие твоего сочинения — «Наша работа».

Мы начинаем писать. На раскрытие темы дается два часа и два листа бумаги.

Через два часа мы обмениваемся листами, и каждый исправляет у другого орфографические ошибки с помощью словаря и пишет внизу страницы: «Хорошо» или «Плохо». Если оценка «Плохо», мы бросаем сочинение в огонь и пробуем описать ту же тему на следующем уроке. Если отметка «Хорошо», можно переписать сочинение в Толстую Тетрадь.

Чтобы решить «Хорошо» или «Плохо», у нас есть очень простое правило: сочинение должно быть правдой. Мы должны описывать то, что есть, то, что видим, слышим, делаем.

Например, запрещается писать: «Бабушка похожа на ведьму»; но можно писать: «Люди называют Бабушку Ведьмой».

Запрещается писать: «Маленький Город красив» потому что Маленький Город может быть красивым для нас и некрасивым для кого-нибудь другого.

Также, если мы пишем: «Денщик добрый», то это неправда, потому что денщик может совершить злые поступки, о которых мы не знаем. Поэтому мы напишем просто: «Денщик дает нам одеяла».

Мы пишем: «Мы едим много орехов», а не любим орехи», потому что

слово «любить» — это не надежное слово, ему не хватает точности и объективности. «Любить орехи» и «любить нашу Мату — не одно и то же. Первое выражение обозначает приятный вкус во рту, а второе — чувство.

Слова, обозначающие чувство, очень расплывчаты; лучше избегать их употребления и придерживаться описания предметов, людей и себя, то есть точно описывать факты.

Наша соседка и ее дочь

Наша соседка — не такая старая женщина, как Бабушка. Она живет с дочерью в последнем домике Маленького Города. Это совершенно развалившаяся лачуга с дырявой крышей. Вокруг дома сад, но он не возделывается, как сад Бабушки. Там растут одни сорняки.

Соседка целый день сидит на табурете в саду и смотрит перед собой неизвестно на что. Вечером или в дождь дочь берет ее за руку и уводит в дом. Иногда дочь про нее забывает или ее нет дома, тогда мать остается на улице всю ночь в любую погоду.

Люди говорят, что наша соседка сумасшедшая, она потеряла рассудок, когда ее бросил мужчина, сделавший ей ребенка.

Бабушка говорит, что соседка просто лентяйка и предпочитает жить в бедности, но не работать.

Дочь соседки не больше нас ростом, но она немного старше. Днем она просит милостыню в городе, перед закусочными, на перекрестках. На рынке она подбирает гнилые овощи и фрукты, которые люди выбрасывают, и приносит их домой. Еще она крадет все, что может. Нам пришлось несколько раз выгонять ее из нашего сада, она пыталась взять фрукты и яйца.

Однажды мы застали ее, когда она высасывала молоко из вымени у одной нашей козы.

Увидев нас, она встает, утирает рот рукой, отступает назад и говорит:

— Не делайте мне больно! Она добавляет:

— Я быстро бегаяю. Вы меня не поймаете.

Мы смотрим на нее. Впервые мы видим ее вблизи. У нее заячья губа, косые глаза, сопли под носом, и в уголках красных глаз желтый гной. Ноги и руки у нее покрыты нарывами. Она говорит:

— Меня зовут Заячья Губа. Я люблю пить молоко.

Она улыбается. Зубы у нее черные.

— Я люблю пить молоко, но еще больше мне нравится сосать вымя. Сосок приятный. Он гладкий и твердый.

Мы не отвечаем. Она подходит ближе.

— Я люблю сосать еще кое-что.

Она протягивает руку, мы отступаем назад. Она говорит:

— Не хотите? Вы не хотите играть со мной? Мне так хочется. Вы

такие красивые.

Она опускает голову и говорит:

— Я вам противна.

Мы говорим:

— Нет, ты нам не противна.

— Понятно. Вы маленькие и еще боитесь. Но меня не надо стесняться.

Я научу вас очень веселым играм.

Мы говорим ей:

— Мы никогда не играем.

— Что же вы тогда делаете целый день?

— Мы работаем, учимся.

— А я прошу милостыню, краду и играю.

— Ты еще заботишься о матери. Ты хорошая дочь.

Она подходит и говорит:

— Вы считаете, я хорошая? Правда?

— Да. И если тебе что-то нужно для матери или для себя, надо просто спросить. Мы дадим тебе фруктов, овощей, рыбы, молока.

Она кричит:

— Не надо мне ваших фруктов, рыбы и молока! Все это я могу украсть. Я хочу, чтоб вы меня любили. Никто меня не любит. Даже моя мать. А я тоже никого не люблю. Ни мать, ни вас. Я вас ненавижу!

Упражнение просить милостыню

Мы одеваемся в грязную и рваную одежду, снимаем обувь, пачкаем себе лицо и руки. Мы выходим на улицу. Мы останавливаемся и ждем.

Когда перед нами проходит иностранный офицер, мы поднимаем правую руку в знак приветствия и протягиваем левую руку. Чаще всего офицер проходит не останавливаясь, не замечая нас, не глядя на нас.

Наконец один офицер останавливается. Он что-то говорит на непонятном нам языке. Он задает нам вопросы. Мы не отвечаем, мы стоим неподвижно, подняв одну руку вверх и протягивая вперед другую. Тогда он роется в карманах, кладет монету и кусок шоколада нам на грязную ладонь и, качая головой, уходит.

Мы стоим.

Мимо проходит женщина. Мы протягиваем руку. Она говорит:

— Бедняжки. Мне нечего вам дать. Она гладит нас по голове.

Мы говорим:

— Спасибо.

Другая женщина дает нам два яблока, еще одна — сухари.

Мимо проходит женщина. Мы протягиваем руку, она останавливается и говорит:

— Не стыдно вам просить милостыню? Пойдемте ко мне домой, там есть для вас легкая работа. Нарубить дрова, например, или прибрать на веранде. Это вам по силам. А потом, если все хорошо сделаете, я дам вам супа и хлеба.

Мы отвечаем:

— Нам не хочется работать для вас, сударыня. Нам не хочется есть ваш суп и ваш хлеб. Мы не голодны.

Она спрашивает:

— Зачем тогда вы просите милостыню?

— Чтобы узнать, что при этом чувствуешь, и наблюдать за реакцией людей.

Уходя, она кричит:

— Хулиганы! И к тому же наглецы!

На обратном пути мы выбрасываем в густую траву у дороги яблоки, сухари, шоколад и монеты.

Руку, погладившую нас по голове, выкинуть невозможно.

Заячья губа

Мы удим рыбу на берегу реки. Прибегает Заячья Губа. Она нас не видит. Она ложится на траву, поднимает юбку. Трусов у нее нет. Нам видны ее голые ягодицы и волосы между ногами. У нас еще нет волос между ногами. У Заячьей Губы есть, но мало.

Заячья Губа свистит. Прибегает собака. Это наш кобель. Она обхватывает его руками, катается с ним по траве. Кобель лает, вырывается, отряхивается и убегает. Заячья Губа ласково зовет его, гладя себя пальцами между ног.

Кобель возвращается, несколько раз нюхает между ног у Заячьей Губы и начинает лизать.

Заячья Губа раздвигает ноги, прижимает обеими руками голову кобеля к своему животу. Она шумно дышит и извивается.

У кобеля становится виден член, он становится все длиннее, он тонкий и красный. Кобель задирает голову, пытается вскарабкаться на Заячью Губу. Заячья Губа переворачивается, становится на четвереньки, подставляет свой зад кобелю. Кобель кладет передние лапы на спину Заячьей Губы, его задние лапы дрожат. Он ищет, придвигается все ближе, встает между ногами Заячьей Губы, прижимается к ее заду. Он очень быстро двигается взад-вперед. Заячья Губа кричит, и потом падает плашмя.

Кобель медленно уходит.

Заячья Губа лежит еще некоторое время, потом встает, видит нас, краснеет. Она кричит:

- Гаденыши, шпионы! Что вы видели? Мы отвечаем:
- Мы видели, как ты играла с нашим кобелем. Она спрашивает:
- Мы с вами все равно друзья?
- Да. И мы разрешаем тебе играть с нашим кобелем сколько хочешь.
- И вы никому не скажете о том, что видели?
- Мы ничего никому никогда не говорим. Ты можешь на нас положиться.

Она садится на траву и плачет:

- Одни звери меня любят. Мы спрашиваем:
- Правда, что твоя мать сумасшедшая?
- Нет, она просто глухая и слепая.
- Что с ней произошло?

— Ничего. Ничего особенного. Однажды она ослепла, а потом оглохла. Она говорит, что со мной тоже так будет. Видели мои глаза? Утром, когда я просыпаюсь, ресницы у меня слипаются, в глазах полно гноя.

Мы говорим:

— Скорее всего, это болезнь, которую медицина может вылечить.

Она говорит:

— Может быть. Но как пойти к врачу без денег? Да и врача нет. Они все ушли на фронт.

Мы спрашиваем:

— А угли? У тебя болят уши?

— Нет, с ушами у меня все в порядке. И думаю, что у матери тоже. Она притворяется, что не слышит, так ей удобнее, когда я что-нибудь спрашиваю.

Упражнение на слепоту и глухоту

Один из нас изображает слепого, другой глухого. Сначала, для тренировки, слепой завязывает глаза черным Бабушкиным платком, глухой затыкает уши травой. От платка пахнет плохо, как от Бабушки.

Мы берем друг друга за руку и ходим по городу во время воздушной тревоги, когда люди прячутся в подвалах и улицы пусты.

Глухой описывает то, что видит:

— Улица прямая и длинная. На ней низкие, одноэтажные дома. Они белого, серого, розового, желтого и голубого цвета. В конце улицы виден сквер с деревьями и фонтаном. Небо голубого цвета, на нем белые облака. Показываются самолеты. Пять бомбардировщиков. Они летят низко.

Слепой говорит медленно, чтобы глухой мог прочесть по губам:

— Я слышу шум самолетов. У них низкий гудящий звук. Моторы рычат. Самолеты нагружены бомбами. Теперь они пролетели. Я снова слышу птиц. Кроме птиц, никаких звуков.

Глухой читает по губам слепого и отвечает:

— Да, улица пуста.

Слепой говорит:

— Так будет недолго. Я слышу, как по боковой улице слева приближаются шаги.

Глухой говорит:

— Ты прав. Идет человек, мужчина.

Слепой спрашивает:

— Как он выглядит?

Глухой отвечает:

— Как все. Бедный, старый.

Слепой говорит:

— Я это знаю. Я умею различать походку стариков. Еще я слышу, что он босиком, значит, он беден.

Глухой говорит:

— Он лысый. На нем старая армейская куртка. Слишком короткие брюки. У него грязные ноги.

— А глаза?

— Мне не видно глаз. Он смотрит в землю.

— Рот?

— Губы провалились. Видимо, у него уже нет зубов.

— Руки?

— В карманах. Карманы огромные, и в них что-то лежит. Картошка или орехи, видны небольшие бугры. Он поднимает голову, смотрит на нас. Но я не могу рассмотреть, какого цвета у него глаза.

— Ты больше ничего не видишь?

— У него на лице морщины, глубокие, как шрамы.

Слепой говорит:

— Я слышу сирену. Конец воздушной тревоги. Пойдем домой.

Потом, со временем, нам уже не нужно завязывать глаза платком и затыкать уши травой. Тот, кто изображает слепого, просто обращает взгляд внутрь, а глухой закрывает уши для звуков.

Дезертир

Мы находим в лесу человека. Живого человека, молодого, без военной формы. Мы спрашиваем у него:

— Почему вы здесь лежите? Он отвечает:

— Я больше не могу идти. Я пришел с той стороны границы. Я иду уже две недели. Днем и ночью. Чаще ночью. А теперь я слишком слаб. Я голоден. Я ничего не ел три дня.

Мы спрашиваем:

— Почему на вас нет военной формы? Все молодые люди в форме. Все солдаты.

Он говорит:

— Я не хочу быть солдатом.

— Вы не хотите сражаться с врагом?

— Я не хочу сражаться ни с кем. У меня нет врагов. Я хочу вернуться домой.

— А где ваш дом?

— До него еще далеко. Мне не дойти, если я не найду еды.

Мы спрашиваем:

— Почему вы не сходите купить еды? У вас нет денег?

— Нет, у меня нет денег и я не хочу показываться. Мне надо прятаться. Нельзя, чтобы меня увидели.

— Почему?

— Я покинул свою часть самовольно. Я сбежал. Я дезертир. Если меня найдут, то расстреляют или повесят.

Мы спрашиваем:

— Что вы хотите, чтобы мы принесли из еды?

— Что угодно.

— Козьего молока, крутых яиц, хлеба, фруктов?

— Да, да, что угодно. Мы спрашиваем:

— И одеяло? Ночью холодно, и часто идет дождь. Он говорит:

— Да, но только чтобы вас не увидели. И вы никому не скажете, правда? Даже матери.

Мы отвечаем:

— Нас не увидят, мы никогда ничего никому не говорим и у нас нет Матери.

Когда мы возвращаемся с едой и одеялом, он говорит:

— Вы очень добры. Мы говорим:

— Мы не хотели быть добрыми. Мы принесли вам эти вещи, потому что вам они совершенно необходимы. Вот и все.

Он добавляет:

— Я не знаю, как вас благодарить. Я вас никогда не забуду.

У него на глазах выступают слезы.

Мы говорим:

— Знаете, плакать не стоит. Мы никогда не плачем. А ведь мы не такие взрослые мужчины, как вы.

Он улыбается и говорит:

— Вы правы. Простите, я больше не буду. Это просто от слабости.

Упражнение на голод

Мы объявляем Бабушке:

— Сегодня и завтра мы не будем есть. Мы будем только пить воду.

Она пожимает плечами:

— Мне наплевать. Но работать будете, как всегда.

— Конечно, Бабушка.

В первый день она убивает курицу и жарит ее в духовке. В полдень она зовет нас:

— Идите есть!

Мы идем в кухню, пахнет очень вкусно. Нам немного хочется есть, но не слишком. Мы смотрим, как Бабушка режет курицу.

Она говорит:

— Как вкусно пахнет. Чувствуете, как вкусно пахнет? Хотите, дам каждому по ножке?

— Мы ничего не хотим, Бабушка.

— Жалко, потому что она правда очень вкусная. Она ест руками, облизывает пальцы, вытирает их о передник. Она разгрызает и обсасывает кости.

Она говорит:

— Очень нежная, молодая курица. Ничего вкуснее и быть не может.

Мы говорим:

— Бабушка, с тех пор, как мы у вас, вы нам еще ни разу не готовили курицу.

Она говорит:

— А сегодня сготовила. Хотите — ешьте.

— Вы знаете, что мы решили ничего не есть ни сегодня, ни завтра.

— Я тут ни при чем. Это все ваши идиотские выдумки.

— Это одно из наших упражнений. Чтобы научиться терпеть голод.

— Вот и учитесь. Никто вам не мешает.

Мы выходим из кухни, идем выполнять работу в саду. К концу дня мы действительно чувствуем сильный голод. Мы пьем много воды. Вечером нам трудно заснуть. Во сне мы видим еду.

На следующий день, в обед, Бабушка доедает курицу. Мы смотрим, как она ест, словно сквозь туман. Есть нам больше не хочется. У нас кружится голова.

Вечером Бабушка делает блинчики с вареньем и с творогом. Мы чувствуем тошноту и спазмы в животе, но, как только ложимся, крепко засыпаем. Когда мы встаем, Бабушка уже ушла на рынок. Мы хотим позавтракать, но в кухне никакой еды. Ни хлеба, ни молока, ни сыра. Бабушка все заперла в подвале. Мы могли бы открыть подвал, но решаем ничего не трогать. Мы едим сырые помидоры и огурцы с солью.

Бабушка возвращается с рынка и говорит:

- Сегодня утром вы не сделали свою работу.
- Надо было вам разбудить нас, Бабушка.
- Могли и сами проснуться. Но в виде исключения я все же дам вам поесть.

Она, как всегда, варит нам суп из того, что осталось от рынка. Мы едим мало. После еды Бабушка говорит:

- Это глупое упражнение. И вредное для здоровья.

Могила дедушки

Однажды мы видим, как Бабушка выходит из дома с лейкой и садовыми инструментами. Но вместо того чтобы идти на виноградник, она направляется в другую сторону. Мы издали следуем за ней, чтобы узнать, куда она идет.

Она приходит на кладбище, останавливается перед одной из могил, кладет инструменты на землю. На кладбище пусто, только Бабушка и мы.

Прячась за кустами и надгробными памятниками, мы подходим все ближе. Бабушка плохо видит и слышит. Мы можем наблюдать за ней незаметно.

Она вырывает на могиле сорняки, копает лопатой, рыхлит землю тяпкой, сажает цветы, идет к колодцу за водой, возвращается и поливает могилу.

Она заканчивает работу, складывает инструменты, потом встает перед деревянным крестом на колени, опираясь на пятки. Она складывает ладони вместе у живота, как для молитвы, но слышим мы в основном ругательства:

— Дерьмо... сволочь... свинья... негодяй... будь проклят...

Когда Бабушка уходит, подходим мы, чтобы рассмотреть могилу: она в прекрасном состоянии. Мы смотрим на крест: написанная на нем фамилия — это фамилия Бабушки, но это также и девичья фамилия нашей Матери. Имя состоит из двух имен и пишется через черточку — это наши имена.

На кресте есть также даты рождения и смерти. Мы подсчитываем, что Дедушка умер в возрасте сорока четырех лет, двадцать три года назад.

Вечером мы спрашиваем у Бабушки:

— А какой он был, наш Дедушка?

Она говорит:

— Как? Что? У вас нет Дедушки.

— Но раньше он у нас был.

— Никогда не было. Когда вы родились, он уже умер. Значит, у вас никогда не было Дедушки.

Мы спрашиваем:

— Почему вы его отравили?

Она спрашивает:

— Это еще что такое?

— Люди говорят, что вы отравили Дедушку.

— Говорят... говорят... нечего слушать.

— Вы его не отравляли?

— Отвяжитесь вы от меня, сукины дети! Ничего не доказано! Люди говорят глупости.

Мы говорим снова:

— Мы знаем, что вы не любили Дедушку. Тогда почему вы ухаживаете за его могилой?

— Вот поэтому и ухаживаю! Потому что люди говорят. Чтоб перестали всё говорить и говорить! А откуда вы знаете, что я ухаживаю за его могилой, а? Вы следили за мной, сукины дети, вы следили за мной! Чтоб вас черт побрал!

Упражнение на жестокость

Воскресенье. Мы ловим курицу и перерезаем ей горло так, как это делала на наших глазах Бабушка. Мы приносим курицу на кухню и говорим:

— Нужно зажарить ее, Бабушка. Она начинает кричать:

— Кто вам разрешил? Вы не имеете права! Я здесь командую, малявки, говнюки! Не буду ее жарить! Я лучше сдохну!

Мы говорим:

— Все равно. Мы зажарим ее сами.

Мы начинаем ощипывать курицу, но Бабушка вырывает ее у нас из рук:

— Вы не знаете, как за это взяться! Маленькие негодяи, горе мое, Божье наказание, вот вы что такое!

Пока курица жарится, Бабушка плачет:

— Это была лучшая курица. Они нарочно взяли самую хорошую. Как раз во вторник я должна была нести ее на рынок.

Мы едим курицу и говорим:

— Очень вкусная курица. Мы будем так есть каждое воскресенье.

— Каждое воскресенье? Вы с ума сошли? Вы разорить меня хотите?

— Мы будем есть курицу каждое воскресенье, хотите вы или нет.

Бабушка снова начинает плакать:

— Что же я им сделала? Вот несчастье! Они хотят меня убить. Бедная старая женщина, некому заступиться. Я этого не заслужила. А я с ними по-хорошему!

— Да, Бабушка, вы добрая, очень добрая. Поэтому вы нам по-хорошему будете жарить курицу каждое воскресенье.

Когда она немного успокаивается, мы добавляем:

— Когда надо будет кого-нибудь зарезать, позовите нас.

Она говорит

— А вам это нравится, да?

— Нет, Бабушка, как раз нам это не нравится. Именно поэтому нам надо к этому привыкнуть.

Она говорит:

— Понятно. Новое упражнение. Вы правы. Надо уметь убивать в случае необходимости.

Мы начинаем с рыб. Мы берем их за хвост и разбиваем им голову о камень. Мы быстро учимся убивать животных, предназначенных для еды: кур, кроликов, уток. Позже мы начинаем убивать животных, в смерти которых нет необходимости. Мы ловим лягушек, прибавляем их к доске и разрезаем им живот. Мы также ловим бабочек и прикалываем их булавками к листу картона. Вскоре у нас получается хорошая коллекция.

Однажды мы вешаем на ветке дерева нашего рыжего кота. Повешенный кот вытягивается в длину, становится огромным. Он вздрагивает, судорожно подергивается. Когда он перестает шевелиться, мы его снимаем. Он лежит на траве, не двигаясь, потом вдруг вскакивает и убегает.

С этого дня мы видим его только издали, он больше не подходит к дому. Он даже не приходит пить молоко, которое мы наливаем в блюдце перед дверью.

Бабушка нам говорит:

— Этот кот совсем одичал.

Мы говорим:

— Не волнуйтесь, Бабушка, мы сами займемся мышами.

Мы делаем мышеловки, а попавшихся туда мышей бросаем в кипяток.

Другие дети

В Маленьком Городе есть другие дети. Школа закрыта, и они проводят целый день на улице. Дети бывают старшие и младшие. У некоторых дом и мать здесь, другие откуда-то приехали, как мы. Большинство из Большого Города.

Многих из этих детей поселили к людям, которых они раньше не знали. Их заставляют работать в поле и на винограднике, и люди, у которых они живут, не всегда хорошо с ними обращаются.

Старшие дети часто обижают младших. Они забирают у них все, что есть в карманах, а иногда даже и одежду. Еще они их бьют, особенно приезжих. Местных малышей защищают их матери, и они никогда не выходят на улицу одни.

Нас никто не защищает. Поэтому мы учимся бороться со старшими детьми.

Мы изготавливаем оружие: затачиваем камни, набиваем носки песком и щебнем. Еще у нас есть бритва, найденная в одном из ящиков на чердаке, рядом с Библией. Нам достаточно вытащить бритву, чтобы большие дети убежали.

Однажды в жаркий день мы сидим около фонтана, куда приходят за водой люди, у которых нет своего колодца. Совсем рядом мальчики старше нас лежат на траве. Здесь, под деревьями, около текущей без остановки воды, прохладно.

Приходит Заячья Губа с ведром и ставит его под трубу, из которой течет тонкая струя воды. Она ждет, пока ведро наполнится.

Когда ведро наполняется, один из мальчиков встает, подходит и плюет в него. Заячья Губа споласкивает ведро и снова ставит его под трубу. Теперь она не ждет, пока ведро наполнится, она наливает его до половины и пытается поскорее уйти.

Один из мальчиков бежит за ней, хватая ее за руку и плюет в ведро.

Заячья Губа говорит:

— Да перестаньте вы! Мне надо принести чистой воды, которую можно пить.

Мальчик говорит:

— Но это чистая вода. Я только туда плюнул. Ты же не станешь говорить, что мой плевок — это грязь! Мой плевок чище всего, что есть у

вас в доме.

Заячья Губа выливает воду из ведра, она плачет. Мальчик расстегивает ширинку и говорит:

— Соси! Если отсосешь, дадим тебе налить ведро.

Заячья Губа нагибается. Мальчик отходит назад.

— Ты думаешь, я суну его в твой поганый рот? Скотина!

Он ударяет Заячью Губу в грудь ногой и застегивает свою ширинку.

Мы подходим к ним. Мы помогаем Заячьей Губе встать, берем ведро, хорошо его прополаскиваем и ставим под трубу фонтана.

Один из мальчиков говорит остальным двоим:

— Пошли, позабавимся в другом месте.

Другой говорит:

— Ты что? Сейчас-то и будет самое веселье.

Первый говорит:

— Брось! Я их знаю. С ними лучше не связываться.

— Не связываться? С этими недоносками? Сейчас я их сделаю. Увидите!

Он подходит к нам, собирается плюнуть в ведро, но один из нас делает ему подножку, другой бьет мешком с песком по голове. Он падает. Он лежит на земле, без сознания. Остальные двое смотрят на нас. Один делает шаг в нашу сторону. Другой говорит.

— Берегись! Эти сволочи способны на все. Один раз они мне раскроили камнем висок. Еще у них есть бритва, и они не раздумывая пускают ее в дело. Зарежут тебя и глазом не моргнут. Они совсем ненормальные.

Мальчики уходят.

Мы протягиваем Заячьей Губе полное ведро.

Она спрашивает:

— Почему вы сразу же не помогли мне?

— Мы хотели посмотреть, как ты выпутаешься.

— Что я могла сделать против трех здоровых парней?

— Швырнуть им ведро в голову, расцарапать лицо, дать ногой по яйцам, кричать, вопить. Или убежать и вернуться потом.

Зима

Становится все холоднее. Мы роемся в чемоданах и надеваем на себя почти все, что находим: несколько свитеров, несколько брюк. Но мы не можем надеть вторую пару обуви на свои стоптанные и дырявые городские ботинки. К тому же у нас нет другой обуви. Перчаток и шапок у нас тоже нет. Руки и ноги у нас обморожены.

Небо темно-серого цвета, улицы городка пусты, река замерзла, деревья покрыты снегом. Мы больше не можем ходить в лес. А дрова у нас скоро кончатся.

Мы говорим Бабушке:

— Нам нужно две пары резиновых сапог.

Она отвечает:

— А больше ничего? Где, по-вашему, мне взять денег?

— Бабушка, у нас почти нет дров.

— Значит, надо экономить.

Мы больше не выходим на улицу. Мы делаем разные упражнения, вырезаем из дерева ложки и хлебные доски, учимся до поздней ночи. Бабушка почти все время лежит в постели. На кухню она заходит редко. Нам никто не мешает.

Мы питаемся плохо, больше нет ни овощей, ни фруктов, куры перестали нестись. Бабушка каждый день достает из погреба немного фасоли и несколько картофелин, хотя погреб полон копченого мяса и банок с вареньем.

Иногда приезжает почтальон. Он останавливается и нажимает на звонок своего велосипеда до тех пор, пока Бабушка не выйдет из дома. Тогда почтальон слюнявит карандаш, что-то пишет на клочке бумаги, протягивает карандаш и бумагу Бабушке, и она ставит внизу на бумаге крест. Почтальон дает ей деньги, пакет или письмо и, насвистывая, уезжает обратно в город.

Бабушка уносит пакет и деньги и запирается у себя в комнате. Если есть письмо, она бросает его в огонь.

Мы спрашиваем:

— Бабушка, почему вы выбрасываете письмо, не читая?

Она отвечает:

— Я не умею читать. Я никогда не ходила в школу, я всю жизнь только

работала. Меня не баловали так, как вас.

— Мы могли бы прочесть вам те письма, которые вы получаете.

— Никто не должен читать письма, которые мне присылают.

Мы спрашиваем:

— От кого деньги? От кого посылки? От кого письма?

Она не отвечает.

Назавтра, пока она возится в погребе, мы обыскиваем ее комнату. Под кроватью мы находим пакет. В нем свитера, шарфы, шапки, перчатки. Мы ничего не говорим Бабушке, иначе она поймет, что у нас есть ключ от ее комнаты.

После ужина мы ждем. Бабушка пьет водку, потом, шатаясь, идет открывать дверь к себе в комнату ключом, который висит у нее на поясе. Мы идем за ней и толкаем ее в спину. Она падает на кровать. Мы делаем вид, что обыскиваем комнату и находим пакет.

Мы говорим:

— Нехорошо так делать, Бабушка. Мы мерзнем, у нас нет теплой одежды, нам не в чем выйти на улицу, а вы хотите продать все, что наша Мать связала и прислала для нас.

Бабушка не отвечает, она плачет. Мы снова говорим:

— Это наша Мать присылает деньги, это наша Мать пишет письма.

Бабушка говорит:

— Она пишет не мне. Она прекрасно знает, что я не умею читать. Раньше она мне никогда не писала. А теперь, с тех пор как вы здесь, пишет. Но мне ее письма не нужны! Мне ничего от нее не нужно!

Почтальон

Теперь мы ждем почтальона у двери сада. Почтальон — старик, на голове у него фуражка. Он ездит на велосипеде с двумя кожаными сумками, привязанными к багажнику.

Когда он подъезжает, мы не даем ему позвонить и быстро сворачиваем звонок.

Он говорит:

— Где ваша Бабушка?

Мы говорим:

— Не беспокойтесь о ней. Дайте нам то, что привезли.

Он говорит:

— Ничего нет.

Он хочет уехать, но мы его толкаем. Он падает в снег. Велосипед падает на него. Почтальон ругается.

Мы роемся у него в сумках, находим письмо и извещение. Мы берем письмо и говорим:

— Давайте деньги!

Он говорит:

— Не дам. Они посланы вашей Бабушке.

Мы говорим:

— Деньги предназначены нам. Их посылает наша Мать. Если вы не выплатите нам деньги, мы вам не дадим встать с земли, и вы замерзнете.

Он говорит:

— Ладно, ладно. Помогите встать, мне придавило ногу велосипедом.

Мы поднимаем велосипед и помогаем почтальону встать. Он очень худой и легкий.

Он достает из кармана деньги и отдает их нам.

Мы спрашиваем:

— Вам расписаться или поставить крест?

Он говорит:

— Сойдет и крест. Что один крест, что другой.

Он добавляет:

— Правильно вы делаете, что не даете себя в обиду. Все знают вашу Бабушку. Более жадной старухи, чем она, не найдешь. Так все это посылает вам ваша Мама? Какая она добрая. Я помню ее еще совсем девочкой.

Правильно она сделала, что уехала. Здесь бы она никогда не вышла замуж. Из-за всех этих сплетен...

Мы спрашиваем:

— Каких сплетен?

— Да будто она отравила своего мужа. То есть, что Бабушка отравила вашего Дедушку. Это старая история. С тех пор ее и зовут Ведьмой.

Мы говорим:

— Мы не хотим, чтобы плохо говорили про Бабушку.

Почтальон разворачивает свой велосипед:

— Хорошо, хорошо, просто надо, чтоб вы были в курсе.

— Мы и так были в курсе. С этих пор почту вы будете отдавать нам. Иначе мы вас убьем. Понятно?

Почтальон говорит:

— С вас станет, висельники. Вы получите свою почту, мне-то все равно. На Ведьму мне плевать.

Он толкает велосипед и уезжает. Он волочит ногу, чтобы мы видели, что из-за нас ему больно.

Назавтра мы тепло одеваемся и идем в центр покупать резиновые сапоги на те деньги, что прислала нам Мать. Письмо от нее мы носим под рубашкой, по очереди.

Сапожник

Сапожник живет и работает в подвале дома недалеко от вокзала. У него большая комната. В одном углу кровать, в другом — кухня. Он работает у окна, которое находится на уровне земли. Сапожник сидит на низком табурете, вокруг — обувь и инструменты. Он смотрит на нас поверх очков, рассматривает наши лакированные ботинки — они совсем растрескались.

Мы говорим:

— Здравствуйте, сударь. Мы хотели бы приобрести резиновые сапоги, непромокаемые, теплые. Есть ли они у вас в продаже? Мы принесли деньги.

Он говорит:

— Да, я продаю сапоги. Но теплые, на подкладке, очень дорого стоят.

Мы говорим:

— Нам они совершенно необходимы. У нас мерзнут ноги.

Мы выкладываем на низкий столик все свои деньги.

Сапожник говорит:

— Этого как раз хватит на одну пару. Но вы можете обойтись одной парой. У вас одинаковый размер ноги. Будете выходить по очереди.

— Это невозможно. Мы никогда не выходим друг без друга. Мы всюду ходим вместе.

— Попросите у своих родителей еще денег.

— У нас нет родителей. Мы живем у Бабушки, которую зовут Ведьмой. Она не даст нам денег.

Сапожник говорит:

— Так Ведьма вам бабушка? Бедные дети! И вы дошли сюда от ее дома в таких вот ботинках?!

— Да, дошли. Мы не можем прожить зиму без сапог. Нам нужно ходить в лес за дровами, расчищать снег. Нам совершенно необходимы...

— Две пары теплых и непромокаемых сапог.

Сапожник смеется и протягивает нам две пары сапог:

— Примерьте.

Мы примеряем их; они нам совершенно как раз.

Мы говорим:

— Мы берем их. Мы заплатим вам за вторую пару весной, после

продажи рыбы и яиц. Или, если вам угодно, принесем дров.

Сапожник протягивает нам наши деньги:

— Держите. Возьмите деньги назад. Мне их не надо. Лучше купите себе теплые носки. Я дарю вам эти сапоги, потому что они вам совершенно необходимы.

Мы говорим:

— Мы не любим принимать подарки.

— Это почему же?

— Потому что не любим благодарить.

— И не надо ничего говорить. Уходите. Нет. Пойдите! Возьмите еще эти домашние туфли и сандалии на лето, и еще вот эти высокие ботинки. Они очень прочные. Берите все, что хотите.

— Почему вы все это нам отдаете?

— Мне они больше не нужны. Я скоро уеду.

Мы спрашиваем:

— Куда вы едете?

— Кто знает? Меня заберут и убьют.

Мы спрашиваем:

— Кто собирается вас убить и за что?

Он говорит:

— Не задавайте вопросов. Вам пора уходить.

Мы берем ботинки, тапки, сандалии. Сапоги у нас на ногах. Мы останавливаемся перед дверью и говорим:

— Мы надеемся, что вас не заберут. Или, если заберут, то не убьют. До свидания, сударь, и спасибо, большое спасибо.

Когда мы возвращаемся, Бабушка спрашивает:

— Где вы все это украли, висельники?

— Мы ничего не украли. Это подарок. Не все так скупы, как вы, Бабушка.

Кража

В сапогах, в теплой одежде, мы снова можем выходить на улицу. Мы катаемся по льду замерзшей реки, ходим в лес за дровами.

Мы берем топор и пилу. Сбирать сухие ветки с земли теперь нельзя: снег слишком глубок. Мы залезаем на деревья, отпиливаем сухие ветки, рубим их топором. Пока мы работаем, нам не холодно. У нас даже выступает пот. Так что мы снимаем перчатки и кладем их в карман, чтобы они не сносились слишком быстро.

Однажды, возвращаясь, как всегда, с двумя связками дров, мы делаем крюк и заходим к Заячьей Губе.

Снег перед лачугой не расчищен, на земле никаких следов. Труба не дымится.

Мы стучимся и дверь — нет ответа. Мы входим. Сначала мы ничего не видим, так темно, но найти глаза быстро привыкают к отсутствию света.

Эта комната служит кухней и спальней. В самом темном углу стоит кровать. Мы подходим ближе. Окликаем. Кто-то шевелится под одеялами и старой одеждой; появляется голова Заячьей Губы.

Мы спрашиваем:

— Твоя мать здесь?

Она говорит:

— Да.

— Она умерла?

— Не знаю.

Мы кладем вязанки и растапливаем плиту, потому что в доме такой же холод, как на улице. Потом мы идем к Бабушке и берем в погребе картошку и фасоль. Мы доим козу и возвращаемся в дом к соседке. Мы греем молоко, растапливаем снег в кастрюле и варим фасоль. Картошку мы жарим на плите.

Заячья Губа встает, шатаясь, подходит к огню и садится.

Соседка жива. Мы наливаем ей в рот козье молоко.

Мы говорим Заячьей Губе:

— Когда все сварится, поешь и покорми свою мать. Мы еще придем.

На деньги, которые вернул сапожник, мы купили: несколько пар носков, но истратили не все. Мы идем в бакалейную лавку, покупаем немного муки и берем, не заплатив, соль и сахар. Еще мы идем к мяснику,

покупаем тонкий ломтик сала и берем, не заплатив, большую колбасу. Мы возвращаемся к Заячьей Губе. Они с матерью уже все съели. Мать продолжает лежать в постели. Заячья Губа моет посуду.

Мы говорим ей:

— Мы будем вам приносить по вязанке дров каждый день. И еще немного фасоли и картошки. Но на все остальное нужны деньги. У нас их нет. Без денег не войти в магазин. Нужно что-нибудь купить, чтобы украсть остальное.

Она говорит:

— С ума сойти, какие вы хитрые. Вы правы. Меня-то в магазин вообще не пускают. Никогда бы не подумала, что вы сможете воровать.

Мы говорим:

— Почему бы и нет? Для нас это будет упражнением в ловкости. Но обязательно нужно немного денег.

Она минутку думает и говорит:

— Попросите их у господина кюре. Он иногда давал мне денег, когда я разрешала ему посмотреть свою дырку.

— Он тебя об этом просил?

— Да. И иногда всовывал туда палец. А потом давал денег, чтобы я никому не сказала. Скажите ему, что Заячьей Губе и ее матери нужны деньги.

Шантаж

Мы идем к господину кюре. Он живет рядом с церковью в большом доме, который называется приходский дом.

Мы дергаем за шнурок звонка. Дверь открывает старая женщина:

— Что вам надо?

— Нам нужен господин кюре.

— Зачем?

— К умирающему.

Женщина впускает нас в прихожую. Она стучит в одну из дверей:

— Господин кюре, — кричит она, — тут пришли за последним причастием.

Из-за двери раздается голос:

— Я иду. Пусть подождут.

Мы ждем несколько минут. Из комнаты выходит высокий худой человек со строгим лицом. Поверх темной одежды на нем надето что-то вроде бело-золотой накидки. Он спрашивает нас:

— Куда идти? Кто вас послал?

— Заячья Губа и ее мать.

Он говорит:

— Прошу вас назвать точную фамилию этих людей.

— Их точная фамилия нам неизвестна. Мать слепа и глуха. Они живут в последнем доме города. Сейчас они умирают от голода и холода.

Кюре говорит:

— Хотя эти люди мне абсолютно неизвестны, я готов дать им последнее причастие. Пойдемте. Вы покажете мне дорогу.

Мы говорим:

— Им еще не нужно последнее причастие. Им нужно немного денег. Мы принесли им дрова, картошку и фасоль, но больше мы ничего сделать не можем. Заячья Губа прислала нас сюда. Вы иногда давали ей немного денег.

Кюре говорит:

— Может быть. Я часто помогаю бедным. Всех запомнить невозможно. Возьмите!

Он ищет в карманах под своей накидкой и протягивает нам несколько мелких монет. Мы берем их и говорим:

— Этого мало. Слишком мало. Здесь не хватает даже на буханку хлеба.
Он говорит:

— Мне очень жаль. Бедных много. А паства почти перестала жертвовать на церковь. В данный момент все испытывают затруднения. Ступайте, и да благословит вас Господь!

Мы говорим:

— Эта сумма удовлетворит нас сегодня, но завтра нам придется вернуться назад.

— Что? Как это понимать? Завтра? Я не велю вас пускать. Немедленно выйдите отсюда.

— Завтра мы будем звонить, пока вы нас не впустите. Мы будем колотить и пинать вашу дверь, мы всем расскажем про то, что вы делали с Заячьей Губой.

— Я никогда ничего не делал Заячьей Губе. Я даже не знаю, кто это. Она что-то выдумала и рассказала вам. Кто примет всерьез вздор, который несет слабоумная девчонка? Никто вам не поверит. Все, что она говорит, — ложь!

Мы говорим:

— Неважно, правда это или ложь. Главное — клевета. Люди любят скандалы.

Кюре садится на стул, вытирает лицо платком.

— Это чудовищно. Да знаете ли вы, чем вы сейчас занимаетесь?

— Да, сударь. Это шантаж.

— В вашем возрасте... Как это прискорбно.

— Да, прискорбно, что мы вынуждены прибегнуть к шантажу. Но Заячьей Губе и ее матери совершенно необходимы деньги.

Кюре встает, снимает накидку и говорит:

— Бог посылает мне испытание. Сколько вы хотите денег? Я небогат.

— В десять раз больше того, что вы дали. Еженедельно. Мы не просим у вас невозможного.

Он достает деньги из кармана, дает нам:

— Приходите каждую субботу. Но только не воображайте, что я поддался на ваш шантаж. Я поступаю так из милосердия.

Мы говорим:

— Мы именно этого и ждали от вас, господин кюре.

Обвинения

Однажды днем денщик входит на кухню. Мы давно его не видели. Он говорит:

— Вы идти помочь разгружать джип?

Мы надеваем сапоги, мы идем за ним к машине, стоящей на дороге перед садовой калиткой. Денщик передает нам ящики и коробки, которые мы относим в комнату офицера.

Мы спрашиваем:

— Господин офицер приедет сегодня вечером? Мы еще никогда его не видели.

Денщик говорит:

— Офицер нет приезжать сюда зимой. Возможно нет приезжать никогда. Он иметь любовный огорчение. Возможно найти кто-то другой потом. Забыть. Это не для вас такие истории. Вы приносить дрова, чтобы греть комната.

Мы приносим дрова, разжигаем огонь в маленькой металлической печке. Денщик открывает ящики и коробки, ставит на стол бутылки вина, водки, пива, а также гору еды: колбасы, мясные и овощные консервы, рис, печенье, шоколад, сахар, кофе.

Денщик открывает бутылку, отпивает и говорит:

— Я греть консервы в котелок на спиртовая плитка. Сегодня вечером есть, пить, петь песни с друзья. Праздновать победу над враг. Мы скоро выиграть война с новый чудо-оружие.

Мы спрашиваем:

— Война скоро кончится? Он говорит:

— Да. Очень скоро. Почему вы смотреть так еда на стол? Если вы голоден, есть шоколад, печенье, колбаса.

Мы говорим:

— Много людей умирает от голода.

— И что тогда? Нет думать об это. Много люди умирать от голод или от другое. Мы не думать. Мы есть, а не умирать.

Он хохочет. Мы говорим:

— Мы знаем слепую и глухую женщину, которая живет недалеко отсюда со своей дочерью. Им не пережить эту зиму.

— Я это не виноват.

— Нет, вы виноваты. Вы и ваша страна. Вы принесли нам войну.
— До война они делать как, чтобы есть, слепая и дочь?
— До войны они жили подаянием. Люди отдавали им старую одежду, старые башмаки. Им приносили еду. Теперь никто ничего не дает. Все теперь бедные или боятся стать бедными. Война сделала людей скупыми эгоистами.

Денщик кричит:

— Я плевать на все это! Хватит! Вы молчать!
— Да, вы плюете на все это и едите нашу еду.
— Нет ваша еда. Я брать это склад казарма.
— Все, что находится на столе, — из нашей страны: напитки, консервы, печенье, сахар. Наша страна кормит вашу армию.

Денщик становится красным. Он садится на кровать, хватая голову руками:

— Вы думать я хотеть война и приходите ваш чертов страна? Я гораздо лучше дома, спокойный, делать стулья и столы. Пить наш вино, забавляться с наши добрые девушки. Здесь все злые, также вы, маленький дети. Вы говорить, все я виноват. Я что можно делать? Если я говорит, я не ходить на война, не ходить в ваш страна, я расстрелять. Вы забирать все, давай, забирать все на стол. Праздник конец, я грустный, вы очень злой ко мне. Мы говорим:

— Мы не хотим все забирать, мы возьмем только немного консервов и шоколада. Но вы можете приносить время от времени, по крайней мере до конца зимы, сухое молоко, муку или любую другую еду.

Он говорит:

— Ладно. Это я могу. Вы ходить со мной завтра к слепая. Но вы добрый со мной, потом. Да?

Мы говорим:

— Да.

Денщик смеется. Приходят его друзья. Мы уходим. Всю ночь мы слышим, как они поют.

Служанка приходского дома

Однажды утром, в конце зимы, мы сидим с Бабушкой на кухне. Раздается стук в дверь, входит молодая женщина. Она говорит:

— Здравствуйте. Я пришла за картошкой для... Она останавливается, смотрит на нас:

— Какая прелесть!

Она берет *табуретку*, садится:

— Ну-ка, подойди ко мне. Мы не двигаемся.

— Или ты.

Мы не двигаемся. Она смеется:

— Ну, подходите, подходите поближе. Вы меня боитесь?

Мы подходим к ней, она говорит:

— Боже! Какие хорошенькие! Но какие вы грязные!

Бабушка спрашивает:

— Что вам надо?

— Картошки для господина кюре. Почему же вы такие грязные? Вы их никогда не моете?

Бабушка сердито говорит:

— Вас не касается. А почему старуха не пришла сама?

Молодая женщина опять смеется:

— Старуха? Она была моложе вас. Только она вчера умерла. Это была моя тетя. Теперь я вместо нее в приходском доме.

Бабушка говорит:

— Она была старше меня на пять лет. Так значит она умерла... Сколько вам надо картошки?

— Десять килограммов, или больше, если у вас есть. И яблок. И еще... Что у вас еще есть? Кюре ужасно исхудал, и в кладовой у него пусто.

Бабушка говорит:

— Осенью надо было думать.

— Осенью меня еще не было в доме. Я у него только со вчерашнего вечера.

Бабушка говорит:

— Предупреждаю вас, в это время все съестное дорого.

Молодая женщина снова смеется:

— Назначьте цену. У нас нет выбора. В магазинах почти ничего не

осталось.

— Скоро вообще нигде ничего не будет.

Бабушка усмехается и выходит. Мы остаемся одни со служанкой кюре.

Она спрашивает у нас:

— Почему вы никогда не моетесь?

— Ванной нет, мыла нет. Мыться совершенно невозможно.

— А как вы одеты! Ужас! У вас нет другой одежды?

— Она в чемоданах, под лавкой. Но все грязное и рваное. Бабушка никогда не стирает.

— Так Ведьма вам бабушка? Вот уж действительно чудеса!

Бабушка возвращается с двумя мешками:

— Это будет стоить десять серебряных монет или одну золотую.

Бумажек я не принимаю. Скоро они ничего не будут стоить.

Служанка спрашивает:

— А что в мешках?

Бабушка отвечает:

— Еда. Хотите берите, хотите нет.

— Я беру. Завтра принесу вам деньги. Мальчики могут помочь мне донести мешки?

— Могут, если захотят. Хотят они не всегда. И никому не подчиняются.

Служанка спрашивает у нас:

— Вы ведь согласны, правда? Каждый из вас понесет по мешку, а я возьму ваши чемоданы.

Бабушка спрашивает:

— При чем тут чемоданы?

— Я постираю им грязную одежду. Я принесу ее завтра вместе с деньгами.

Бабушка усмехается:

— Стирать одежду? Ну, если вам так нравится...

Мы выходим со служанкой. Мы идем за ней до приходского дома. Мы видим, как ее русые косы — толстые и длинные — извиваются на черной шали. Косы доходят ей до пояса. Бедра качаются под красной юбкой. Между юбкой и сапогами немного видны ноги. Чулки у нее черные, и на правом спущена петля.

Баня

Мы со служанкой подходим к приходскому дому. Она впускает нас через заднюю дверь. Мы оставляем мешки в кладовке и идем в котельную. Там всюду висят бельевые веревки. Кругом разнообразные тазы и лохани, и среди них оцинкованная ванна необычной формы, похожая на глубокое кресло.

Служанка открывает наши чемоданы, замачивает наши вещи в холодной воде, потом разводит огонь под двумя большими котлами с водой. Она говорит:

— Я сразу же выстираю то, что вам понадобится сейчас. Пока вы будете мыться, все высохнет. Я принесу вам остальную одежду завтра или послезавтра. Ее еще нужно починить.

Она наливает кипяток в ванну, добавляет холодной воды:

— Ну, кто первый?

Мы не двигаемся с места. Она говорит:

— Ты или ты? Ну же, раздевайтесь!

Мы спрашиваем:

— Вы останетесь здесь, пока мы будем мыться?

Она громко смеется:

— А как же, конечно останусь! Я даже собираюсь потерять вам спину и вымыть голову. Не будете же вы меня стесняться, правда? Я почти гожусь вам в матери.

Мы по-прежнему не двигаемся с места. Тогда она сама начинает раздеваться:

— Как хотите. Тогда я начну. Видите, я вас не стесняюсь. Вы просто маленькие мальчики.

Она что-то поет, по когда замечает, что мы на нее смотрим, краснеет. Груды у нее упругие и острые, как не до конца надутые воздушные шары. Кожа у нее очень белая, и везде растут густые русые волосы. Не только между ног и под мышками, но даже на животе и на бедрах. Она продолжает напевать, сидя в воде и намыливаясь банной рукавицей. Когда она выходит из ванной, то быстро натягивает халат. Она наливает в ванну новую воду и начинает стирать, повернувшись к нам спиной. Тогда мы раздеваемся и вместе залезаем в ванну. В ней вполне достаточно места для нас обоих. Через некоторое время служанка протягивает нам две большие белые

простыни:

— Надеюсь, что вы все себе хорошенько помыли.

Мы сидим на скамейке, завернутые в простыни, и ждем, пока высохнет наша одежда. В котельной много пара и очень жарко. Служанка подходит к нам с ножницами в руке:

— Я сейчас остригу вам ногти. И перестаньте дичиться: я вас не съем.

Она остригает нам ногти на руках и ногах. Потом она подрезает нам волосы. Она целует нас в лицо и шею; она все время повторяет:

— Ой, какие маленькие ножки, какие миленькие, какие чистенькие! Ой, какие очаровательные ушки, какая нежная шейка, какая нежная шейка! Ой, как бы мне хотелось, чтобы у меня было два таких мальчика — таких красивых, таких хорошеньких! Я бы их все время щекотала — вот так, вот так, вот так.

Она гладит и целует нам все тело. Она щекочет нам языком шею, подмышки, копчик. Она становится на колени перед скамейкой и сосет нам члены, которые у нее во рту становятся больше и тверже

Теперь она сидит между нами, она прижимает нас к себе:

— Если бы у меня были два таких хорошеньких ребеночка, я бы попоила их своим сладким молочком, вот оно, вот оно, вот так.

Халат у нее распахнулся и она пригибает наши головы к своим грудям, мы сосем розовые соски, которые теперь стали твердыми. Служанка засовывает руки под халат и трет себя между ногами:

— Как жалко, что вы не взрослые! Ох, как хорошо, как хорошо с вами играть!

Она стонет, начинает задыхаться, потом вдруг напрягается и застывает.

Когда мы уходим, она говорит нам:

— Приходите сюда мыться каждую субботу. Грязное белье приносите с собой. Я хочу, чтобы вы всегда были чистыми.

Мы говорим:

— За вашу работу мы будем носить вам дрова. И рыбу, и грибы, когда они появятся.

Кюре

И следующую субботу мы снова приходим мыться. Потом служанка нам говорит:

— Идите в кухню. Я сделаю чай, будем есть тартинки.

Мы сидим и едим тартинки, когда в кухню входит кюре.

Мы говорим:

— Здравствуйте, сударь. Служанка говорит:

— Батюшка, вот мои воспитанники. Внуки старой женщины, которую люди называют Ведьмой.

Кюре говорит:

— Я знаю их. Пойдемте со мной.

Мы идем за ним следом. Проходим комнату, в которой стоит только большой круглый стол, вокруг него стулья, и на стене висит распятие. Потом мы попадаем в темную комнату, стены которой до потолка заставлены книгами. Напротив двери молельная скамья с распятием, около окна письменный стол; в углу узкая кровать, у стены в ряд стоят три стула: вот вся обстановка комнаты.

Кюре говорит:

— Вы сильно изменились. Вы теперь чистые. Вы похожи на двух ангелов. Садитесь.

Он придвигает к своему письменному столу два стула; мы садимся. Он садится за стол. Протягивает нам конверт:

— Вот деньги.

Мы забираем деньги и говорим:

— Скоро вы сможете перестать давать деньги. Летом Заячья Губа может сама себя прокормить.

Кюре говорит:

— Нет. Я и дальше буду помогать этим двум женщинам. Мне стыдно, что я не сделал этого раньше. А теперь, может быть, мы поговорим о другом?

Он смотрит на нас, мы молчим. Он говорит:

— Я никогда не вижу вас в церкви.

— Мы туда не ходим.

— Вы когда-нибудь молитесь?

— Нет, мы не молимся.

— Бедные заблудшие овечки. Я помолюсь за вас. Умеете ли вы хотя бы читать?

— Да, сударь. Мы умеем читать.

Кюре протягивает нам книгу:

— Вот, прочитайте эту книгу. Вы найдете в ней прекрасные истории про Иисуса Христа и про жизнь святых.

— Эти истории мы уже знаем. У нас есть Библия. Мы прочли Ветхий Завет и Новый Завет.

Кюре поднимает черные брови:

— Как? Вы прочли все Священное Писание?

— Да, сударь. Многие главы мы знаем наизусть.

— Какие, например?

— Главы из Сотворения мира, Исхода, Книги Экклезиаста, из Апокалипсиса и из других книг.

Кюре минуту молчит, потом говорит:

— Значит, вы знаете Десять заповедей. Читите ли вы их?

— Нет, сударь, мы их не чтим. Никто их не чтит. Написано: "Не убий», а все убивают.

Кюре говорит:

— Что поделать... война. Мы говорим:

— Мы хотели бы прочитать другие книги, не только Библию, но у нас их нет. А у вас есть книги. Вы могли бы нам одолжить.

— Эти книги слишком сложны для вас.

— Они сложнее Библии?

Кюре смотрит на нас. Он спрашивает:

— Какого рода книги вам хотелось бы прочесть?

— Книги по истории и географии. Книги, которые описывают настоящее, а не выдуманное.

Кюре говорит:

— К следующей субботе я подберу вам такие книги. А теперь мне нужно побыть одному. Возвращайтесь в кухню и доедайте тартинки.

Служанка и денщик

Мы в саду вместе со служанкой собираем вишни. На джипе приезжают денщик и иностранный офицер. Офицер проходит прямо к себе в комнату. Денщик останавливается около нас. Он говорит:

— Здравствуйте, малыши, здравствуйте, красивая барышня. Вишни уже спелый? Я очень люблю вишни, я очень люблю красивую барышню.

Офицер кричит в окно. Денщику нужно идти в дом. Служанка говорит нам:

— Почему вы не говорили, что у вас в доме живут мужчины?

— Они иностранцы.

— Ну и что? Какой красивый мужчина этот офицер!

Мы спрашиваем:

— А денщик вам не нравится?

— Он маленький и толстый.

— Зато он добрый и смешной. И хорошо говорит на нашем языке.

Она говорит:

— Все равно. Мне нравится офицер.

Офицер выходит и садится на скамейку под окном. У служанки уже набрана полная корзина вишен, она могла бы уйти в приходский дом, но не уходит. Она смотрит на офицера, громко смеется. Она виснет на ветке дерева, качается, прыгает, ложится на траву и в конце концов бросает к ногам офицера ромашку. Офицер встает и идет к себе в комнату. Вскоре он выходит и уезжает на джипе.

Денщик высовывается из окна и кричит:

— Кто помогать один бедный мужчина мыть очень грязную комнату?

Мы говорим:

— Мы готовы вам помочь. Он говорит:

— Надо женщина, чтобы помогать. Надо красивую барышню.

Мы говорим служанке:

— Пойдемте. Поможем ему немного.

Мы входим втроем в комнату офицера. Служанка берет метлу и начинает подметать. Денщик садится на кровать. Он говорит:

— Я наверно спать. Принцесса, я видеть во сне. Принцесса должна меня щипать, чтобы проснуться.

Служанка смеется и сильно щиплет денщика за щеку.

Денщик кричит:

— Я теперь проснуться. Я тоже хотеть щипать злой принцесса.

Он обнимает служанку и щиплет ее за задницу. Служанка вырывается, но денщик держит ее очень крепко. Он говорит нам:

— Вы, уходить! И закрыть дверь. Мы спрашиваем у служанки:

— Вы хотите, чтобы мы остались? Она смеется:

— Зачем? Я прекрасно справлюсь сама. Тогда мы выходим из комнаты и закрываем за

собой дверь. Служанка подходит к окну, улыбается нам, захлопывает ставни. Мы поднимаемся на чердак и сквозь щели смотрим, что происходит в комнате офицера.

Денщик и служанка лежат на кровати. Служанка совершенно голая; на денщике только рубаша и носки. Он лежит на служанке и оба двигаются взад-вперед и справа налево. Денщик хрюкает, как Бабушкин боров, а служанка вскрикивает, как будто ей больно, но одновременно смеется и кричит:

— Да, да, да, о, о, о!

После этого служанка часто возвращается и запирается с денщиком. Иногда мы за ними наблюдаем, но не всегда.

Денщик предпочитает, чтобы служанка наклонялась или вставала на четвереньки, а он брал ее сзади.

Служанка предпочитает, чтобы денщик лежал на спине. Тогда она садится ему на живот и двигается вверх и вниз, как будто едет на лошади.

Денщик иногда дарит служанке шелковые чулки или одеколон.

Иностранный офицер

Мы проводим в саду упражнение на неподвижность. Жарко. Мы лежим на спине в тени орехового куста. Сквозь листья видно небо и облака. Листья орешника не двигаются; облака тоже кажутся неподвижными, но если на них долго и внимательно смотреть, то можно заметить, как они меняют форму и размер.

Бабушка выходит из дома. Проходя мимо нас, она ногой швыряет песок и щебенку нам в лицо и на тело. Она что-то бормочет и уходит на виноградник спать.

Офицер, голый до пояса, с закрытыми глазами сидит на скамье перед своей комнатой, прислонившись головой к белой стене, на самом солнце. Вдруг он направляется к нам; что-то говорит, но мы не отвечаем, мы не смотрим на него. Он возвращается к себе на скамейку. Позже денщик говорит нам:

— Господин офицер просит вас приходить говорить с ним.

Мы не отвечаем. Он говорит снова:

— Вы вставать и приходить. Офицер сердитый, если вы не слушаться.

Мы не двигаемся.

Офицер что-то говорит, и денщик входит в комнату. Слышно, как он поет, убирая комнату.

Когда солнце касается крыши дома рядом с трубой, мы поднимаемся. Мы идем к офицеру, мы останавливаемся перед ним. Он зовет денщика.

Мы спрашиваем:

— Чего он хочет?

Офицер задает вопросы; денщик переводит:

— Господин офицер спрашивать, почему вы не двигаетесь, нет говорить?

Мы отвечаем:

— Мы выполняли упражнение на неподвижность.

Денщик снова переводит:

— Господин офицер говорить, вы делать много упражнения. Также другой вид. Он видел, вы бить друг друга ремнем.

— Это было упражнение на выносливость.

— Господин офицер спрашивать, почему вы делать все это?

— Чтобы приучить себя к боли.

— Он спрашивать, вам приятно, чтобы больно?

— Нет. Мы просто хотим победить боль, жару, холод, голод, все, что причиняет боль.

— Господин офицер восхищение к вам. Он считать вас необыкновенный.

Офицер добавляет несколько слов. Денщик нам говорит:

— Все, хватит. Я нужно идти теперь. Вы тоже удирать, идти на рыбалку.

Но офицер, улыбаясь, удерживает нас за руку и жестом приказывает денщику уйти. Денщик делает несколько шагов, оборачивается:

— Вы, уходить! Быстро. Идти гулять в городе.

Офицер смотрит на него, и денщик отходит к калитке, но оттуда снова кричит нам:

— Убираться к черту, вы! Не остаться! Не понимать, идиоты?

Он уходит. Офицер улыбается нам, ведет нас к себе в комнату. Он садится на стул, притягивает нас к себе, поднимает нас и сажает к себе на колени. Мы обхватываем руками его за шею, прижимаемся к его волосатой груди. Он баюкает нас. Мы чувствуем, как под нами, между ног у офицера шевелится что-то теплое. Мы переглядываемся, потом смотрим офицеру прямо в глаза. Он нас тихонько отстраняет, треплет нас по голове, встает. Он протягивает нам два хлыста, а сам ложится плашмя на кровать. Он произносит всего одно слово, которое мы понимаем, не зная его языка.

Мы хлещем его. Каждый по очереди.

Спина офицера покрывается красными полосами. Мы хлещем все сильнее и сильнее. Офицер стонет и, не меняя положения, спускает себе брюки и трусы до лодыжек. Мы изо всех сил хлещем его по белым ягодицам, по бедрам, по ногам, по спине, по шее, по плечам, и все становится красным.

Тело, волосы, одежда офицера, постель, ковер, наши ладони и руки — красного цвета. Кровь брызгает даже нам в глаза, она смешивается с нашим потом, и мы продолжаем хлестать, пока он не испускает последний, нечеловеческий крик, и мы падаем без сил возле кровати.

Иностранный язык

Офицер приносит нам словарь, по которому можно выучить его язык. Мы учим слова; денщик поправляет нам произношение. Через несколько недель мы свободно говорим на новом языке. Мы делаем все новые и новые успехи. Теперь денщику больше не нужно переводить. Офицер очень нами доволен. Он дарит нам губную гармошку. Он также дает нам ключ от своей комнаты, чтобы мы могли входить туда, когда захотим (мы уже входили в нее с помощью нашего ключа, но тайком). Теперь можно не прятаться и делать все, что угодно: есть печенье и шоколад, курить сигареты.

Мы проводим в этой комнате много времени, потому что там чисто, и нам спокойнее, чем на кухне. Чаще всего мы делаем домашние задания в этой комнате.

У офицера есть граммофон и пластинки. Мы лежим на кровати и слушаем музыку. Однажды мы хотим доставить офицеру удовольствие и ставим государственный гимн его страны. Но он сердится и кулаком разбивает пластинку.

Иногда мы засыпаем у него на кровати, она очень широкая. Однажды утром нас там застаёт денщик; он недоволен:

— Это неосторожность! Вы больше не делайте такой глупость. Что случится один раз, если офицер вернется вечером?

— Что может случиться? Для него тоже хватит места.

Денщик говорит:

— Вы, очень глупый. Один раз вы платите за глупость. Если офицер вам делать больно, я его убивать.

— Он нам ничего не сделает. Не беспокойтесь за нас.

Однажды ночью офицер возвращается, когда мы спим на его кровати. Мы просыпаемся от света керосиновой лампы. Мы спрашиваем:

— Вы хотите, чтобы мы ушли в кухню?

Офицер гладит нас по голове и говорит:

— Оставайтесь. Просто оставайтесь.

Он раздевается и ложится между нами. Он обнимает нас и шепчет нам на ухо:

— Спите. Я люблю вас. Спите спокойно.

Мы снова засыпаем. Потом, когда наступает утро, мы хотим встать, но

офицер удерживает нас:

— Не двигайтесь. Поспите еще.

— Мы хотим писать. Нам нужно выйти.

— Не выходите. Писайте здесь.

Мы спрашиваем:

— Где? Он говорит:

— На меня. Да. Не бойтесь. Писайте! Мне в лицо.

Мы делаем это, потом уходим в сад, потому что кровать вся мокрая. Солнце встает, и мы начинаем утреннюю работу.

Друг офицера

Иногда офицер приходит с другом, он тоже офицер, но моложе его. Они проводят вечер вместе, и друг остается ночевать. Несколько раз мы наблюдали за ними сквозь дырку в потолке.

Летний вечер. Денщик готовит что-то на спиртовой плитке. Он накрывает стол скатертью, мы ставим цветы. Офицер и его друг сидят за столом, они пьют. Потом они начинают есть. Денщик ест возле двери на табурете. Потом они снова пьют. Мы в это время занимаемся музыкой. Меняем пластинки, заводим граммофон.

Друг офицера говорит:

— Эти мальчишки действуют мне на нервы. Выстави их.

Офицер спрашивает:

— Ты ревнуешь?

Друг отвечает:

— К ним? Смешно! Два маленьких дикаря.

— Они красивы, ты не находишь?

— Возможно. Я на них не смотрел.

— Надо же, не смотрел. Так посмотри.

Друг краснеет:

— Чего ты, в конце концов, добиваешься? У них такой скрытный вид, что это действует мне на нервы. Как будто они слушают, что мы говорим, следят за нами.

— Но они слушают. Они свободно говорят на нашем языке. Они все понимают.

Друг бледнеет, встает:

— Это слишком! Я ухожу!

Офицер говорит:

— Не делай глупостей. Выйдите отсюда, дети.

Мы выходим из комнаты, поднимаемся на чердак. Мы смотрим и слушаем.

Друг офицера говорит:

— Ты выставил меня на посмешище перед этими глупыми детьми.

Офицер говорит:

— Это самые умные дети, которых я когда-либо встречал.

Друг говорит:

— Ты говоришь это, чтобы оскорбить меня, чтобы сделать мне больно. Ты делаешь все, чтобы мучить, унижать меня. Когда-нибудь я тебя убью!

Офицер бросает на стол свой пистолет:

— Этого я и хочу! Возьми пистолет. Убей меня! Ну, давай же!

Друг берет оружие и прицеливается в офицера:

— Я сделаю это. Увидишь, я сделаю это. В следующий раз, если ты заговоришь со мной о нем, о другом, я убью тебя.

Офицер закрывает глаза, улыбается:

— Он был красивый... молодой... сильный... обаятельный... мягкий... воспитанный... нежный... мечтательный... смелый... бесшабашный... Я его любил. Он погиб на Восточном фронте. Ему было девятнадцать лет. Я не могу жить без него.

Друг бросает пистолет на стол и говорит:

— Подлец!

Офицер открывает глаза, смотрит на своего друга:

— Как мало смелости! Как мало характера! Друг говорит:

— Тогда сделай это сам, если у тебя столько смелости, если ты так тоскуешь. Если не можешь жить без него, умри вслед за ним. Ты хочешь, что бы я снова тебе помог? Я не сумасшедший! Подымай! Подымай сам!

Офицер берет пистолет и приставляет его к виску. Мы спускаемся с чердака. Перед открытой дверью комнаты сидит денщик. Мы спрашиваем у него:

— Вы думаете, он убьет себя?

Денщик смеется:

— Вы, не бояться. Они всегда делать так, когда много пить. Я разряжать два пистолет до этого.

Мы входим в комнату и говорим офицеру:

— Мы убьем вас, если вы этого действительно хотите. Дайте ваш пистолет.

Друг говорит:

— Гаденьши!

Офицер говорит, улыбаясь:

— Спасибо. Вы очень любезны. Мы просто играем. Идите спать.

Он встает, чтобы закрыть за нами дверь, видит денщика:

— Вы еще здесь?

Денщик говорит:

— Вы не отпускали меня.

— Убирайтесь! Я хочу, чтобы меня оставили в покое! Ясно?

Сквозь дверь мы слышим, как он говорит еще своему другу:

— Вот тебе хороший урок, тряпка!

Мы слышим еще шум драки, удары, грохот опрокидываемых стульев, звук падения, крики, шумное дыхание. Потом наступает тишина.

Наше первое выступление

Служанка часто поет. Старинные народные песни и современные песни, в которых говорится о войне. Мы слушаем эти песни, потом повторяем их на своей гармошке. Мы также просим у денщика научить нас песням его страны.

Вечером, поздно, когда Бабушка уже спит, мы идем в город. Мы останавливаемся около замка, на старой улице, перед низким домом. Лестница ведет вниз, к двери, из-за которой доносятся шум, голоса, вырывается дым. Мы спускаемся по каменным ступеням и попадаем в подвал, в котором устроен кабачок. Мужчины, стоя, или сидя на деревянных скамьях и бочках, пьют вино. Большинство из них старики, но есть несколько молодых и три женщины. Никто не обращает на нас внимания.

Один из нас начинает играть на гармонике, а другой поет известную песню, где говорится о том, что женщина ждет мужа с войны и что он скоро вернется с победой.

Люди один за другим поворачиваются к нам; голоса смолкают. Мы поем и играем все громче, мы слышим, как звучит наша музыка, она отдается в сводах подвала так, как будто играет и поет кто-то другой.

Песня кончается, и мы поднимаем глаза на усталые и изможденные лица. Одна женщина смеется и хлопает в ладоши. Молодой мужчина, у которого нет руки, говорит охрипшим голосом: — Еще. Сыграйте что-нибудь еще! Мы меняемся ролями. Тот, у кого была гармоника, передает ее другому, и мы начинаем новую песню.

Очень худой человек, шатаясь, подходит к нам и кричит нам прямо в лицо:

— Молчать, суки!

Он грубо толкает нас, одного вправо, другого влево; мы теряем равновесие, гармоника падает. Человек, держась за стену, уходит вверх по лестнице. С улицы до нас доносятся его крики:

— Всем молчать!

Мы поднимаем гармонику, вытираем ее. Кто-то говорит:

— Он глухой.

Кто-то другой говорит:

— Он не просто глухой. Он сошел с ума.

Один старик гладит нас по волосам. Слезы текут у него из глубоко запавших, обведенных черными кругами глаз:

— Какое несчастье! Несчастный мир! Бедные дети! Бедный мир!

Одна женщина говорит:

— Глухой ли, сумасшедший ли, а он вернулся домой. Ты вот тоже вернулся.

Она садится на колени к мужчине, у которого нет руки. Он говорит:

— Ты права, красавица, я вернулся. Но чем мне работать? Чем мне держать рубанок? Пустым рукавом?

Другой молодой мужчина, сидящий на скамье, со смехом говорит:

— Я вот тоже вернулся. Только низ у меня парализован. Ноги и все прочее. У меня больше не встанет. Лучше бы я умер — раз, и кончено.

Другая женщина говорит:

— На вас не угодишь. Все те, кто умирает в госпитале у меня на глазах, говорят: «Каким угодно, все равно хочу остаться в живых, вернуться домой, увидеть жену, мать, все равно как, лишь бы пожить еще немного».

Один мужчина говорит:

— А ты заткнись. Женщины в войне ничего не понимают.

Женщина говорит:

— Не понимают? Кретин! На нас вся работа, все заботы: и детей прокормить, и раненых вылечить. Вы, как только война кончится, — все герои. Умер — герой. Выжил — герой. Калека — герой. Оттого вы, мужчины, ее и выдумали. Это ваша война. Вам она понадобилась, вы и воюйте, герои дерьмовые!

Все начинают говорить, кричать. Старик, который стоит около нас, говорит:

— Никто не хотел этой войны. Никто, никто.

Мы выходим из подвала и отправляемся домой. Луна освещает улицы и пыльную дорогу, ведущую к дому Бабушки.

Следующие выступления

Мы учимся жонглировать фруктами: яблоками, орехами, абрикосами. Сначала двумя — это легко, потом тремя, четырьмя, и так до пяти.

Мы придумываем фокусы с картами и сигаретами.

Мы репетируем акробатические трюки. Мы умеем делать колесо, сложные прыжки, кувырок вперед и назад и можем с легкостью ходить на руках.

Мы надеваем старую и слишком большую для нас одежду, найденную в одном из чемоданов на чердаке: клетчатые пиджаки, просторные и рваные, и широкие брюки, которые мы подвязываем на поясе веревкой. Еще мы нашли жесткую круглую шляпу черного цвета.

Один из нас прикрепляет к носу стручок красного перца, другой делает себе накладные усы из метелки кукурузы. Мы находим губную помаду и рисуем себе огромный рот до ушей.

Так, нарядившись клоунами, мы приходим на рыночную площадь. Там больше всего магазинов и людей.

Мы начинаем свое представление, громко играя на гармонике и стуча вместо барабана в высушенную пустую тыкву. Когда вокруг нас собирается достаточно зрителей, мы начинаем жонглировать помидорами и даже яйцами. Помидоры — настоящие, но яйца внутри пустые, они наполнены тонким песком. Люди этого не знают, они вскрикивают, смеются, аплодируют, когда мы делаем вид, что чудом поймали яйцо.

Мы продолжаем показывать фокусы и заканчиваем представление акробатическими трюками.

Пока один из нас делает колесо и опасные прыжки, другой обходит зрителей на руках, держа в зубах старую шляпу.

Вечером мы ходим в кабачки без грима.

Вскоре мы знаем все заведения в городе — подвалы, где винодел сам продает свое вино; распивочные, где пьют стоя; кафе, куда ходят хорошо одетые люди и некоторые офицеры, которые ищут себе девушку.

Когда люди пьют, они легко дают деньги. Еще они легко рассказывают о себе. Мы узнаем про всех разные секреты.

Нам часто предлагают выпить и постепенно мы привыкаем к алкоголю. Мы также курим сигареты, которые нам дают.

Повсюду мы имеем большой успех. Все говорят, что у нас хороший

голос, много хлопают и просят спеть на бис.

Театр

Иногда, если люди смотрят внимательно, не слишком пьяны и не слишком шумят, мы показываем им одну из наших маленьких театральных пьес, например «Историю о бедняке и богаче».

Один из нас бедняк, другой богач.

Богач сидит за столом и курит. Входит бедняк:

— Я кончил рубить вам дрова, сударь.

— Хорошо. Труд приносит пользу. Вы хорошо выглядите. У вас красные щеки.

— У меня обморожены руки, сударь.

— Подойдите! Покажите! Какая гадость! У вас все руки в трещинах и нарывах.

— Это обморожение, сударь.

— У вас, бедняков, все время какие-нибудь мерзкие болезни. Особенно противно то, что вы грязные. Вот, получите за работу.

Он швыряет бедняку пачку сигарет, тот зажигает одну и начинает курить. Но около двери, где он стоит, нет пепельницы, а подойти ближе к столу он не осмеливается. Он стряхивает пепел в ладонь. Богач, которому хочется, чтобы бедняк ушел, делает вид, что не замечает, что тому нужна пепельница. Но бедняк не хочет сразу же уходить, потому что он голоден. Он говорит:

— Как у вас приятно пахнет, сударь.

— Чисто, поэтому хорошо пахнет.

— Еще пахнет горячим супом. Я сегодня совсем ничего не ел.

— Надо было поесть. Вот я, например, собираюсь в ресторан, потому что отпустил своего повара.

Бедняк принимает:

— И все же здесь пахнет горячим вкусным супом.

Богач кричит:

— У меня не может пахнуть супом, никто не готовит у меня суп, это, должно быть, от соседей доносится, или у вас в голове пахнет супом! Вы, бедняки, думаете только о желудке, потому-то у вас и не бывает денег, все, что вы зарабатываете, вы тратите на суп и колбасу. Вы свиньи, вот вы кто такие, да к тому же роняете пепел от сигареты мне на паркет! Убирайтесь отсюда, и чтоб я вас больше не видел!

Богач открывает дверь, пинает бедняка ногой под зад, и тот растягивается на тротуаре.

Богач закрывает дверь, садится перед тарелкой супа и говорит, молитвенно складывая руки:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе, за все Твои благодеяния.

Налеты

Когда мы приехали к Бабушке, налеты в Маленьком Городе случались очень редко. Теперь они все чаще и чаще. Сирены начинают завывать в любое время дня и ночи, совсем как в Большом Городе. Люди бегут в убежище, прячутся в подвалах. Улицы пустеют. Иногда двери домов и магазинов остаются открытыми. Этим можно воспользоваться, чтобы зайти внутрь и спокойно взять все, что нужно.

Мы никогда не прячемся у себя в погребе. Бабушка тоже. Днем мы продолжаем заниматься своим делом, ночью спим.

Чаще всего самолеты только пролетают над нашим Городом и сбрасывают бомбы по ту сторону границы. Все же иногда случается так, что бомба попадает в какой-нибудь дом. Тогда мы определяем это место по направлению дыма и идем посмотреть, что разрушено. Если остается что-то ценное, мы забираем себе.

Мы заметили, что люди, которые прячутся в погребе дома, разрушенного бомбой, всегда гибнут. Труба же дома, наоборот, продолжает стоять.

Иногда самолет пикирует и расстреливает людей в поле или на улице. Денщик научил нас, что надо внимательно смотреть, когда самолет приближается, но как только он оказывается над головой, это значит, что опасность миновала.

Из-за налетов запрещено зажигать вечером лампы, если окна полностью не затемнены. Бабушка считает, что надежнее вообще не зажигать огня. Всю ночь ходят патрули и проверяют, соблюдаются ли распоряжения.

Однажды во время еды мы говорим о самолете, который загорелся и упал у нас на глазах. Мы видели, как летчик выпрыгнул с парашютом.

— Мы не знаем, что стало с этим вражеским летчиком.

Бабушка говорит:

— Вражеским? Это наши друзья, братья. Они скоро придут.

Однажды мы гуляем по улице во время налета. Какой-то человек в ужасе бросается к нам:

— Вам нельзя оставаться на улице во время налета.

Он тянет нас за руку к двери:

— Идите внутрь.

— Мы не хотим.

— Это убежище. Там вы будете в безопасности.

Он открывает дверь и толкает нас вперед. В погребе полно людей. Стоит полная тишина. Женщины прижимают к себе детей.

Вдруг где-то разрываются бомбы. Взрывы раздаются все ближе. Человек, который привел нас в подвал, бросается к куче угля и пробует в нее зарыться.

Несколько женщин презрительно смеются. Пожилая женщина говорит:

— У него нервы не в порядке. Поэтому ему дали отпуск.

Вдруг нам становится трудно дышать. Мы открываем дверь погреба; высокая толстая женщина отталкивает нас, загораживает дверь. Она кричит:

— Вы с ума сошли? Сейчас нельзя выходить. Мы говорим:

— Люди в подвалах всегда умирают. Мы хотим выйти.

Толстая женщина загораживает дверь. Она показывает нам свою нарукавную повязку Гражданской обороны.

— Я здесь командую! Вы никуда не уйдете!

Тогда мы кусаем ее толстые руки, бьем по ногам. Она кричит, пытается ударить нас. Люди смеются. Наконец, вся красная от гнева и стыда, она говорит:

— Идите! Убирайтесь отсюда! Невелика потеря!

На улице мы переводим дух. В первый раз нам было страшно.

С неба продолжают падать бомбы.

Стадо людей

Мы приходим в дом кюре за чистым бельем. Вместе со служанкой мы сидим на кухне и едим тартинки. С улицы доносятся крики. Мы кладем тартинки на стол и выходим. Все стоят у дверей своих домов и смотрят в сторону вокзала. Прибегают возбужденные дети, они кричат:

— Идут! Идут!

Из- за поворота улицы появляется военный джип с иностранными офицерами. Джип едет медленно, за ним идут солдаты с винтовками наперевес. За ними что-то похожее на стадо людей. Такие же дети, как мы. Такие же женщины, как наша Мать. Такие же старики, как сапожник.

Их двести или триста, и они окружены солдатами. Некоторые женщины несут маленьких детей — на спине, на плечах, или прижимают к груди. Одна из женщин падает; чьи-то руки подхватывают ребенка и мать; их несут, потому что солдат уже прицелился в них из винтовки.

Никто не разговаривает, никто не плачет; все смотрят в землю. Только слышен стук подков на солдатских сапогах.

Прямо к нам из толпы высовывается худая рука с грязной протянутой ладонью, и чей-то голос просит:

— Хлеба.

Служанка, улыбаясь, делает вид, что сейчас отдаст свою тартинку; она подносит ее к руке, а потом, с громким смехом, снова поднимает ко рту, откусывает и говорит:

— А я тоже хочу есть!

Один солдат, который все видел, хлопает служанку по заднице и щиплет ее за щеку, а она машет ему платком до тех пор, пока не остается лишь облако пыли в лучах заходящего солнца.

Мы возвращаемся в дом. Из кухни мы видим кюре, стоящего в своей комнате на коленях перед, большим распятием.

Служанка говорит:

— Доедайте тартинки. Мы говорим:

— Мы наелись.

Мы входим в комнату. Кюре оборачивается:

— Хотите помолиться со мной, дети?

— Вы прекрасно знаете, что мы никогда не молимся. Мы хотим понять.

— Вы не сможете понять. Вы слишком молоды.

— Но вы уже немолоды. Поэтому мы и спрашиваем у вас: кто эти люди? Куда их ведут? За что?

Кюре встает, подходит к нам. Он говорит, закрыв глаза:

— Пути Господни неисповедимы.

Он открывает глаза, кладет руки нам на головы:

— Жаль, что вам довелось стать свидетелями подобного зрелища. Вы все дрожите.

— И вы тоже, господин кюре.

— Да, я стар, и дрожу.

— А нам холодно. Мы пришли в одних брюках. Сейчас мы наденем одну из тех рубашек, что выстирала ваша служанка.

Мы идем в кухню. Служанка протягивает нам пакет с чистым бельем. Мы берем оттуда по рубашке. Служанка говорит:

— Вы слишком чувствительны. Лучше всего забыть то, что вы видели.

— Мы никогда ничего не забываем. Она толкает нас к выходу:

— Ну, успокойтесь! Все это к вам совершенно не относится. С вами такое не случится никогда. Эти люди — просто скоты.

Бабушкины яблоки

От приходского дома мы бежим к дому сапожника. У него в окнах выбиты стекла, дверь выломана. Внутри все перевернуто. Стены исписаны ругательствами.

На скамейке перед соседним домом сидит старая женщина. Мы спрашиваем у нее:

— Сапожника нет?

— Давно уже. Несчастный человек.

— Он не с теми, кто сегодня прошел через город?

— Нет, сегодняшних привезли из других мест. В вагонах для скота. Сапожника убили здесь, в мастерской, собственными инструментами. Бог все видит. Бог рассудит, кто прав, кто виноват.

Когда мы возвращаемся домой, то видим, что Бабушка лежит на спине, раскинув ноги, у садовой калитки, и вокруг нее валяются яблоки.

Бабушка не двигается. Из лба у нее течет кровь.

Мы бежим на кухню, обмакиваем тряпку в воде, достаем из шкафчика водку. Мы кладем Бабушке на лоб мокрую тряпку и наливаем водку ей в рот. Через некоторое время она открывает глаза. Она говорит:

— Еще!

Мы опять льем ей водку в рот. Она приподымается на локте и начинает кричать:

— Соберите яблоки! Чего ждете, подбирайте яблоки, сукины дети!

Мы собираем яблоки, лежащие в дорожной пыли. Мы складываем их ей в передник.

Тряпка свалилась со лба Бабушки. Кровь капает ей в глаза. Она утирается краем платка.

Мы спрашиваем:

— Вам больно, Бабушка?

Она усмехается:

— Меня одним ударом приклада не убьешь.

— Что произошло, Бабушка?

— Ничего. Я собирала яблоки. Подошла к калитке посмотреть, как их ведут. Не удержала передник, яблоки упали, покатались на дорогу. В самую толпу. Что, из-за этого бить людей?

— Кто вас ударил, Бабушка?

— Ну, кто, вы думаете, меня ударил? Вы что, совсем идиоты? Их тоже стали бить. Били куда попало. Но некоторым все-таки удалось поесть моих яблок!

Мы помогаем Бабушке встать. Мы отводим ее в дом. Она начинает чистить яблоки на компот, но падает, и мы относим ее на кровать. Мы снимаем с нее башмаки. Платок у нее на голове развязывается, под ним совершенно голый череп. Мы завязываем ей платок. Мы долго сидим рядом с ее постелью, держим ее за руку, слушаем, как она дышит.

Полицейский

Мы с Бабушкой завтракаем. В кухню без стука входит мужчина. Он показывает удостоверение полицейского.

Бабушка сразу же начинает кричать:

— Зачем мне здесь полиция?! Я ничего такого не делала!

Полицейский говорит:

— Да, ничего, никогда. Разве что где-нибудь яд припрятан.

Бабушка говорит:

— Ничего не доказано. Что вы мне можете сделать?

Полицейский говорит:

— Успокойтесь, Бабушка. Мы не собираемся доставать из могилы покойников. Их и так не успевают хоронить.

— Тогда что вам нужно? Полицейский смотрит на нас и говорит:

— Яблоко от яблони недалеко падает.

Бабушка тоже смотрит на нас:

— Надеюсь. Что вы опять натворили, сукины дети?

Полицейский спрашивает:

— Где вы были вчера вечером?

Мы отвечаем:

— Здесь.

— Вы не шлялись по забегаловкам, как обычно?

— Нет. Мы были здесь, потому что с Бабушкой произошел несчастный случай.

Бабушка очень быстро говорит:

— Я упала, спускаясь в подвал. Ступеньки гнилые, я поскользнулась. Ударилась головой. Мальчики подняли меня наверх и потом ухаживали за мной. Они просидели рядом со мной всю ночь. Полицейский говорит:

— У вас здоровая шишка, я вижу. В вашем возрасте надо поосторожнее. Хорошо. Сейчас мы обыщем дом. Вы все идите за мной. Начнем с погреба.

Бабушка открывает дверь погреба, мы спускаемся. Полицейский передвигает все: мешки, бидоны, корзины, кучи картошки.

Бабушка вполголоса спрашивает у нас:

— Что он ищет?

Мы пожимаем плечами.

После погребёба полицейский обыскивает кухню. Потом Бабушке приходится отпереть свою комнату. Полицейский обыскивает её кровать. Ни в постели, ни в матрасе ничего нет, только немного денег под подушкой.

Перед дверью в комнату офицера полицейский спрашивает:

— Здесь что такое? Бабушка говорит:

— Эту комнату я сдаю иностранному офицеру. У меня нет от неё ключа.

Полицейский смотрит на дверь чердака:

— Лестница у вас есть?

Бабушка говорит:

— Она сломалась.

— Как вы поднимаетесь наверх?

— Я туда не поднимаюсь. Там бывают только дети.

Полицейский говорит:

— Ну-ка, дети, забирайтесь наверх.

С помощью веревки мы залезаем на чердак. Полицейский открывает сундук, где сложены вещи, нужные нам для занятий: Библия, словарь, бумага, карандаши и Толстая Тетрадь, в которой все написано. Но полицейский пришел не за тем, чтоб читать. Он еще раз осматривает кучу старой одежды и одеял, и мы спускаемся. Внизу полицейский оглядывается вокруг и говорит:

— Конечно, я не могу перерыть весь сад. Ладно. Пойдемте со мной.

Он ведет нас в лес, к большой яме, около которой мы нашли труп. Трупа больше нет. Полицейский спрашивает:

— Вы здесь уже были?

— Нет. Никогда. Мы бы побоялись зайти так далеко.

— Вы никогда не видели ни этой ямы, ни мертвого солдата?

— Нет, никогда.

— Когда нашли мертвого солдата, у него не было винтовки, патронов и гранат.

Мы говорим:

— Должно быть, это был очень рассеянный и небрежный солдат, раз он потерял такие необходимые для военного вещи.

Полицейский говорит:

— Он их не потерял. Их у него украли после смерти. Вы часто бываете в лесу, что вы можете сказать по этому поводу?

— Ничего.

— Однако кто-то же взял у него винтовку, патроны и гранаты.

Мы говорим:

— Кто бы посмел тронуть такие опасные вещи?

Допрос

Мы в кабинете полицейского. Он садится за стол, мы остаемся стоять перед ним. Полицейский достает бумагу и карандаш. Он закуривает. Он задает нам вопросы:

- Когда вы познакомились со служанкой приходского дома?
- Весной.
- Где вы с ней познакомились?
- У Бабушки. Она пришла за картошкой.
- Вы снабжаете приходский дом дровами. Сколько вам за это платят?
- Нисколько. Мы приносим в приходский дом дрова за то, что служанка стирает нам белье.
- Она хорошо с вами обращается?
- Очень хорошо. Она делает нам тартинки, стрижет нам ногти и волосы, готовит нам ванну.
- Словом, она вам как мать. А господин кюре хорошо с вами обращается?
- Очень хорошо. Он дает нам книги и учит нас многим вещам.
- Когда вы в последний раз приносили дрова в приходский дом?
- Пять дней назад. Во вторник утром.

Полицейский ходит по комнате. Он задергивает шторы и зажигает настольную лампу, берет два стула и усаживает нас. Он направляет свет от лампы нам в лицо:

- Вы очень любите служанку?
- Да, очень.
- Вы знаете, что с ней произошло?
- С ней что-то произошло?
- Да. Ужасный случай. Сегодня утром, как обычно, она стала разжигать огонь, и кухонная плита взорвалась. Прямо перед ней. Служанка в больнице.

Полицейский останавливается, мы молчим. Он говорит:

- Вы молчите? Мы говорим:
- Если что-то взрывается прямо перед человеком, то он обязательно попадает в больницу, а иногда и в морг. Счастье, что она не погибла.
- Она обезображена на всю жизнь!
- Мы молчим. Полицейский тоже. Он смотрит на нас. Мы смотрим на

него. Он говорит:

— Вы не особенно расстроены.

— Мы рады, что она жива. После такого несчастного случая!

— Это не несчастный случай. Кто-то сунул взрывчатку в дрова.

Патрон от армейской винтовки. Найдена гильза.

Мы спрашиваем:

— Зачем было кому-то так поступать?

— Чтобы убить ее. Ее или господина кюре.

Мы говорим:

— Люди жестоки. Им нравится убивать. Война приучила их к этому. А взрывчатка валяется повсюду.

Полицейский начинает кричать:

— Перестаньте прикидываться! Это вы носите в приходский дом дрова! Это вы целые дни шляетесь по лесу! Это вы обшариваете трупы! Вы на все способны! У вас это в крови! У вашей Бабки тоже убийство на совести. Она отравила своего мужа. Она действует ядом, а вы взрывчаткой! Признавайтесь, гаденыши! Признавайтесь! Это вы!

Мы говорим:

— Не мы одни поставляем дрова в приходский дом.

Он говорит:

— Это правда. Есть еще старик. Я его уже допросил.

Мы говорим:

— Кто угодно может спрятать патрон в вязанке дров.

— Да, но кто угодно не имеет патронов! Плевать мне на вашу служанку! Мне надо знать, где патроны! Где гранаты? Где винтовка? Старик во всем признался. Я так его допросил, что он во всем признался. Но он не смог показать, где патроны, гранаты, винтовка. Преступник не он. А вы! Вы знаете, где патроны, гранаты, винтовка. Вы знаете и вы мне скажете!

Мы не отвечаем. Полицейский бьет нас. Двумя руками. Направо и налево. У нас течет кровь из носа и изо рта.

— Признавайтесь!

Мы молчим. Он бледнеет и снова и снова наносит удары. Мы падаем со стульев. Он бьет нас ногами по ребрам, по почкам, по животу.

— Признавайтесь! Признавайтесь! Это вы! Признавайтесь!

Мы уже не в состоянии открыть глаза. Мы ничего не слышим. Наше тело покрыто потом, кровью, мочой, экскрементами. Мы теряем сознание.

В тюрьме

Мы лежим в камере на земляном полу. Сквозь окошко с железными прутьями проникает немного света. Но мы не знаем, который час, и даже не знаем, утро сейчас или вечер.

У нас все болит. От малейшего движения мы снова теряем сознание. Перед глазами у нас туман, в ушах шумит, в голове какой-то звон. Нам ужасно хочется пить, во рту пересохло.

Так проходят часы. Мы не разговариваем. Потом входит полицейский, он спрашивает:

— Вам что-нибудь нужно?

Мы говорим:

— Пить.

— Скажите. Признайтесь. И вам будет питье, еда, все, что захотите.

Мы не отвечаем. Он спрашивает:

— Дедушка, хотите есть?

Никто ему не отвечает. Он выходит. Мы понимаем, что в камере не одни. Осторожно мы приподнимаем голову и видим, что в углу, скорчившись, лежит старик. Потихоньку подползаем ближе и дотрагиваемся до него. Он твердый и холодный. По-прежнему ползком мы возвращаемся на свое место возле двери.

Когда совсем темнеет, опять приходит полицейский с карманным фонариком. Он светит на старика и говорит:

— Спите крепко. Завтра утром пойдете домой.

Он по очереди светит нам в лица:

— Ничего не хотите сказать? Мне все равно. У меня много времени. Или вы заговорите, или подохнете здесь.

Поздно ночью дверь снова открывается. Входят полицейский, денщик и иностранный офицер. Офицер наклоняется к нам. Он говорит денщику:

— Позвоните на базу, вызовите «скорую помощь»!

Денщик уходит. Офицер осматривает старика. Он говорит:

— Его забили насмерть!

Он оборачивается к полицейскому:

— Ты дорого за это заплатишь, подонок! Знал бы ты, как ты за это заплатишь!

Полицейский спрашивает нас:

— Что он говорит?

— Он говорит, что старик умер и что вы за это дорого заплатите, подонок!

Офицер гладит нас по лбу:

— Мои малыши, мои маленькие мальчики. Этот зверь посмел причинить вам боль!

Полицейский говорит:

— Что он со мной сделает? Скажите ему, у меня дети... Я не знал... Он вам отец, что ли?

Мы говорим:

— Он наш дядя.

— Что же вы мне не сказали? Откуда мне знать. Простите меня. Что мне сделать, чтобы...

Мы говорим:

— Молитесь Богу.

Приходит денщик и с ним другие солдаты. Нас кладут па носилки и несут в машину «скорой помощи». Офицер садится рядом с нами. Полицейского в сопровождении нескольких солдат ведут в джип, денщик садится за руль.

На военной базе врач сразу же осматривает нас в большой белой комнате. Он промывает нам раны, делает уколы против боли и против столбняка. Еще он делает нам рентгеновские снимки. У нас ничего не сломано, только выбито несколько зубов, но они были молочные.

Денщик отвозит нас домой, к Бабушке. Он укладывает нас на большую кровать офицера, а сам ложится возле кровати на одеяло. Утром он идет за Бабушкой, и она приносит нам в кровать теплое молоко.

Когда денщик уходит, Бабушка спрашивает:

— Вы сознались?

— Нет, Бабушка. Нам не в чем сознаваться.

— Так я и думала. А что с полицейским?

— Мы не знаем. Но он наверняка не вернется.

Бабушка ухмыляется:

— Сошлют или расстреляют, да? Свинья! Это надо отпраздновать. Пойду разогрею вчерашнюю курицу. Я ее тоже еще не ела.

В полдень мы встаем и идем есть на кухню. Во время обеда Бабушка говорит:

— Интересно, зачем вам понадобилось ее убивать? Думаю, были причины.

Пожилой господин

Сразу после ужина приходит пожилой человек с девочкой. Девочка старше нас. Бабушка спрашивает:

— Что вам нужно?

Пожилой человек называет фамилию, и Бабушка говорит нам:

— Выйдите. Погуляйте в саду.

Мы выходим. Огибаем дом и садимся под окном кухни. Мы слушаем. Старик говорит:

— Будьте милосердны. Бабушка отвечает:

— Как вы можете меня об этом просить?

Старик говорит:

— Вы знали ее родителей. Перед тем как их отправили в лагерь, они доверили ее мне. Они дали мне ваш адрес, на случай, если она не будет у меня в безопасности. Бабушка говорит:

— Вы знаете, чем я рискую?

— Да, знаю. Но речь идет о ее жизни.

— В доме живет иностранный офицер.

— Вот именно. Никто не станет ее здесь искать. Достаточно сказать, что это ваша внучка, двоюродная сестра мальчиков.

— Все знают, что у меня, кроме них, нет других внуков.

— Вы можете сказать, что она родственница вашего зятя.

Бабушка фыркает:

— Я его в глаза не видела!

После долгого молчания старик заговаривает снова:

— Я прошу вас только прокормить девочку несколько месяцев. Пока не кончится война.

— Война может длиться еще несколько лет.

— Нет, осталось недолго. Бабушка начинает хныкать:

— Я всего-навсего несчастная женщина, работаю день-деньской. Как прокормить столько ртов?

Старик говорит:

— Вот деньги, принадлежавшие ее родителям. Вот семейные драгоценности. Если вы ее спасете, все это ваше.

Скоро Бабушка зовет нас:

— Вот ваша двоюродная сестра. Мы говорим:

— Да, Бабушка.

Старик говорит:

— Вы будете играть вместе, правда?

Мы говорим:

— Мы никогда не играем. Он спрашивает:

— Что же вы делаете?

— Мы работаем, учимся, тренируемся.

Он говорит:

— Понимаю. Вы люди серьезные. У вас нет времени на игры. Вы будете заботиться о своей двоюродной сестре, правда?

— Да, сударь. Мы будем о ней заботиться.

— Благодарю вас.

Наша двоюродная сестра говорит:

— Я старше вас.

Мы отвечаем:

— Зато нас двое.

Старик говорит:

— Вы правы. Вдвоем вы намного сильнее. Вы не забудете называть ее сестрой, правда?

— Да, сударь. Мы никогда ничего не забываем.

— Я полагаюсь на вас.

Наша двоюродная сестра

Наша сестра старше нас на пять лет. Глаза у нее черные. Волосы у нее рыжие от вещества, которое называется хна.

Бабушка говорит нам, что двоюродная сестра — это дочь сестры нашего Отца. То же самое мы отвечаем, когда кто-нибудь спрашивает нас.

Мы знаем, что у нашего Отца нет сестры. Но еще мы знаем, что без этой лжи жизнь нашей сестры может оказаться под угрозой. А мы пообещали старику, что будем о ней заботиться.

После того как старик ушел, Бабушка говорит:

— Двоюродная сестра будет спать с вами на кухне.

Мы говорим:

— В кухне уже негде.

Бабушка говорит:

— Придумайте что-нибудь.

Наша сестра говорит:

— Я с удовольствием могу спать под столом, на земле, если вы дадите мне одеяло.

Мы говорим:

— Можешь спать на скамье и взять себе одеяла. Мы будем ночевать на чердаке. Теперь уже не так холодно.

Она говорит:

— Я тоже пойду спать на чердак.

— Мы не хотим. Ты никогда не должна подниматься на чердак.

— Почему?

Мы говорим:

— У тебя есть тайна. И у нас тоже есть своя тайна. Если ты не будешь хранить нашу тайну, то мы не будем хранить твою.

Она спрашивает:

— Неужели вы способны меня выдать?

— Если залезешь на чердак, ты погибла. Ясно? Она минуту молча смотрит на нас, потом говорит:

— Ясно. Вы оба — маленькие гаденыши, вы совершенно ненормальные. Никогда не полезете на ваш поганый чердак, честное слово.

Она держит слово и никогда не залезает на чердак. Но в остальном она все время мешает нам жить.

Она говорит:

— Принесите мне малины.

Мы говорим:

— Сходи сама в сад и нарви.

Она говорит:

— Перестаньте читать вслух. У меня в ушах звенит.

Мы продолжаем читать. Она спрашивает:

— Что вы там лежите уже несколько часов на голой земле и не двигаетесь?

Мы продолжаем упражнение на неподвижность, даже когда она кидает в нас гнилыми фруктами. Она говорит:

— Прекратите молчать, в конце концов, вы действуете мне на нервы!

Мы продолжаем упражнение на молчание и ничего не отвечаем. Она спрашивает:

— Почему вы сегодня ничего не едите?

— Сегодня день тренировки на голод.

Двоюродная сестра не работает, не учится, не делает упражнений. Она часто смотрит в небо и иногда плачет.

Бабушка никогда не бьет сестру. Она ее не ругает. Она не просит ее работать. Она ни о чем ее не спрашивает. Она никогда с ней не разговаривает.

Драгоценности

В тот вечер, когда к нам приехала двоюродная сестра, мы идем спать на чердак. Мы берем в комнате у офицера два одеяла и кидаем на пол солому. Перед тем как лечь спать, мы смотрим в щели. У офицера в комнате никого. У Бабушки горит свет, что случается редко.

Бабушка взяла из кухни керосиновую лампу и повесила ее над трюмо. Это старинный столик с тремя зеркалами. Центральное зеркало неподвижно, а два боковых поворачиваются. Их положение можно менять так, чтобы увидеть себя в профиль.

Бабушка сидит перед трюмо и смотрит на себя в зеркало. У нее на голове поверх черного платка лежит что-то блестящее. На шее висят ожерелья, руки украшены браслетами, на пальцах кольца. Она смотрится в зеркало и говорит сама с собой:

— Сокровища, сокровища. С ними просто быть красивой. Просто. Колесо вертится. Теперь все мое, все. Мои драгоценности. И правильно. Как сверкают!

Потом она говорит:

— А вдруг они вернутся? И спросят все назад? Только опасность исчезнет, люди ничего не помнят. Понятия не имеют о благодарности. Наобещают целые горы, а потом... Нет, нет, они уже умерли. Старик тоже скоро умрет. Он сказал, все останется у меня... Только девчонка... Она все видела, все слышала. Она захочет все забрать себе. Это точно. После войны она потребует назад драгоценности. Но я не хочу их отдавать, не могу. Они мои. Навсегда.

«Надо, чтоб она тоже умерла. Правильно, и чтоб никаких улик, чтоб никто ничего не узнал. Да, девчонка умрет. С ней будет несчастный случай. Как раз перед концом войны. Да, тут нужен несчастный случай. Не яд. В этот раз не яд. Несчастный случай. Утонет в реке. Надо держать ей голову под водой. Трудно. Столкнуть с лестницы в подвал. Мало высоты. Яд. Остается один яд. Что-нибудь медленное. Малыми дозами. Чтобы болезнь точила ее изподволя, несколько месяцев. Врача нет. Во время войны многие умирают без лечения».

Бабушка поднимает кулак и грозит своему отражению в зеркале:

— Ничего вы мне не сделаете! Ничего!

Она хихикает. Снимает драгоценности, складывает в полотняный

мешочек и прячет в матрас. Она ложится спать, мы тоже.

Назавтра утром, когда сестра выходит из кухни, мы говорим Бабушке:

— Бабушка, нам нужно что-то вам сказать.

— Что еще?

— Слушайте внимательно, Бабушка. Мы дали слово старику заботиться о нашей двоюродной сестре. Поэтому с ней ничего не случится. Ни несчастья, ни болезни. Ничего. И с нами тоже.

Мы показываем ей запечатанный конверт:

— Здесь все написано. Мы отдадим это письмо господину кюре. Если с одним из нас троих что-нибудь случится, кюре вскрыет письмо. Вы хорошо все поняли, Бабушка?

Бабушка смотрит на нас, глаза у нее узкие-узкие. Она с шумом выдыхает. И тихо говорит:

— Сукины дети, шлюхины дети, чертовы дети! Будь проклят день, когда вы родились!

После обеда, когда Бабушка уходит работать на виноградник, мы обыскиваем ее матрас. В нем ничего нет.

Двоюродная сестра и ее возлюбленный

Наша двоюродная сестра становится серьезной, она больше нам не мешает. Каждый день она моется в большом тазу, который мы купили на заработанные пеннием деньги. Она очень часто стирает свое платье и трусы. Пока сохнет ее одежда, она заворачивается в полотенце или ложится на солнце в трусах, которые сохнут на ней. Она вся коричневая. Волосы закрывают ее до ягодиц. Иногда она переворачивается на спину и прикрывает грудь волосами.

К вечеру она уходит в город. Она задерживается там все дольше и дольше. Однажды вечером мы незаметно идем за ней.

Около кладбища она встречает группу парней и девушек, все они старше нас. Они сидят под деревьями и курят. Перед ними бутылки вина. Они пьют из горлышка. Один из них стоит на чеку около тропинки. Если кто-то приближается, он начинает насвистывать известную песню, продолжая спокойно сидеть на месте. Остальные разбегаются и прячутся в кустах или за надгробьями. Когда опасность исчезает, он насвистывает другую песню.

Члены группы говорят тихо, они говорят о дезертирах, о лагерях, о сопротивлении, об освобождении.

По их мнению, иностранные солдаты, которые находятся в нашей стране и называют себя нашими союзниками, на самом деле наши враги, а те, что скоро придут и выиграют войну, — это не враги, а, напротив, наши освободители.

Они говорят:

- Мой отец перешел на ту сторону. Он вернется с ними.
- Мой отец дезертировал сразу после объявления войны.
- Мои родители ушли к партизанам. Я был слишком мал, чтобы уйти с ними.
- Моих увели эти сволочи. В лагерь.
- Ты больше никогда не увидишь своих родителей. И я своих тоже. Теперь они уже умерли.
- Может быть, это не так. Кто-то выживет.
- А за мертвых отомстят.
- Мы были слишком молоды. Жалко. Мы ничего не смогли сделать.
- Скоро все кончится. «Они» придут со дня на день.

— Мы встретим их на Главной Площади с цветами.

Поздно ночью группа расходится. Каждый возвращается к себе домой.

Наша двоюродная сестра уходит с одним парнем. Мы идем за ней. Они по тропинкам входят в замок и скрываются за разрушенной стеной. Мы их не видим, но слышим.

Наша двоюродная сестра говорит:

— Ложись на меня. Да, вот так. Поцелуй меня. Поцелуй.

Парень говорит:

— Какая ты красивая! Я тебя хочу.

— Я тоже. Но я боюсь. А вдруг я забеременею?

— Я на тебе женюсь. Я тебя люблю. Мы поженимся после Освобождения.

— Мы слишком молоды. Надо подождать.

— Я не могу ждать.

— Перестань. Мне больно. Не надо, не надо, милый мой.

Парень говорит:

— Да, ты права. Только ласкай меня. Дай твою руку. Гладь вот здесь, да, так. Повернись. Я хочу целовать тебя, вот здесь, вот так, а ты ласкай меня.

Сестра говорит:

— Нет, не надо так. Мне стыдно. О! Еще, еще! Я люблю тебя, я так тебя люблю!

Мы возвращаемся домой.

Благословение

Нам нужно сходить в приходский дом и вернуть взятые книги.

Опять нам открывает старая женщина. Она впускает нас и говорит:

— Господин кюре ждет вас.

Кюре говорит:

— Садитесь.

Мы кладем книги на письменный стол. Садимся.

Кюре минуту смотрит на нас, потом говорит:

— Я ждал вас. Вы долго не приходили.

Мы говорим:

— Мы хотели прочесть книги. А у нас очень много дел.

— А как же мытье?

— Теперь у нас есть все, что нужно. Мы купили ванну, мыло, ножницы, зубные щетки.

— На что? На какие деньги?

— На деньги, которые мы зарабатываем, играя музыку в кабачках.

— Это рассадник греха. Особенно для людей вашего возраста.

Мы не отвечаем. Он говорит:

— Вы также не приходили за деньгами для слепой женщины. Теперь они составили значительную сумму. Возьмите их.

Он протягивает нам деньги. Мы говорим:

— Оставьте их себе. Вы и так много им дали. Мы брали ваши деньги, когда это было совершенно необходимо. Теперь мы зарабатываем достаточно, чтобы давать Заячьей Губе. Еще мы научили ее работать. Мы помогли ей вскопать огород и посадить там картошку, фасоль, тыкву, помидоры. Мы дали ей цыплят, кроликов, чтобы она их разводила. Она занимается огородом и животными. Она больше не просит милостыню. Теперь ей не нужны ваши деньги.

Кюре говорит:

— Тогда возьмите их себе. И вам не придется работать в кабачках.

— Нам нравится там работать.

Он говорит:

— Я знаю, что вас били, пытали.

Мы спрашиваем:

— А что стало с вашей служанкой?

— Она ушла на фронт лечить раненых. И погибла.

Мы молчим. Он спрашивает:

— Вы не хотите мне исповедаться? Я обязан хранить тайну исповеди.
Вам нечего бояться. Исповедуйтесь.

Мы говорим:

— Нам не в чем исповедаться.

— Вы не правы. Такое преступление нести тяжело. Исповедь облегчит вас. Бог прощает тем, кто искренне сожалеет о содеянном грехе.

Мы говорим:

— Мы ни о чем не жалеем. Нам не о чем жалеть.

После долгого молчания он говорит:

— Я все видел в окно. Кусок хлеба... Но отмщение принадлежит Богу.
Вы не имеете права мстить за него.

Мы молчим. Он спрашивает:

— Можно мне благословить вас?

— Если это доставит вам удовольствие.

Он кладет руки нам на голову:

— Боже всемогущий, благослови этих детей. Каково бы ни было их преступление, прости им. Заблудшие овцы в ужасном мире, они сами — жертвы нашего извращенного времени, они не ведают, что творят. Заклинаю Тебя, спаси их детские души, очисти их в бесконечной Твоей доброте и в милосердии. Аминь.

Наконец он добавляет:

— Приходите ко мне иногда, даже если вам ничего не нужно.

Бегство

Изо дня в день на стенах города появляются плакаты. На одном изображен лежащий на земле старик, его тело протыкает штык вражеского солдата. На другом плакате вражеский солдат бьет одного ребенка другим ребенком, которого он держит за ноги. Еще на одном плакате вражеский солдат одной рукой тащит женщину, а другой разрывает на ней кофту. У женщины открыт рот и из глаз текут слезы.

Люди, которые смотрят на плакаты, путаются.

Бабушка ухмыляется и говорит:

— Все вранье. Не бойтесь.

Люди говорят, что Большой Город сдан.

Бабушка говорит:

— Если они перешли Большую Реку, то их ничто не остановит. Скоро они будут здесь.

Двоюродная сестра говорит:

— Тогда я смогу вернуться домой.

Однажды люди говорят, что армия сдалась, что заключено перемирие и война кончилась. На следующий день они говорят, что теперь новое правительство и что война продолжается.

На поезде и в грузовиках прибывает много иностранных солдат, а также солдат из нашей страны. Много раненых. Когда задают вопросы солдатам из нашей страны, те говорят, что ничего не знают. Они идут через Город. Они уходят в другую страну по дороге мимо лагеря.

Одни говорят:

— Это бегство. Разгром. Другие говорят:

— Это маневр. Они собираются за границей. Они остановят врага именно здесь. Никогда враг не ступит на нашу землю.

Бабушка говорит:

— Посмотрим.

Мимо дома Бабушки проходит много людей. Они тоже идут в другую страну. Они говорят, что надо уехать из нашей страны навсегда, потому что идет враг и он будет мстить. Он обратит наш народ в рабство.

Некоторые люди уходят пешком, с рюкзаком за спиной, другие толкают велосипеды, нагруженные самыми разными вещами: перина, скрипка, поросенок в клетке, кастрюли. Третьи сидят на телегах,

запряженных лошадьми: эти везут с собой мебель.

Большинство людей из нашего города, но некоторые пришли издалека.

Однажды утром денщик и иностранный офицер приходят с нами попрощаться.

Денщик говорит:

— Все к черту. Все-таки лучше быть побежденным, чем умереть.

Он смеется. Офицер ставит пластинку на граммофон; мы сидим на большой кровати и молча слушаем. Офицер прижимает нас к себе, он плачет.

— Я никогда вас больше не увижу. Мы говорим ему:

— У вас будут свои дети.

— Я не хочу.

Он добавляет, показывая на пластинки и граммофон:

— Оставьте это на память обо мне. А словарь не оставляйте. Вам придется учить другой язык.

Бойня

Однажды ночью мы слышим взрывы, выстрелы, пулеметные очереди. Мы выходим из дома посмотреть, что происходит. На месте лагеря поднимается зарево. Мы решаем, что пришли враги, но на с лед злющий день все в городе тихо; слышен только далекий грохот пушек.

В конце дороги, которая ведет к базе, нет часового. К небу поднимается густой дым с отвратительным запахом. Мы решаем сходить посмотреть.

Мы входим в лагерь. Он пуст. Нигде никого нет. Некоторые здания еще горят. Вонь невыносима. Мы затыкаем ноздри и продолжаем идти вперед. Нас останавливает изгородь из колючей проволоки. Мы поднимаемся на вышку. Перед нами большая площадь, на которой разложены четыре больших черных костра. Мы замечаем брешь в изгороди. Мы спускаемся с вышки, отыскиваем проход. Это большие железные ворота, они открыты. Над дверью надпись на иностранном языке: «Пересыльный лагерь». Мы входим.

Черные костры, которые мы видели сверху, — это обугленные трупы. Некоторые сгорели хорошо, от них остались только кости. Другие только обуглились. Трупов много. Они большие и маленькие. Взрослые и дети. Мы думаем, что их сначала убили, потом сложили в кучу и полили бензином, чтобы сжечь.

Нас тошнит. Мы убегаем из лагеря. Мы приходим домой. Бабушка зовет ужинать, но нас снова тошнит.

Бабушка говорит:

— Опять вы наелись какой-нибудь дряни.

Мы говорим:

— Да, зеленых яблок.

Двоюродная сестра говорит:

— Лагерь сгорел. Надо бы сходить посмотреть. Там наверняка никого нет.

— Мы уже там были. Ничего интересного.

Бабушка усмехается:

— Герои ничего не забыли? Все с собой забрали? Ничего ценного не забыли? Вы хорошо посмотрели?

— Да, Бабушка. Мы хорошо посмотрели. Ничего нет.

Двоюродная сестра выходит из кухни. Мы идем за ней. Мы спрашиваем ее:

— Куда ты?

— В город.

— Так рано? Обычно ты ходишь туда только вечером.

Она улыбается:

— Да, но я кое-кого жду. Слышите?

Двоюродная сестра опять улыбается нам, потом убегает в сторону города.

Наша мать

Мы находимся в саду. Перед домом останавливается военный джип. Из него выходит наша Мать, за ней идет какой-то иностранный офицер. Они почти бегом проходят сад. У нашей Матери на руках маленький ребенок. Она видит нас и кричит:

— Идите сюда! Скорее идите в джип. Мы уезжаем. Скорее. Бросьте все и идите сюда!

Мы спрашиваем:

— Чей это ребенок? Она говорит:

— Это ваша младшая сестра. Идите ко мне! Нельзя терять времени.

Мы спрашиваем:

— Куда мы едем?

— В другую страну. Перестаньте задавать вопросы и идите ко мне.

Мы говорим:

— Мы не хотим уезжать. Мы хотим остаться здесь.

Бабушка выходит из дома. Она говорит нашей Матери:

— Ты что здесь делаешь? Что у тебя на руках?

Наша Мать говорит:

— Я пришла за своими детьми. Я буду посылать вам деньги, Мама.

Бабушка говорит:

— Не нужны мне твои деньги. И я не отдам тебе мальчишек.

Мать приказывает офицеру привести нас силой. Мы быстро карабкаемся по веревке на чердак. Офицер пытается нас схватить, но мы пинаем его ногами в лицо. Офицер ругается. Мы втягиваем веревку наверх.

Бабушка ухмыляется:

— Видишь, они не хотят идти с тобой.

Мать громко кричит:

— Я приказываю вам немедленно спуститься!

Бабушка говорит:

— Они никогда не подчиняются приказам.

Мать начинает плакать:

— Идите ко мне, дорогие мои. Я не могу без вас уехать.

Бабушка говорит:

— Тебе мало твоего иностранного ублюдка?

Мы говорим:

— Нам здесь хорошо, Мама. Уезжайте и не беспокойтесь. Нам очень хорошо у Бабушки.

Слышны залпы орудий и пулеметные очереди. Офицер берет нашу Мать за плечи и пытается увести ее к машине. Но Мать высвобождается;

— Это мои дети, я хочу, чтоб они были со мной! Я их люблю!

Бабушка говорит:

— А я в них нуждаюсь! Я старая. Ты-то еще можешь нарожать новых. Вот и доказательство!

Мать говорит:

— Умоляю вас, не держите их.

Бабушка говорит:

— Я их не держу. Ну, давайте, ребята, живо слезайте и уезжайте с вашей Мамой.

Мы говорим:

— Мы не хотим уезжать. Мы хотим остаться с вами, Бабушка.

Офицер обнимает нашу Мать, но она отталкивает его. Офицер садится в джип и включает мотор. В этот самый момент в саду раздается взрыв. Потом мы видим, что наша Мать лежит на земле. Офицер бежит к ней. Бабушка отворачивает нас в сторону. Она говорит:

— Не смотрите! Идите в дом!

Офицер ругается, бежит к джипу и резко трогает с места.

Мы смотрим на нашу Мать. Из живота у нее видны кишки. Она вся залита красным. Ребенок тоже. Голова нашей Матери свисает в воронку от снаряда. Глаза у нее открыты и в них еще стоят слезы.

Бабушка говорит:

— Идите за лопатой!

Мы расстилаем на дне воронки одеяло, кладем на него нашу Мать. Ребенок по-прежнему прижат к ее груди. Мы укрываем их другим одеялом, потом закапываем яму.

Когда двоюродная сестра возвращается из города, она спрашивает:

— Что-то случилось?

Мы говорим:

— Да, в саду разорвался снаряд.

Отъезд двоюродной сестры

Всю ночь мы слышим выстрелы и взрывы. На рассвете внезапно наступает тишина. Мы засыпаем на большой кровати офицера. Теперь его кровать — наша кровать, а его комната — наша комната.

Утром мы приходим завтракать на кухню. Бабушка стоит у плиты. Двоюродная сестра убирает постель.

Она говорит:

— Я совершенно не выпалась.

Мы говорим:

— Поспишь в саду. Грохота нет, и сейчас тепло.

Она спрашивает:

— Вам не было страшно сегодня ночью?

Мы молча пожимаем плечами.

В дверь стучат. Входит человек в штатском и с ним двое военных. На солдатах автоматы и форма, которой мы никогда не видели.

Бабушка что-то говорит на языке, на котором она разговаривает, если выпьет водки. Солдаты отвечают. Бабушка бросается им на шею, она обнимает их одного за другим, потом снова что-то им говорит.

Человек в штатском спрашивает:

— Вы знаете их язык, сударыня?

Бабушка отвечает:

— Это мой родной язык, сударь.

Двоюродная сестра спрашивает:

— Они пришли? Когда они пришли? Мы хотели их ждать на Главной Площади с цветами.

Штатский спрашивает:

— Кто это «мы»?

— Я и мои друзья.

Штатский улыбается:

— Ну что ж, вы опоздали. Они пришли сегодня ночью. А я пришел сразу за ними. Я ищу одну девушку.

Он произносит фамилию; наша двоюродная сестра говорит:

— Да, это я. Где мои родители?

Штатский говорит:

— Я не знаю. Я только занимаюсь тем, что нахожу детей, которые у

меня в списке. Сначала мы поедем на сборный пункт в Большом Городе. Затем будет проведен розыск родителей.

Двоюродная сестра говорит:

— У меня здесь друг. Он тоже в вашем списке?

Она называет фамилию своего возлюбленного.

Штатский сверяется со списком:

— Да. Он уже в штабе армии. Вы поедете вместе. Соберите свои вещи.

Наша двоюродная сестра радостно складывает платья и завязывает туалетные принадлежности в банное полотенце.

Штатский оборачивается к нам:

— А вас как зовут?

Бабушка говорит:

— Это мои внуки. Они останутся со мной.

Мы говорим:

— Да, мы останемся у Бабушки.

Штатский говорит:

— Я хотел бы все же узнать ваше имя.

Мы называем себя. Он смотрит в свои бумаги:

— Вас нет в моем списке. Вы можете оставить их у себя, сударыня.

Бабушка говорит:

— А то как же! Я могу оставить их у себя!

Двоюродная сестра говорит:

— Я готова. Пойдемте.

Штатский говорит:

— Вы очень торопитесь. Вы могли бы, по крайней мере, поблагодарить эту даму и попрощаться с мальчиками.

Двоюродная сестра говорит:

— С мальчиками? Да это маленькие разбойники.

Она прижимает нас к себе, крепко-крепко:

— Я не целую вас, я знаю, вы этого не любите. Не делайте слишком много глупостей, будьте осторожны.

Она обнимает нас еще сильнее и плачет. Штатский берет ее за руку и говорит Бабушке:

— Благодарю вас, сударыня, за все, что вы сделали для этой девушки.

Мы все выходим из дома. Перед калиткой стоит джип. Двое солдат садятся вперед, штатский и наша двоюродная сестра — сзади. Бабушка что-то кричит. Солдаты хохочут. Джип трогается с места. Двоюродная сестра не оборачивается.

Приезд новых иностранцев

После отъезда двоюродной сестры мы отправляемся в город посмотреть, что происходит.

На каждом углу стоит танк. На Главной Площади грузовики, джипы, мотоциклы, фургоны, всюду много военных. На неасфальтированной рыночной площади ставят палатки и полевые кухни. Когда мы проходим мимо, солдаты нам улыбаются, что-то говорят, но мы не понимаем их слов.

Кроме военных, на улице нет никого. Двери домов закрыты, ставни заперты на засов, шторы магазинов опущены.

Мы возвращаемся домой и говорим Бабушке:

— В городе все спокойно. Она усмехается:

— Пока что они отдыхают, но вечером увидите!

— Что произойдет, Бабушка?

— Начнутся обыски. Они будут рыскать повсюду. Будут брать все, что понравится. Я уже пережила одну войну, я знаю, как бывает. Нам-то можно не бояться: здесь нечего брать и я умею с ними разговаривать.

— А что они ищут, Бабушка?

— Шпионов, оружие, боеприпасы, часы, золото, женщин.

И действительно, к вечеру солдаты начинают обыскивать один дом за другим. Если им не открывают, они стреляют в воздух, потом выламывают дверь.

Многие дома стоят пустые. Жильцы ушли навсегда или прячутся в лесу. Пустующие дома обыскивают так же, как все остальные, так же, как и магазины и лавки.

После ухода солдат магазины и пустые дома занимают грабители. Грабители — в основном дети и старики, и с ними несколько женщин, которые ничего не боятся или бедны.

Мы встречаем Заячью Губу. У нее полные руки одежды и обуви. Она говорит нам:

— Идите скорее, пока есть, что взять. Я уже третий раз запасаясь.

Мы входим в магазин канцелярских товаров, дверь в него выломана. Внутри только несколько детей, младше нас. Они берут карандаши и цветные мелки, ластики, точилки, ранцы.

Мы не торопясь выбираем то, что нам нужно: полный энциклопедический словарь в нескольких томах, карандаши и бумагу.

На улице старик и старуха дерутся из-за окорока. Вокруг стоят люди, хохочут и подзадоривают их. Женщина впивается старику ногтями в лицо, и в конце концов окорок достается ей.

Грабители пьют ворованное вино, дерутся, разбивают окна разоренных домов и магазинов, бьют посуду, швыряют на пол предметы, которые им не нужны или которые не унести.

Солдаты тоже пьют и снова идут по домам, но на этот раз они ищут женщин.

Отовсюду доносятся выстрелы и крики женщин.

На Главной Площади какой-то солдат играет на гармонии. Другие солдаты пляшут и поют.

Пожар

Уже несколько дней за забором не видно соседки. Мы больше не встречаем Заячью Губу. Мы решаем сходить и посмотреть.

Дверь лачуги распахнута. Мы входим. Окна маленькие. В доме темно, хотя снаружи светит солнце.

Когда глаза привыкают к темноте, мы видим соседку, она лежит на столе в кухне. Ноги у нее свисают со стола, лицо закрыто руками. Она не двигается.

Заячья Губа лежит на кровати. Она голая. Ноги у нее раздвинуты и между ними засохшая лужа крови и спермы. Ресницы ее слиплись навсегда, черные зубы оскалены в вечной улыбке. Заячья Губа мертва.

Соседка говорит:

— Убирайтесь вон.

Мы подходим к ней ближе и спрашиваем:

— Вы не глухая?

— Нет. И не слепая. Убирайтесь. Мы говорим:

— Мы хотим вам помочь. Она говорит:

— Мне не нужна помощь. Мне ничего не нужно. Убирайтесь.

Мы спрашиваем:

— Что здесь произошло?

— Сами видите. Она ведь мертвая, да?

— Да. Это новые иностранцы?

— Да. Она сама их позвала. Вышла на дорогу и поманила. Их было человек двенадцать или пятнадцать. И пока они ее уделывали, она все кричала не переставая: «Как мне хорошо, как мне хорошо! Давайте все, ну же, еще один, еще один раз!» Она умерла счастливая, заезженная до смерти. А я не умерла! Я пролежала здесь без еды, без питья, не знаю уже сколько времени. А смерть не идет. Когда ее зовут, она никогда не приходит. Ей приятно мучить людей. Уже сколько лет я зову ее, а она как не слышит.

Мы спрашиваем:

— Вы действительно хотите умереть?

— Чего мне еще хотеть? Если вы готовы помочь, подожгите дом. Я не хочу, чтобы нас так застали люди.

Мы говорим:

— Но вы будете ужасно мучиться.

— Пусть это вас не волнует. Подожгите, и все, если вы на это способны.

— Да, сударыня, мы на это способны. Можете на нас положиться.

Мы перерезаем ей горло бритвой, потом выкачиваем бензин из армейского грузовика. Мы обливаем бензином оба тела и стены лачуги. Мы поджигаем дом и возвращаемся к себе.

Утром Бабушка говорит нам:

— Соседкин дом сгорел. И она, и дочка — обе погибли. Дочка наверно забыла плиту закрыть, ненормальная.

Мы возвращаемся в соседский дом за курами и кроликами, но ночью их уже разобрали другие соседи.

Конец войны

Несколько недель подряд перед домом Бабушки проходит победившая армия новых иностранцев, которую теперь называют армией Освободителей.

Танки, орудия, тягачи, грузовики день и ночь переходят границу. Фронт все дальше уходит в глубь соседней страны.

В обратном направлении идет другая процессия: военнопленные, те, кто проиграл войну. Среди них много людей из нашей страны. Они по-прежнему в военной форме, но без оружия и без погон. Они идут пешком, опустив голову, к вокзалу, где их грузят в вагоны. Куда и на сколько времени они едут, не знает никто.

Бабушка говорит, что их увозят далеко, в холодную и пустынную страну, где им придется так тяжело работать, что никто не вернется назад. Они все умрут от холода, от усталости, от голода и от разных болезней.

Через месяц после освобождения нашей страны война везде кончается, и Освободители остаются у нас, как говорят, навсегда. Тогда мы просим у Бабушки научить нас их языку. Она говорит:

— Да как мне вас научить? Я не учитель. Мы говорим:

— Это просто, Бабушка. Вы только говорите с нами на этом языке целые дни и в конце концов мы поймем.

Вскоре мы знаем достаточно, чтобы переводить при разговоре между жителями Городка и Освободителями. Мы используем это, чтобы доставать те вещи, которых в армии много: сигареты, табак, шоколад; взамен мы даем то, что есть у гражданских: вино, водку, фрукты.

Деньги больше не имеют цены, все занимаются спекуляцией.

Девушки спят с солдатами за пару чулок, за украшения, за духи, за часы и другие предметы, которые военные набрали в других городах.

Теперь Бабушка не ходит с тачкой на рынок. Наоборот, хорошо одетые дамы приходят к Бабушке и умоляют ее дать курицу или круг колбасы в обмен на кольцо или серьги.

Вводят продовольственные карточки. С четырех часов утра люди стоят в очереди перед мясным магазином или булочной. Другие магазины не работают, потому что нет товара.

Ни у кого ничего нет.

У Бабушки и у нас есть все.

Потом у нас снова появляется армия и правительство, но нашей армией и нашим правительством управляют Освободители. Их флаг развевается над всеми общественными зданиями. Всюду выставлены фотографии их руководителя. Они учат нас своим песням и танцам, они показывают у нас в кинотеатрах свои фильмы. В школах язык Освободителей обязателен, другие иностранные языки запрещены.

По поводу наших Освободителей или нового правительства не разрешается никакой критики, никаких шуток. По простому доносу кого угодно бросают в тюрьму, без следствия, без приговора. Мужчины и женщины исчезают неизвестно куда, и их семьи никогда о них ничего не узнают.

Граница восстановлена. Теперь ее перейти невозможно.

Наша страна окружена колючей проволокой; мы полностью отрезаны от остального мира.

Школа возобновляет работу

Осенью все дети снова идут в школу, кроме нас. Мы говорим Бабушке:

— Бабушка, мы не хотим больше никогда ходить в школу.

Она говорит:

— Еще бы. Вы нужны мне здесь. И чему вас еще могут научить в школе?

— Ничему, Бабушка, абсолютно ничему. Вскоре мы получаем письмо.

Бабушка спрашивает:

— Что написано?

— Написано, что вы несете за нас ответственность и что мы должны явиться в школу.

Бабушка говорит:

— Сожгите письмо. Я не умею читать, вы тоже. Это письмо никто не читал.

Мы сжигаем письмо. Вскоре приходит второе. Там написано, что, если мы не пойдем в школу, Бабушка будет наказана по закону. Мы сжигаем и это письмо. Мы говорим Бабушке:

— Бабушка, не забудьте, что один из нас слепой, а другой глухой.

Через несколько дней к нам приходит человек. Он говорит:

— Я инспектор начальных школ. У вас в доме два ребенка школьного возраста. Вы уже получили по этому поводу два уведомления.

Бабушка говорит:

— Вы говорите о письмах? Я не умею читать. Дети тоже.

Один из нас говорит:

— Кто это? Что он говорит?

— Он спрашивает, умеем ли мы читать. Как он выглядит?

— Он большой, на вид сердитый.

Мы вместе кричим:

— Убирайтесь! Не делайте нам больно! Не убивайте нас! На помощь!

Мы прячемся под столом. Инспектор спрашивает у Бабушки:

— Что с ними? Что это? Бабушка говорит:

— Ох, бедняжки, они всех боятся! Они пережили ужасные вещи в Большом Городе. К тому же один глухой, а другой слепой. Глухому приходится говорить слепому, что он видит, а слепой говорит глухому, что он слышит. А то они ничего не понимают.

Мы кричим из-под стола:

— На помощь, на помощь! Взрыв! Как громко! Это молния!

Бабушка объясняет:

— Когда их кто-нибудь напугает, они слышат и видят то, чего нет.

Инспектор говорит:

— Это галлюцинации. Надо отправить их в больницу.

Мы воем еще громче. Бабушка говорит:

— Только не в больницу! Как раз в больнице с ними и случилось несчастье. Они пришли к своей матери, которая там работала. В больницу попала бомба, когда они были внутри, они видели мертвых и раненых; они сами были без сознания несколько дней.

Инспектор говорит:

— Бедные дети. Где их родители?

— Погибли или пропали. Кто знает?

— Должно быть, они для вас тяжкая обуза.

— Что поделаешь? Кроме меня, у них никого нет.

Уходя, инспектор протягивает Бабушке руку:

— Вы — мужественная женщина.

Мы получаем третье письмо, в котором написано, что мы освобождены от посещения школы из-за увечья и психической травмы.

Бабушка продает виноградник

К Бабушке приходит офицер и просит ее продать виноградник. Армия собирается строить на этом месте пограничный пост.

Бабушка спрашивает:

— Как же вы мне заплатите? Деньги ничего не стоят.

Офицер говорит:

— За этот участок мы проведем у вас в доме водопровод и электричество.

Бабушка говорит:

— Не нужно мне вашего электричества и водопровода. Я всю жизнь без них прожила.

Офицер говорит:

— Но мы можем забрать ваш виноградник и ничего вам не дать взамен. Именно так мы и сделаем, если вы не примете наше предложение. Армии нужен этот участок. Ваш гражданский долг отдать его.

Бабушка открывает рот, но мы вмешиваемся:

— Бабушка, вы пожилая женщина, вы устали. С виноградником много работы и почти никакого дохода. Зато стоимость дома сильно увеличивается, если в нем есть вода и электричество.

Офицер говорит:

— Ваши внуки умнее вас, Бабушка.

Бабушка говорит:

— Это уж точно! Ну и обсуждайте все с ними. Пусть они решают.

Офицер говорит:

— Но мне нужна ваша подпись.

— Я подпишу все, что хотите. Все равно я неграмотная.

Бабушка начинает плакать, встает и говорит нам:

— Я полагаюсь на вас.

И уходит на виноградник. Офицер говорит:

— Как она любит свой виноградник, бедная женщина. Ну что, договорились?

Мы говорим:

— Как вы сами могли заметить, этот участок представляет для нее большую ценность, и армия наверняка не захочет отобрать честно заработанное добро у бедной старухи, которая к тому же сама родилась в

стране наших героических Освободителей.

Офицер говорит:

— Ах вот как? Она родилась...

— Да. Она в совершенстве говорит на их языке. И мы тоже. И если вы собираетесь злоупотребить...

Офицер очень быстро говорит:

— Нет, нет! Что вы хотите?

— Кроме воды и электричества, мы хотим ванную.

— Всего-то! А где вам ее сделать?

Мы ведем его в нашу комнату и показываем, где мы хотим устроить ванную.

— Здесь, дверь должна выходить в нашу комнату. Семь-восемь квадратных метров. Установить ванну, раковину, душ, водогрей, унитаз.

Он долго смотрит на нас и говорит:

— Это можно сделать.

Мы говорим:

— Мы также хотели бы иметь радиоприемник. У нас его нет и купить его невозможно.

Он спрашивает:

— Это все?

— Да, все. Он смеется:

— Будет у вас ванная и радиоприемник. Но лучше б я договаривался с вашей Бабушкой.

Болезнь бабушки

Однажды утром Бабушка не выходит из комнаты. Мы стучимся к ней, зовем, но она не отвечает.

Мы обходим дом, разбиваем стекло в окне ее комнаты и попадаем внутрь.

Бабушка лежит на кровати, она не двигается. Но она дышит и у нее бьется сердце. Один из нас остается около нее, другой идет за врачом.

Врач осматривает Бабушку. Он говорит:

— У вашей Бабушки апоплексический удар, кровоизлияние в мозг.

— Она умрет?

— Неизвестно. Ей много лет, но сердце у нее крепкое. Давайте ей эти лекарства три раза в день. И еще нужно найти кого-нибудь, чтобы за ней ухаживать.

Мы говорим:

— Мы будем за ней ухаживать. Что нужно делать?

— Кормить ее, умывать. Возможно, она парализована навсегда.

Врач уходит. Мы готовим овощное пюре и кормим Бабушку с ложечки. К вечеру в ее комнате начинает очень плохо пахнуть. Мы поднимаем одеяло на кровати: матрас весь покрыт экскрементами.

Мы идем к одному крестьянину за соломой, покупаем резиновые трусы для младенцев и подгузники.

Мы раздеваем Бабушку, моем ее в нашей ванной, стелем ей чистую постель. Она такая худая, что детские трусы ей как раз впору. Мы меняем ей подгузники несколько раз в день.

Через неделю Бабушка начинает двигать руками. Однажды утром она встречает нас ругательствами:

— Сукины дети! Сварите курицу! Как мне выздороветь на ваших отварах и пюре? Еще мне надо козьего молока! Вы хоть смотрели за хозяйством, пока я болела?

— Да, Бабушка, все в порядке.

— Помогите мне встать, негодники!

— Бабушка, вам надо лежать, так врач сказал.

— Врач сказал, врач сказал! Дурак! Парализована навсегда! Я покажу ему, какая я парализованная!

Мы помогаем ей встать, отводим ее на кухню, сажаем на скамью.

Когда курица готова, она ест сама. После обеда она говорит:

— Чего ждете? Сделайте мне крепкую палку, и побыстрее, бездельники, я хочу посмотреть, все ли в порядке.

Мы бежим в лес, находим подходящую ветку и на глазах у Бабушки выстругиваем палку ей по росту. Бабушка хватает палку и грозит нам:

— Берегитесь, если что не так!

Она идет в сад. Мы на расстоянии идем за ней. Она входит в туалет, и мы слышим, как она бормочет:

— Трусы! Додумались тоже! Совсем спятили!

Когда она возвращается в дом, мы заглядываем в туалет. Она выбросила в дыру трусы и подгузники.

Бабушкино богатство

Вечером Бабушка говорит:

— Плотно закройте все двери и окна. Я хочу вам кое-что сказать так, чтобы никто не подслушал.

— Никто здесь никогда не ходит, Бабушка.

— Пограничники ходят где угодно, вы прекрасно знаете. Вдруг им вздумается слушать под дверь. Принесите мне лист бумаги и карандаш.

Мы спрашиваем:

— Вы будете писать, Бабушка?

Она кричит:

— Делайте, что говорят! Не задавайте вопросов!

Мы закрываем окна и двери, приносим бумагу и карандаш. Сидя на другом конце стола, Бабушка что-то рисует на листке. Она шепчет:

— Вот где находится мое богатство.

Она протягивает нам листок. На нем нарисованы прямоугольник, крест, и под крестом — круг. Бабушка говорит:

— Поняли?

— Да, Бабушка, мы поняли. Но мы и так знали.

— Про что это вы знали? Мы шепотом отвечаем:

— Что ваше богатство находится под крестом в могиле Дедушки.

Бабушка минуту молчит, потом говорит:

— Этого надо было ожидать. Давно вы знаете?

— Очень давно, Бабушка. С тех пор как увидели, что вы ухаживаете за могилой Дедушки.

Бабушка начинает сильно дышать:

— Не надо нервничать. Все равно все для вас. Теперь вы достаточно умны, чтобы знать, что с ним сделать.

Мы говорим:

— Пока ничего не сделать.

Бабушка говорит:

— Да. Вы правы. Надо ждать. Вы сумеете ждать?

— Да, Бабушка.

Некоторое время мы все молчим, потом Бабушка говорит:

— Это не все. Когда со мной случится новый удар, знайте, что мне не надо ни вашего мытья, ни трусов, ни пеленок.

Она встает, роется на этажерке в разных баночках. Возвращается с бутылкой синего цвета:

— Вместо ваших поганых лекарств вылейте мне эту бутылку в первую же чашку молока.

Мы не отвечаем. Она кричит:

— Понятно вам, сукины дети?

Мы не отвечаем. Она говорит:

— Может, вы боитесь вскрытия, трусы несчастные? Не будет вскрытия. Чего там искать, когда старая женщина умирает от второго удара.

Мы говорим:

— Мы не боимся вскрытия, Бабушка. Мы просто думаем, что вы опять сможете выздороветь.

— Нет. Мне не встать. Я знаю. Тогда надо будет как можно скорее с этим покончить.

Мы ничего не говорим. Бабушка начинает плакать:

— Вы не знаете, что такое быть парализованной. Все видишь, все слышишь и не двигаешься. Если вы не можете сделать для меня такую малость, то вы неблагодарные свиньи, вы змеи, которых я пригрела на груди.

Мы говорим:

— Не плачьте, Бабушка. Мы сделаем это, если вы действительно хотите, мы это сделаем.

Наш отец

Когда появляется наш Отец, мы все трое работаем в кухне, потому что на улице дождь.

Отец стоит у двери, скрестив руки и широко расставив ноги. Он спрашивает:

— Где моя жена?

Бабушка ухмыляется:

— Надо же! У нее и вправду был муж.

Отец говорит:

— Да, я муж вашей дочери. А это мои сыновья.

Он смотрит на нас и добавляет:

— Вы очень выросли. Но не изменились.

Бабушка говорит:

— Моя дочь, ваша жена, оставила детей мне.

Отец говорит:

— Лучше бы она их оставила кому-нибудь другому. Где она? Мне сказали, она уехала за границу. Это правда?

Бабушка говорит:

— Это давняя история. Где вы были все это время?

Отец говорит:

— В плену. А теперь я хочу найти свою жену. Не пытайтесь что-нибудь скрыть от меня, старая ведьма.

Бабушка говорит:

— Хороша благодарность за все, что я сделала для ваших них детей.

Отец кричит:

— Мне плевать! Где моя жена?

Бабушка говорит:

— Так вам плевать? На детей и на меня? Ну так я покажу вам, где ваша жена!

Бабушка выходит в сад, мы идем за ней. Она показывает палкой на квадратную клумбу, которую мы посадили на могиле Матери:

— Вот! Здесь ваша жена. Под землей.

Отец спрашивает:

— Умерла? Как? Когда?

Бабушка говорит:

— Убита. Снарядом. За несколько дней до конца войны.

Отец говорит:

— Все равно надо похоронить ее на кладбище. Так полагается. Принесите лопату.

Бабушка пожимает плечами:

— Дайте ему лопату.

Льет дождь, и мы смотрим, как наш Отец разрушает цветник, мы смотрим, как он копает. Он доходит до одеял, отбрасывает их. Там лежит большой скелет, к груди которого прижат маленький скелет. Отец спрашивает:

— Что это на ней?

Мы говорим:

— Это ребенок. Наша младшая сестра.

Бабушка говорит:

— Я говорила вам не трогать мертвых. Идите на кухню, вымойтесь.

Отец не отвечает. Он смотрит на скелеты. Его лицо мокро от пота, слез и дождя. Он с трудом выбирается из ямы и уходит, не оборачиваясь, с грязными руками, в грязной одежде.

Мы спрашиваем у Бабушки:

— Что теперь делать?

Она говорит:

— Закапывать. Что еще можно сделать?

Мы говорим:

— Не стойте на холоде, Бабушка. Мы все сделаем.

Она возвращается в дом.

С помощью одеял мы переносим скелеты на чердак, раскладываем кости на соломе, чтобы они высохли. Потом мы спускаемся вниз и закапываем яму, в которой больше никого нет.

Затем в течение нескольких месяцев мы полируем и покрываем лаком череп и кости нашей Матери и ее ребенка, потом тщательно собираем скелеты, скрепляя кости тонкой проволокой. Кончив работу, мы подвешиваем скелет Матери к балке чердака и привязываем к нему на шею скелет ребенка.

Отец возвращается

Мы снова видим Отца только через несколько лет.

За это время у Бабушки случился новый удар, и мы помогли ей умереть так, как она нас просила. Теперь она похоронена в одной могиле с Дедушкой. До того как могилу открыли, мы забрали клад и спрятали его под скамьей возле нашего окна, где еще лежат винтовка, патроны и гранаты.

Однажды вечером появляется Отец. Он спрашивает:

— Где ваша Бабушка?

— Она умерла.

— Вы живете одни? Как вы справляетесь?

— Очень хорошо, Отец.

Он говорит:

— Я пришел сюда тайком. Мне нужна ваша помощь.

Мы говорим:

— Несколько лет от вас не было вестей.

Он показывает нам свои руки. На них нет ногтей. Они вырваны с корнем.

— Я вышел из тюрьмы. Меня пытали.

— Почему?

— Не знаю. Просто так. Я политически опасный человек. Я не могу работать по специальности. Я под постоянным наблюдением. Мою квартиру регулярно обыскивают. Я не могу больше жить в этой стране.

Мы говорим:

— Вы хотите перейти границу.

Он говорит:

— Да. Вы здесь живете и вы должны знать, как...

— Да, мы знаем. Границу перейти нельзя.

Отец опускает голову, минуту смотрит на свои руки, потом говорит:

— Должен быть какой-нибудь проход. Должен быть способ перейти ее.

— Рискуя жизнью — да.

— Лучше умереть, чем остаться здесь.

— Надо, чтобы вы знали, на что идете, Отец.

Он говорит:

— Я вас слушаю. Мы объясняем:

— Сначала нужно дойти до первой линии колючей проволоки так, чтобы не встретить патруль и не быть замеченным с вышки. Это возможно. Мы знаем время обхода патрулей и расположение вышек. Высота линии заграждения метр пятьдесят, ширина — метр. Нужно две доски. Одна доска, чтобы влезть на заграждение, а другую надо положить сверху, чтобы удержаться. Если вы потеряете равновесие, то упадете между рядами проволоки и не сможете выбраться.

Отец говорит:

— Я не потеряю равновесие.

Мы продолжаем говорить:

— Нужно забрать обе доски, чтобы таким же образом перейти другое заграждение, которое находится через семь метров.

Отец смеется:

— Ну, это пустяки.

— Да, но пространство между двумя линиями заграждения заминировано.

Отец бледнеет:

— Тогда это невозможно.

— Возможно. Это вопрос удачи. Мины расположены зигзагом, буквой «w». Если идти по прямой, то рискуешь наступить только на одну мину. Если делать большие шаги, то приблизительно один шанс против семи на мину не попасть.

Отец немного думает, потом говорит:

— Я готов рискнуть.

Мы говорим:

— Тогда мы готовы мам помочь. Мы проводим вас до первой линии заграждения. Отец говорит:

— Ладно. Спасибо. У вас случайно нет чего-нибудь поесть?

Мы даем ему хлеба и козьего сыра. Наливаем вина с бывшего Бабушкиного виноградника. Мы капаем ему в стакан немного снотворного настоя, который Бабушка так хорошо умела готовить из трав.

Мы отводим Отца в нашу комнату и говорим:

— Спокойной ночи, Отец. Спите спокойно. Завтра мы вас разбудим.

Мы ложимся на угловой скамье в кухне.

Расставание

На следующий день мы встаем очень рано. Проверяем, что Отец крепко спит.

Мы выбираем четыре доски.

Мы выкапываем Бабушкино богатство: золотые и серебряные монеты и много драгоценностей. Большую часть мы складываем в холщовый мешок. Еще каждый из нас берет по гранате, на случай, если встретится патруль. Уничтожив патруль, можно выиграть время.

Мы идем к границе на разведку, нужно найти самое хорошее место: непросматриваемый сектор между двумя вышками. Там, под большим деревом, мы прячем холщовый мешок и доски.

Мы возвращаемся домой, едим. Потом приносим завтрак Отцу. Нам приходится трясти его, чтобы разбудить. Он трет глаза и говорит:

— Давно я так хорошо не спал.

Мы ставим поднос ему на колени. Он говорит:

— Вот так пир! Молоко, кофе, яйца, ветчина, масло, варенье! В Большом Городе этого всего не достать. Откуда это у вас?

— Мы работаем. Ешьте, Отец. У нас не будет времени покормить вас еще раз перед уходом.

Он спрашивает:

— Пойдем сегодня вечером?

Мы говорим:

— Пойдем сейчас же. Как только вы соберетесь.

Он говорит:

— Вы сошли с ума? Я отказываюсь переходить эту чертову границу днем!

Нас увидят.

Мы говорим:

— Нам тоже нужно видеть, Отец. Только глупые люди пытаются перейти границу ночью. Ночью патрулей в четыре раза больше, и всю зону постоянно просвечивают прожекторы. Наоборот, около одиннадцати утра наблюдение ослабевает. Пограничники думают, что ни один сумасшедший не рискнет перейти границу в это время.

Отец говорит:

— Видимо, вы правы. Я полагаюсь на вас.

Мы спрашиваем:

— Вы позволите нам проверить ваши карманы, пока вы едите?

— Карманы? Зачем?

— Надо, чтобы вас не смогли опознать. Если с вами что-нибудь случится, и они узнают, что вы наш Отец, нас обвинят в сообщничестве.

Отец говорит:

— Вы предусмотрели все.

Мы говорим:

— Мы вынуждены думать о своей безопасности.

Мы обыскиваем его одежду. Забираем его бумаги, паспорт, записную книжку, билет на поезд, квитанции и фотографию нашей Матери. Все, кроме фотографии, мы сжигаем в кухонной плите.

В одиннадцать часов мы выходим из дома. Мы несем по доске.

Наш Отец не несет ничего. Мы просим его только идти за нами, стараясь как можно меньше шуметь.

Мы подходим к границе. Мы говорим Отцу, чтобы он лег за большим деревом и не двигался.

Вскоре в нескольких метрах от нас проходит патруль из двух человек. Мы слышим их разговор:

— Интересно, что будет на обед.

— Такая же дрянь, как всегда.

— Дрянь дряни рознь. Вчера было просто дерьмо, но иногда кормят сносно.

— Сносно? Ты бы так не говорил, если бы попробовал суп моей матери.

— Я никогда не пробовал супа твоей матери. У меня и матери-то не было. Я всегда ел дерьмо. В армии хоть иногда ешь неплохо.

Патруль идет дальше. Мы говорим:

— Идите, Отец. До следующего патруля двадцать минут.

Отец берет под мышки две доски, идет вперед, прислоняет одну доску к заграждению и карабкается наверх.

Мы ложимся плашмя за деревом, затыкаем руками уши, открываем рот.

Раздается взрыв.

Мы бежим к колючей проволоке, держа две другие доски и полотняный мешок.

Наш Отец лежит около второго заграждения.

Да, есть способ перейти границу: нужно пустить кого-нибудь вперед.

Взяв полотняный мешок, ступая по следам, потом по неподвижному

телу нашего Отца, один из нас уходит за границу.
Другой возвращается в Бабушкин дом.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Вернувшись в Бабушкин дом, Лукас ложится на землю у садовой изгороди, в тени кустов. Он ждет. Перед домом пограничников останавливается армейский грузовик. Из него выходят военные и кладут на землю тело, завернутое в брезент. Из дома выходит сержант, делает знак рукой, и солдаты откидывают брезент. Сержант свистит:

— Оpozнаешь его, как же! Надо быть совсем кретином, чтобы полезть через эту чертову границу, да еще днем!

Один солдат говорит:

— Все должны были знать, что это невозможно.

Другой говорит:

— Местные знают. Пробуют перейти границу только приезжие.

Сержант говорит:

— Ладно, пошли через дорогу, к тому крестину. Может, он что знает.

Лукас входит в дом. Садится на угловую скамью в кухне. Он режет хлеб, достает бутылку вина и головку козьего сыра. Раздается стук в дверь. Входят сержант и один из солдат.

Лукас говорит:

— Я ждал вас. Садитесь. Хотите вина и сыра?

Солдат говорит:

— Не откажусь.

Он берет хлеба и сыра, Лукас наливает вина.

Сержант спрашивает:

— Вы нас ждали? Почему?

— Я слышал взрыв. После взрывов всегда приходят ко мне и спрашивают, не видел ли я кого-нибудь.

— А вы никого не видели?

— Нет.

— Как всегда.

— Да, как всегда. Никто не предупреждает меня о том, что хочет перейти границу.

Сержант смеется. Он тоже берет себе хлеба и сыра:

— Может быть, вы видели кого-нибудь здесь или в лесу?

— Я никого не видел.

— А если б видели, то сказали?

— Если я скажу «да», вы мне поверите?

Сержант опять смеется:

— Интересно, почему вас называют кретином?

— Мне тоже интересно. Я просто страдаю нервным расстройством, из-за перенесенной в детстве, во время войны, психической травмы.

Солдат спрашивает:

— Что? Что он говорит?

Лукас объясняет:

— Голова у меня немного не в порядке от бомбардировок. Это случилось со мной в детстве.

Сержант говорит:

— Очень вкусный у вас сыр. Спасибо. Пройдемте с нами.

Лукас идет за ними. Сержант указывает на тело и говорит:

— Вы знаете этого человека? Вы его встречали раньше?

Лукас смотрит на изуродованное взрывом тело Отца:

— Он совершенно обезображен. Сержант говорит:

— Можно опознать человека и по одежде, по обуви, даже по рукам и волосам.

Лукас говорит:

— Я вижу только, что он не из нашего города. Одежда у него нездешняя. У нас в городе никто так хорошо не одевается.

Сержант говорит:

— Большое спасибо. Это мы и сами поняли. Мы тоже не кретины. Я вас спрашиваю, не встречали вы его где-нибудь?

— Не встречал. Нигде. Но я вижу, что у него вырваны ногти. Он сидел и тюрьме.

Сержант говорит:

— В наших тюрьмах не пытаются. Странно то, что у него совершенно пустые карманы. Нет ни фотографии, ни ключа, ни бумажника. Однако у него должен был быть паспорт или даже пропуск, чтобы въехать в погранзону.

Лукас говорит:

— Наверно, он их оставил в лесу.

— Я тоже так думаю. Он не хотел, чтобы его опознали. Интересно, кого он таким образом оберегал? Если вы случайно, собирая грибы, что-нибудь обнаружите, вы ведь скажете нам, правда, Лукас?

— Можете на меня рассчитывать, сержант.

Лукас садится на садовую скамейку, упирается затылком в белую

стену дома. Солнце слепит. Он закрывает глаза:

— Как теперь жить?

— Как раньше. По-прежнему вставать утром, ложиться вечером и делать все, что нужно делать в жизни.

— Так будет долго.

— Может быть, всю жизнь.

Лукас просыпается от рева животных. Он встает и идет заниматься скотиной. Он кормит свиней, кур, кроликов. Он идет за козами на берег реки, приводит их домой, доит. Приносит молоко на кухню. Он садится на угловую скамью и сидит там до темноты. Тогда он встает, выходит из дома, поливает сад. На небе полная луна. Вернувшись в дом, он съедает немного сыра, пьет вино. Он высовывается из окна на улицу, его рвет. Он убирает со стола. Входит в комнату Бабушки, открывает окно, чтобы проветрить. Садится перед трюмо, смотрит на себя в зеркало. Через некоторое время Лукас открывает дверь своей комнаты. Смотрит на большую кровать. Закрывает дверь и уходит в город.

На улицах пусто. Лукас идет быстро. Он останавливается перед открытым и ярко освещенным окном. Это кухня. Семья ужинает. За столом сидят мать и трое детей. Два мальчика и девочка. Они едят картофельный суп. Отца нет. Может быть, он на работе, или в тюрьме, или в лагере, или, может быть, не вернулся с войны.

Лукас проходит мимо шумных кабачков, где еще не так давно он играл на гармонике. Он не заходит внутрь, а идет дальше. Он идет по неосвещенным улицам замка, потом по темной улочке, которая ведет к кладбищу. Он останавливается перед могилой Дедушки и Бабушки.

Бабушка умерла в прошлом году от второго удара.

Дедушка умер давно. Жители города говорили, что его отравила жена.

Отец Лукаса умер сегодня, пытаясь перейти границу, и Лукас никогда не узнает, где его могила.

Лукас возвращается домой. С помощью веревки он залезает на чердак. Наверху соломенный тюфяк, старое армейское одеяло, сундук. Лукас открывает сундук, берет оттуда толстую школьную тетрадь, пишет несколько фраз. Потом закрывает тетрадь и ложится на тюфяк.

Над ним, освещенные проникающим в чердачное окно светом луны, качаются на столбе скелеты Матери и младенца. Мать и младшую сестру Лукаса убило снарядом за несколько дней до конца войны, в саду возле Бабушкиного дома.

Лукас сидит на садовой скамейке. Его глаза закрыты. Перед домом

останавливается конная повозка. Иозеф, огородник, входит в сад. Лукас смотрит на него:

— Что вам нужно, Иозеф?

— Что мне нужно? Сегодня рыночный день. Я ждал вас до семи часов.

Лукас говорит:

— Простите меня, Иозеф. Я забыл, какой сегодня день. Если хотите, можно быстро погрузить товар.

— Вы что, смеетесь? Теперь два часа дня. Я не хочу вас отвлекать, я просто спрашиваю, хотите ли вы, чтоб я, как раньше, продавал ваш товар. Не хотите — так и скажите. Мне все равно. Я это для вас делаю.

— Конечно, Иозеф. Просто я забыл, что сегодня рыночный день.

— Вы не только сегодня про это забыли. Вы и на прошлой неделе забывали, и на позапрошлой.

Лукас говорит:

— Три недели? Я не заметил. Иозеф качает головой:

— Что-то с вами не то. Куда вы деваете овощи и фрукты три недели подряд?

— Никуда. Но я поливал огород каждый день, кажется.

Иозеф обходит дом, идет в сад. Лукас идет за ним. Огородник наклоняется над грядками и ругается:

— Ах, чтоб тебе, Господи!.. Вы все загубили! Смотрите, помидоры засохли, фасоль переросла, огурцы пожелтели, клубника вся черная! Вы что, с ума сошли? Так сгноить товар! Да вас за это повесить, расстрелять мало! Горох у вас в этом году погиб, все абрикосы тоже. Яблоки и сливы еще можно спасти. Давайте ведро.

Лукас приносит ведро, и Иозеф начинает собирать яблоки и сливы, упавшие на землю. Он говорит Лукасу:

— Берите другое ведро и собирайте все гнилье. Может, свиньи съедят. Черт побери! А скотина?

Иозеф бросается на задний двор, Лукас за ним. Иозеф вытирает лоб и говорит:

— Слава Богу, не подошли. Дайте-ка вилы, я тут приберу. Просто чудо, что вы не забыли кормить скотину!

— Они не дают о себе забыть. Как только они проголодаются, начинают реветь.

Иозеф работает несколько часов подряд, Лукас помогает ему, выполняет его приказы.

Когда солнце начинает садиться, они идут на кухню.

Иозеф говорит:

— Черт подери! Никогда не встречал подобного запаха. Что это так воняет?

Он оглядывается, замечает большой чан с козьим молоком:

— Молоко скисло. Вынесите его вон, вылейте в реку.

Лукас делает как сказано. Когда он возвращается, Иозеф уже проветрил кухню и вымыл кафельный пол. Лукас спускается в погреб, возвращается с бутылкой вина и куском сала.

Иозеф говорит:

— К этому нужен хлеб.

— У меня нет хлеба.

Ничего не говоря, Иозеф встает и идет к повозке за хлебом.

— Держите. Я купил его на рынке. Теперь мы сами не печем хлеба.

Иозеф ест и пьет. Он спрашивает:

— Вы ничего не пьете? И не едите. Что происходит, Лукас?

— Я устал. Не могу есть.

— От вас остались кожа да кости, под загаром одна бледность.

— Ничего. Все пройдет.

Иозеф говорит:

— Я чувствовал, что в голове у вас что-то не так. Тут не обошлось без юбки.

Лукас говорит:

— Юбка здесь ни при чем.

Иозеф подмигивает:

— Ну, я знаю, что такое молодость. Только жаль, что такой красивый парень, как вы, так расстраивается из-за девушки.

Лукас говорит:

— Девушки здесь ни при чем.

— Тогда что же?

— Не знаю.

— Не знаете? Значит, надо пойти к врачу.

— Не беспокойтесь из-за меня, Иозеф, все обойдется.

— Обойдется, обойдется. Сам запустил огород, сгноил молоко, не ест, не пьет и думает, что так можно и дальше.

Лукас не отвечает.

Перед тем как уйти, Иозеф говорит:

— Слушайте, Лукас. Чтоб вы больше не забывали про рыночный день, я буду вставать на час раньше, приходить к вам и будить вас, потом мы вместе погрузим овощи, фрукты и птицу на продажу. Идет?

— Да, спасибо, Иозеф.

Лукас дает Иозефу еще бутылку вина и провожает его до повозки.

Стегнув лошадь, Иозеф кричит:

— Берегитесь, Лукас! Любовь иногда доводит до смерти.

Лукас сидит на садовой скамейке. Его глаза закрыты. Когда он открывает глаза, то видит девочку, которая качается на ветке старой вишни.

Лукас спрашивает:

— Что ты здесь делаешь? Кто ты?

Девочка спрыгивает на землю и начинает теребить розовые бантики на концах своих косичек:

— Тетя Леони просит вас пойти к господину кюре. Он совсем один, потому что тетя Леони не может больше работать, она лежит дома и не встает, она слишком старая. У мамы нет времени ходить к господину кюре, потому что она работает на фабрике, и папа тоже.

Лукас говорит:

— Понятно. Сколько тебе лет?

— Точно не знаю. Когда в последний раз у меня был день рождения, было пять, но это было зимой. А теперь уже осень, я могла бы пойти в школу, если б родилась пораньше.

— Уже осень!

Девочка смеется:

— А вы не знали? Уже два дня как осень, хотя кажется, что еще лето, потому что тепло.

— Какая ты умная!

— Да. У меня есть старший брат, он меня всему учит. Его зовут Симон.

— А тебя как зовут?

— Аньес.

— Красивое имя.

— Лукас тоже красивое. Я знаю, что вы Лукас, потому что тетя мне сказала: «Иди к Лукасу, он живет в последнем доме, напротив пограничников».

— Пограничники тебя не остановили?

— Они не видели. Я прошла за домом.

Лукас говорит:

— Я хотел бы иметь такую сестричку, как ты.

— А у тебя нет?

— Нет. Если б у меня была сестричка, я бы сделал ей качели. Хочешь, я сделаю тебе качели?

Аньес говорит:

— У меня дома есть качели. Но лучше качаться на чем-нибудь другом. Так интересней.

Она подпрыгивает, хватается за толстую ветку вишневого дерева и, смеясь, качается на ней. Лукас спрашивает:

— Тебе никогда не бывает грустно?

— Нет, потому что если я от чего-нибудь расстроюсь, то от другого сразу утешаюсь.

Она спрыгивает на землю.

— Вам надо скорее идти к господину кюре. Тетя мне говорила вчера и позавчера, и раньше еще, но я все дни забывала. Она будет меня ругать.

Лукас говорит:

— Не бойся. Я сегодня схожу.

— Ну ладно, тогда я пошла домой.

— Останься еще немного. Ты хочешь послушать музыку?

— Какую музыку?

— Увидишь. Иди сюда.

Лукас берет девочку на руки, входит в комнату, сажает ребенка на кровать, ставит на старый граммофон пластинку. Он слушает, сидя на полу возле кровати, положив голову на руки.

Аньес спрашивает:

— Ты плачешь?

Лукас мотает головой. Она говорит:

— Мне страшно. Мне не нравится эта музыка.

Лукас берет в руку ногу девочки и сжимает ее. Она кричит:

— Мне больно! Отпусти!

Лукас разжимает пальцы.

Когда пластинка кончается, Лукас встает и переворачивает ее. Девочка исчезла. Лукас до захода солнца слушает пластинки.

Вечером Лукас наполняет корзину овощами, картошкой, яйцами, сыром. Он убивает курицу, ощипывает ее, наливает молока и берет бутылку вина.

Он звонит в дверь приходского дома, но никто не открывает. Он входит с черного хода, там не заперто, оставляет корзину на кухне. Он стучит в дверь комнаты кюре и входит.

Кюре, высокий худой старик, сидит за письменным столом. При свете свечи он играет сам с собой в шахматы.

Лукас придвигает стул к письменному столу, садится напротив старика и говорит:

— Простите меня, святой отец.

Кюре говорит:

— Я постепенно отдам вам все, что брал в долг, Лукас.

Лукас спрашивает:

— Я давно не приходил?

— С начала лета. Вы не помните?

— Нет. Кто вас кормил это время?

— Леони каждый день приносила мне немного вина. Но она уже несколько дней болеет.

Лукас говорит:

— Прошу у вас прощения, отец мой.

— Прощения? За что? Я не платил вам много месяцев подряд. У меня нет денег. Церковь отделена от государства, и мне больше не платят за работу. Я должен жить пожертвованиями верующих. Но люди боятся преследований за посещение церкви. К службе ходят лишь несколько бедных старых женщин.

Лукас говорит:

— Я не приходил не из-за того, что вы мне задолжали. Все хуже.

— Как это хуже?

Лукас опускает голову:

— Я о вас совершенно забыл. Я забыл про свой огород, про рынок, молоко, сыр. Я даже забыл про еду. Несколько месяцев я спал на чердаке, мне было страшно войти в спальню. И только сегодня, когда ко мне пришла маленькая девочка, племянница Леони, у меня хватило смелости туда войти. Она напомнила мне о долге по отношению к вам.

— Нет никакого долга, вы мне ничем не обязаны. Вы продаете свой товар, он дает вам средства к существованию. И если я не могу вам заплатить, естественно, что вы перестали поставлять мне продукты.

— Повторяю, дело не в деньгах. Поймите меня.

— Объяснитесь. Я вас слушаю.

— Я не знаю, как жить дальше.

Кюре встает, берет лицо Лукаса в свои ладони:

— Что с вами случилось, дитя мое?

Лукас качает головой:

— Мне нечего вам сказать. Это как болезнь.

— Понимаю. Что-то вроде душевного недуга, вызванного ранимостью вашего возраста, а может быть, и вашим непомерным одиночеством.

Лукас говорит:

— Может быть. Я сейчас приготовлю ужин, и мы вместе поедим. Я

тоже давно не ел. Когда я пробую есть, меня рвет. Может быть, вместе с вами у меня получится.

Он идет в кухню, разводит огонь, ставит варить курицу с овощами. Он накрывает на стол, открывает бутылку вина.

Кюре приходит в кухню:

— Повторяю вам, Лукас, мне больше нечем платить вам.

— Надо же вам есть.

— Да, но и пировать ни к чему. Хватило бы нескольких картофелин и горсти кукурузы.

Лукас говорит:

— Вы съедите то, что я вам принес, и не будем больше говорить о деньгах.

— Я не могу этого принять.

— Легче давать, чем принимать, не правда ли? Гордыня — грех, отец мой.

Они молча едят. Пьют вино. Лукаса не рвет. После ужина он моет посуду. Кюре возвращается к себе в комнату. Лукас заходит к нему:

— Теперь мне пора уходить.

— Куда вы?

— Пойду бродить по улицам.

— Я мог бы научить вас играть в шахматы.

Лукас говорит:

— Не думаю, что я смогу заинтересоваться этой игрой. Она сложна и требует большой сосредоточенности.

— Попробуем.

Кюре объясняет игру. Они начинают партию. Лукас выигрывает. Кюре спрашивает:

— Как вы научились играть в шахматы?

— По книгам. Но сейчас я в первый раз играю по-настоящему.

— Вы еще придете сыграть в шахматы?

Лукас приходит каждый вечер. Кюре делает успехи, партии становятся все интереснее, но выигрывает по-прежнему Лукас.

Лукас снова спит в спальне, на большой кровати. Теперь он не пропускает рыночные дни, у него не скисает молоко. Он занимается скотиной, огородом, хозяйством. Он снова собирает в лесу грибы и хворост. Он теперь снова ходит на рыбалку.

В детстве Лукас ловил рыб руками или удочкой. Теперь он придумал, как увести рыб от основного течения реки и направить их в запруду, из

которой они не смогут выбраться. Когда ему нужна свежая рыба, Лукас просто достает ее сачком.

Вечером Лукас ужинает с кюре, играет партию-другую в шахматы, потом снова отправляется бродить по улицам города.

Однажды ночью он входит в первый попавшийся кабачок. Раньше, даже во время войны, это было довольно приличное кафе. Теперь здесь мрачно и почти пусто.

Усталая и некрасивая буфетчица кричит из-за стойки:

— Сколько?

— Три.

Лукас садится за стол, испачканный вином и пеплом от сигарет. Буфетчица приносит три стакана местного красного вина. Она сразу забирает деньги.

Выпив свои три стакана, Лукас встает и уходит. Он идет дальше, до Главной Площади. Он останавливается возле магазина книг и канцелярских товаров, долго рассматривает витрину со школьными тетрадями, карандашами, резинками и несколькими книгами.

Лукас входит в кабачок напротив.

Здесь народу немного больше, но еще грязней, чем в прошлом кабачке. На полу слой опилок.

Лукас садится у открытой двери, через которую в помещение попадает немного воздуха.

За длинным столом сидят пограничники. С ними несколько девушек. Они поют.

Оборванный грязный старик подсаживается к Лукасу:

— Что-нибудь сыграешь, а? Лукас зовет официантку:

— Бутылку вина и два стакана! Старик говорит:

— Я не хотел, чтоб ты угощал меня вином, я просто хотел, чтоб ты сыграл что-нибудь. Как раньше.

— Я не могу играть, как раньше.

— Понимаю. Но ты все равно сыграй. Мне бы было приятно.

Лукас наливает вино:

— Пей.

Он достает гармонику и наигрывает грустную песню о любви и разлуке.

Пограничники и девушки подпевают.

Одна из девушек присаживается к Лукасу и гладит его по волосам.

— Смотрите, какой хорошенький. Лукас перестает играть, встает.

Девушка смеется.

— Ну и дикарь!

На улице дождь. Лукас входит в третий кабачок, спрашивает еще три стакана вина. Когда он начинает играть, люди поворачиваются к нему, потом снова утыкаются в стаканы. Здесь пьют, но никто ни с кем не разговаривает.

Вдруг высокий крепкий мужчина, у которого нет одной ноги, встает посреди зала под единственной лампочкой без абажура и, опираясь на костыли, поет запрещенную песню.

Лукас подыгрывает ему на гармонике.

Другие посетители быстро допивают свое вино и один за другим уходят из кабачка.

На последних словах песни по лицу человека текут слезы.

Этот народ уже заплатил
И за прошлое, и за будущее.

Назавтра Лукас идет в магазин книг и канцелярских товаров. Он выбирает три карандаша, пачку бумаги в клетку и толстую тетрадь. Когда он подходит к кассе, сидящий за ней бледный и одутловатый человек говорит:

— Давно я вас не видел. Уезжали?

— Нет, просто был очень занят.

— У вас уходит довольно много бумаги. Интересно, что вы с ней делаете.

Лукас говорит:

— Я люблю писать карандашом по бумаге. Для меня это отдых.

— За это время у вас скопились горы бумаги.

— Я много расходую. Испорченными страницами я растапливаю плиту.

Продавец говорит:

— Жаль, что кроме вас у меня нет постоянных покупателей. Дела идут плохо. До войны еще можно было жить. Здесь было много школ. Институты, пансионы, училища. Вечером студенты гуляли по улицам, веселились. Еще была консерватория, и каждую неделю давали концерты и театральные представления. А теперь посмотрите на улицы. Только дети и старики. Несколько рабочих, несколько виноградарей. В городе не осталось

молодежи. Все школы, кроме начальной, перенесены в глубь страны. Молодые люди, даже те, что не учатся, уезжают отсюда в живые города. Наш город стал мертвым и пустым. Закрытая, забытая пограничная зона. Тут знают в лицо каждого жителя. Вокруг одни и те же лица. Чужие сюда не попадут.

Лукас говорит:

— А пограничники? Они молодые.

— Да, бедняги. Сидят взаперти в казармах, а по ночам ходят в патрулях. И каждые полгода их сменяют, чтоб не было контактов с местным населением. До войны у нас было пять тысяч студентов плюс туристы летом. Туристы приезжали и из нашей страны, и из-за границы.

Лукас спрашивает:

— Граница была открыта?

— Естественно. Крестьяне с той стороны продавали здесь свой товар, студенты ездили за границу на деревенские праздники. Поезд шел до ближайшего крупного города другой страны. А теперь наш город — конечная станция. Просьба освободить вагоны! Предъявите документы!

Лукас спрашивает:

— Можно было свободно ходить туда и обратно? Можно было ездить за границу?

— Конечно. Вы этого никогда не знали. Теперь шагу нельзя сделать, не предъявив документы. И специальный пропуск в погранзону.

— А если их нет?

— Надо, чтобы были.

— У меня нет.

— Сколько вам лет?

— Пятнадцать.

— Вам полагается иметь документы. Даже у детей есть удостоверение, которое выдают в школе. Как же вы уезжаете из города и возвращаетесь назад?

— Я никогда не уезжаю из города.

— Никогда? Вы не ездите в соседний город за какой-нибудь вещью, которой здесь не купить?

— Нет. Я не покидал этот город с тех пор, как мать привезла меня сюда шесть лет назад.

Продавец говорит:

— Если не хотите неприятностей, сделайте себе документы. Сходите в мэрию и объясните, как все получилось. Если вам будут чинить препятствия, спросите Петера Н. Мы с ним из одного города. С севера. Он

занимает в партии важный пост.

Лукас говорит:

— Вы очень добры. Но почему у меня должны быть трудности с получением документов?

— Всякое бывает.

Лукас входит в большое здание около замка. Фасад украшен флагами. Множество черных табличек с золотыми буквами указывают названия учреждений:

«Политическое бюро революционной партии»

«Секретариат революционной партии»

«Ассоциация революционной молодежи»

«Ассоциация революционных женщин»

«Федерация революционных профсоюзов»

С другой стороны двери простая серая табличка с красными буквами:

«Акты гражданского состояния — второй этаж»

Лукас поднимается на второй этаж, стучится в дверь с матовым стеклом, над которой написано: «Паспорта».

Мужчина в сером халате открывает раздвижную дверь и молча смотрит на Лукаса. Лукас говорит:

— Здравствуйте. Я хотел бы получить документы.

— Получить новый паспорт, вы хотите сказать? Ваш просрочен?

— Нет. У меня нет паспорта. У меня никогда его не было. Мне сказали, что я обязан иметь документы.

Чиновник спрашивает:

— Сколько вам лет?

— Пятнадцать.

— Тогда, действительно, у вас должен быть документ. Дайте мне школьное удостоверение.

Лукас говорит:

— У меня нет удостоверения. Никакого.

Чиновник говорит:

— Это невозможно. Если вы еще не закончили начальную школу, у вас должен быть ученический билет, если вы студент, у вас должен быть студенческий билет, если вы подмастерье, у вас ремесленный билет.

Лукас говорит:

— Мне очень жаль. У меня нет ни одного из этих документов. Я никогда не ходил в школу.

— Как это так? До четырнадцати лет посещение школы обязательно.

— Я был освобожден от школы в связи с травмой.
— А теперь? Чем вы теперь занимаетесь?
— Я живу своим огородом. Еще я по вечерам исполняю музыку в бистро.

Чиновник говорит:

— Ах, вот вы кто. Вас зовут Лукас Т.?
— Да.
— С кем вы живете?
— Я живу в доме Бабушки около границы. Я живу один. Бабушка умерла в прошлом году.

Чиновник чешет в затылке:

— Послушайте, ваш случай необычный. Мне надо посоветоваться. Я не могу сам принять такое решение. Вам надо прийти еще раз через несколько дней.

Лукас говорит:

— Может быть, дело может уладить Петер Н.?
— Петер Н.? Секретарь партии? Вы с ним знакомы?
Он берет трубку телефона. Лукас говорит ему:
— Меня рекомендовал господин Виктор.

Чиновник вешает трубку и выходит из-за стола.

— Пойдемте. Спустимся на первый этаж.

Он стучится в дверь с надписью: «Секретариат Революционной партии». Они входят. За столом сидит молодой человек. Чиновник протягивает ему незаполненную карту:

— Это по поводу получения паспорта.
— Я займусь этим. Вы свободны.

Чиновник выходит, молодой человек встает и протягивает руку Лукасу:

— Здравствуйте, Лукас.
— Вы меня знаете?
— Вас знает весь город. Я рад, что могу оказать вам услугу. Давайте заполним этот паспорт. Фамилия, имя, адрес, дата рождения. Вам только пятнадцать лет? Выглядите вы намного старше. Профессия? Я пишу «музыкант»?

Лукас говорит:

— Я живу за счет выращенного на огороде.
— Тогда я напишу «садовод», это звучит солиднее. Так, шатен, глаза серые... Политические взгляды?

Лукас говорит:

— Поставьте там прочерк.

— Да. А здесь, как вы хотите написать: «Мнение руководящих органов»?

— Если хотите, поставьте «идиот». Я перенес травму и не вполне нормален.

Молодой человек смеется:

— Не вполне нормальны? Кто в это поверит? Но вы правы. Такая оценка поможет избежать многих неприятностей. Например, военной службы. Значит, я пишу: «Хроническое психическое расстройство». Так годится?

Лукас говорит:

— Да. Спасибо.

— Зовите меня Петер.

Лукас говорит:

— Спасибо, Петер.

Петер подходит к Лукасу, протягивает ему паспорт. Другой рукой он ласково дотрагивается до его лица. Лукас закрывает глаза. Петер берет голову Лукаса в ладони и долго целует его в губы. Он еще минуту смотрит Лукасу в лицо, потом возвращается за письменный стол.

— Простите меня, Лукас, ваша красота ввела меня во искушение. Я должен быть очень осторожен. В партии такие вещи не прощают.

Лукас говорит:

— Никто ни о чем не узнает.

Петер говорит:

— Такие наклонности невозможно скрывать всю жизнь. Я недолго пробуду на этом посту. Я получил его потому, что дезертировал, сдался в плен и вернулся с победоносной армией наших освободителей. Меня отправили на войну, когда я был еще студентом.

Лукас говорит:

— Вам бы нужно жениться или хотя бы завести себе любовницу, чтобы отвлечь подозрения. Вам было бы нетрудно сделать так, чтобы в вас кто-нибудь влюбился. Вы красивый мужчина. И у вас грустный вид. Женщины любят грустных. И потом, вы занимаете прекрасное положение.

Петер смеется:

— У меня нет ни малейшего желания делать так, чтобы в меня влюбилась женщина.

Лукас говорит:

— Однако, может быть, есть такие женщины, которых можно хоть как-нибудь полюбить.

— Много вы знаете для своего возраста, Лукас!

— Я ничего не знаю, я только догадываюсь.

Петер говорит:

— Если вам что-либо понадобится, приходите ко мне.

Последний день года. Земля скована сильным морозом, пришедшим с севера.

Лукас идет на реку. На новогодний ужин он принесет господину кюре рыбу.

Уже темно. Лукас взял с собой переносную лампу и ледоруб. Он начинает долбить лед, которым покрыт садок, и вдруг слышит детский плач. Он направляет свет лампы в ту сторону, откуда доносятся звуки.

На мостике, который Лукас выстроил много лет назад, сидит женщина. Женщина кутается в одеяло и смотрит на реку, по которой плывут куски снега и льда. Из-под одеяла слышен плач ребенка.

Лукас подходит ближе, спрашивает у женщины:

— Кто ты такая? Что ты здесь делаешь?

Она не отвечает. Ее большие черные глаза неотрывно смотрят на горящую лампу. Лукас говорит:

— Пойдем.

Он поддерживает ее правой рукой и ведет к дому, освещая лампой дорогу. Ребенок продолжает плакать.

В кухне тепло. Женщина садится, расстегивает платье и дает ребенку грудь.

Лукас отворачивается и ставит на огонь остатки овощного супа.

Ребенок спит на коленях у матери. Мать смотри на Лукаса:

— Я хотела его утопить. Не смогла.

Лукас спрашивает:

— Ты хочешь, чтобы это сделал я?

— А ты сможешь?

— Я топил мышей, котов, щенков.

— Ребенок — это совсем другое.

— Так утопить его или нет?

— Нет, теперь я не хочу. Слишком поздно.

Помолчав, Лукас говорит:

— Здесь есть свободная комната. Вы с ребенком можете спать в ней.

Женщина смотрит на Лукаса черными глазами:

— Благодарю тебя. Меня зовут Ясмина.

Лукас открывает дверь Бабушкиной комнаты:

— Положи ребенка на кровать. Дверь останется открытой, чтобы комната согрелась. Когда ты поешь, пойдешь спать к нему.

Ясмина кладет ребенка на Бабушкину кровать и возвращается в кухню. Лукас спрашивает:

— Ты хочешь есть?

— Я не ела со вчерашнего вечера.

Лукас наливает суп в миску:

— Поешь и иди спать. Завтра поговорим. Сейчас мне надо уйти.

Он возвращается к садку, ловит сачком двух рыб и отправляется в приходский дом.

Он, как обычно, готовит ужин, ест вместе с кюре, они играют партию в шахматы. Впервые Лукас проигрывает.

Господин кюре недоволен:

— Вы сегодня рассеянны, Лукас. Вы делаете грубые ошибки. Начнем сначала, и возьмите себя в руки.

Лукас говорит:

— Я устал. Мне нужно домой.

— Вы опять пойдете шляться по бистро.

— Вам все известно, святой отец.

Кюре смеется:

— Ко мне приходит много старых женщин. Они мне рассказывают обо всем, что случается в городе. Ну не сердитесь! Идите развлекайтесь. Ведь сегодня Новый год.

Лукас встает:

— Желаю вам счастливого Нового года, святой отец.

Кюре тоже встает и кладет руку на голову Лукаса:

— Да благословит вас Бог. Пусть Он пошлет нам душевный мир.

Лукас говорит:

— В моей душе никогда не будет мира.

— Нужно молиться и надеяться, дитя мое.

Лукас шагает по улице. Он идет мимо шумных бистро не останавливаясь, он прибавляет шаг, а на неосвещенной узкой дороге, ведущей к дому Бабушки, даже пускается бежать.

Он распахивает дверь кухни. Ясмина все еще сидит на угловой скамье. Она открыла дверцу плиты и смотрит на огонь. Миска, полная остывшего супа, по-прежнему стоит на столе.

Лукас садится напротив Ясины:

— Ты не поела.

— Я не голодна. Я никак не могу согреться. Лукас берет из шкафчика

бутылку водки, разливает по стаканам.

— Выпей. Станет теплее.

Он пьет, Ясмина тоже. Он наливает еще. Они молча пьют. Издали слышен перезвон городских колоколов.

Лукас говорит:

— Полночь. Начинается новый год.

Ясмина роняет голову на стол и плачет.

Лукас встает, снимает одеяло, которое так и не сняла Ясмина. Он гладит длинные, блестящие черные волосы. Он гладит полную молока грудь. Он расстегивает блузку, нагибается, сосет молоко.

Назавтра Лукас входит на кухню. Ясмина сидит на скамейке и держит ребенка на руках. Она говорит:

— Я хотела бы вымыть ребенка. Потом я уйду.

— Куда ты пойдешь?

— Не знаю. После того, что случилось, я не могу оставаться в этом городе.

Лукас спрашивает:

— Что случилось? Дело в ребенке? В городе есть и другие матери-одиночки. Тебя выгнали родители?

— У меня нет родителей. Моя мать умерла при моем рождении. Я жила с отцом и тетей, сестрой моей матери. Она меня воспитала. Когда мой отец вернулся с войны, он на ней женился. Но он ее не любил. Он любил только меня.

Лукас говорит:

— Понятно.

— Да. А когда моя тетя догадалась, она на нас донесла. Отец в тюрьме. До родов я работала в больнице санитаркой. Сегодня утром я вышла из больницы, стала стучать в нашу дверь, но тетя мне не открыла. Она обругала меня из-за двери.

Лукас говорит:

— Я знаю твою историю. В бистро рассказывали.

— Да, все о ней говорят. Город маленький. Я хотела утопить ребенка, а потом перейти границу.

— Границу перейти невозможно. Ты подорвешься на mine.

— Мне все равно.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Рано еще умирать. В другом месте ты сможешь начать жизнь сначала. В другом городе, потом, когда ребенок станет постарше. А пока ты

можешь оставаться здесь, сколько хочешь.

Она говорит:

— Но как же люди!

— Посплетничают и перестанут. В конце концов они замолчат. Здесь не город, здесь мой дом.

— Ты оставишь меня у себя с ребенком?

— Ты можешь жить в этой комнате, можешь приходить в кухню, но ты никогда не должна входить ко мне в комнату и подниматься на чердак. И еще ты не должна ни о чем меня расспрашивать.

Ясмина говорит:

— Я ничего у тебя не спрошу и не буду тебе мешать. Я и ребенку не позволю мешать тебе. Я буду готовить и убирать в доме. Я все умею делать. У нас я сама вела хозяйство, потому что тетя работает на заводе.

Лукас говорит:

— Вода закипела. Можешь готовить ванну.

Ясмина ставит на стол лохань, разворачивает одежду и пеленки ребенка. Лукас греет над плитой банное полотенце. Ясмина моет ребенка, Лукас смотрит на них.

Он говорит:

— У него кривое плечо.

— Да. И ножки тоже. Мне сказали в больнице. Это моя вина. Чтобы скрыть беременность, я стягивала живот корсетом. Он будет калекой. Если бы у меня хватило смелости его утопить...

Лукас берет завернутого в полотенце ребенка на руки, смотрит на сморщенное личико:

— Не надо так говорить, Ясмина.

Она говорит:

— Он будет чувствовать себя несчастным.

— Ты тоже несчастна, хотя и не калека. Может быть, он будет несчастлив не больше тебя или любого другого человека.

Ясмина снова берет ребенка, глаза ее полны слез:

— Ты очень добр, Лукас.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Тебя знает весь город. Говорят, что ты сумасшедший, но я так не думаю.

Лукас выходит и возвращается с досками:

— Сейчас я сделаю ему колыбельку.

Ясмина стирает, готовит еду. Когда кроватка готова, они кладут в нее ребенка и качают. Лукас спрашивает:

— Как его зовут? Ты дала ему имя?

— Да. Это спрашивают в больнице, чтобы сообщить в мэрию. Я назвала его Матиасом. Так зовут моего отца. Никакого другого имени мне в голову не пришло.

— Ты так его любила?

— У меня никого, кроме него, не было.

Вечер. Лукас возвращается из приходского дома, не заходя в бистро. В плите горит огонь. Сквозь незакрытую дверь Лукас слышит, как Ясмина тихо напевает. Он входит в комнату Бабушки. Ясмина в рубашке сидит около кровати и укачивает ребенка. Лукас спрашивает:

— Почему ты еще не легла?

— Я ждала тебя.

— Тебе не надо меня ждать. Обычно я возвращаюсь гораздо позже.

Ясмина улыбается:

— Я знаю. Ты играешь в бистро.

Лукас подходит, спрашивает:

— Он спит?

— Давно. Но мне приятно его качать.

Лукас говорит:

— Пойдем на кухню. А то мы его разбудим.

Они сидят на кухне друг против друга и молча пьют водку. Потом Лукас спрашивает:

— Когда это началось? Ну, у тебя с отцом?

— Сразу же. Как только он вернулся.

— Сколько тебе было лет?

— Двенадцать.

— Он взял тебя силой?

Ясмина смеется:

— Нет, нет! Он меня не насиловал. Он только лег рядом со мной, прижимал меня к себе, целовал, ласкал и плакал.

— Где была в это время твоя тетя?

— Она работала на фабрике в бригаде. Когда у нее была ночная смена, отец лег ко мне. Это чулан, без окон, с узкой кроватью. Нам было хорошо в этой кровати.

Лукас наливает водку и говорит:

— Рассказывай дальше!

— Я росла. Отец гладил мне грудь и говорил: «Скоро ты станешь взрослой женщиной и уйдешь с каким-нибудь парнем». Я говорила: «Нет, я никогда не уйду». Однажды ночью во сне я взяла его руку и положила себе

между ног. Я стиснула его пальцы и в первый раз испытала наслаждение. На следующую ночь я сама попросила его дать мне это бесконечно нежное наслаждение. Он плакал, он говорил, что не надо так делать, что это плохо, но я все просила его, я его умоляла. Тогда он наклонился и стал лизать меня, сосать, целовать, и наслаждение было еще сильнее, чем в первый раз.

Однажды ночью он лег на меня, он положил свой член между моих ног, он говорил: «Сожми бедра, сожми их сильнее, не дай мне войти, я не хочу сделать тебе больно».

Несколько лет мы занимались любовью так, но пришла ночь, когда я не смогла сдержаться. Я слишком сильно желала его, я раздвинула ноги, я открылась вся, и он вошел в меня.

Она молчит, она смотрит на Лукаса. Ее огромные черные глаза сверкают, полные губы приоткрыты. Она высвобождает одну грудь из рубашки и спрашивает:

— Хочешь?

Лукас хватает ее за волосы, тащит в комнату, швыряет на Бабушкину кровать и берет ее, кусая ей шею.

В следующие дни Лукас снова появляется в бистро. Он снова бродит по пустынным улицам города.

Придя домой, он сразу идет к себе в комнату. Но однажды вечером, пьяный, он открывает дверь в комнату Бабушки. Ясмина спит, ребенок тоже.

Лукас раздевается и ложится в кровать к Ясмине. Тело Ясмینی горит, тело Лукаса холодно, как лед. Она лежит лицом к стене, он прижимается к ее спине, он кладет свой член между ног Ясмینی.

Она сжимает бедра, она стонет:

— Отец, о отец!

Лукас говорит ей на ухо:

— Сожми, сожми сильнее.

Она отбивается, она дышит с трудом. Он входит в нее, она кричит. Лукас прикрывает ладонью рот Ясмینی, натягивает ей на голову одеяло:

— Замолчи. Ребенок проснется!

Она кусает ему ладонь, сосет большой палец. Когда все кончено, они несколько минут лежат рядом, потом Лукас встает. Ясмина плачет. Лукас уходит к себе в комнату.

Лето. Ребенок повсюду. То он в комнате Бабушки, то в кухне, то в саду. Он передвигается на четвереньках.

Он горбат и кособок. У него слишком тонкие ножки, слишком длинные

руки, непропорциональное тело.

Он приходит и в комнату Лукаса. Он стучит кулачками в дверь до тех пор, пока Лукас не откроет. Он забирается на большую кровать.

Лукас ставит на граммофон пластинку, и ребенок прыгает на кровати.

Лукас ставит другую пластинку, и ребенок зарывается в одеяла.

Лукас берет лист бумаги и рисует на нем кролика, курицу, свинью. Ребенок смеется и целует бумагу.

Лукас рисует жирафа и слона, ребенок мотает головой и рвет бумагу.

Лукас устраивает ребенку песочницу: покупает ему лопатку, лейку и тачку.

Он ставит ему качели, мастерит повозку из ящика и колес. Он сажает ребенка в повозку и возит его. Он показывает ему рыб, приводит его в клетку к кроликам. Ребенок хочет погладить кроликов, но перепуганные кролики разбегаются во все стороны.

Ребенок плачет. Лукас идет в город и покупает плюшевого медведя.

Ребенок смотрит на медведя, берет его, «говорит» с ним, трясет его и бросает под ноги Лукасу.

Ясмина берет мишку, гладит его:

— Хороший мишка. Мишенька очень хороший.

Мальчик смотрит на мать и начинает биться головой о пол кухни. Ясмина кладет медведя и берет ребенка на руки. Мальчик вопит, колотит руками по голове матери, пинает ее в живот. Ясмина выпускает его, и ребенок до вечера прячется под столом.

Вечером Лукас приносит совсем маленького котенка, спасенного от вил Иозефа. Крошечное животное ставят на пол кухни, он мяукает и весь дрожит.

Ясмина ставит перед ним миску с молоком, кот продолжает мяукать.

Ясмина кладет котенка в детскую кроватку.

Мальчик забирается в кроватку, ложится рядом с котенком и прижимает его к себе. Котенок вырывается и царапает ребенку лицо и руки.

Через несколько дней кот ест все, что ему дают, и спит в кроватке у ног ребенка.

Лукас просит Иозефа достать ему щенка.

Однажды Иозеф приносит черного щенка с длинной вьющейся шерстью. В это время Ясмина развешивает в саду белье, ребенок спит. Ясмина стучит в дверь к Лукасу и кричит:

— Там кто-то пришел!

Она прячется в комнате Бабушки. Лукас выходит к Иозефу. Иозеф говорит:

— Вот щенок, которого я обещал вам достать. Это степная овчарка. Она будет хорошим сторожем.

Лукас говорит:

— Спасибо, Иозеф. Зайдите, выпейте вина. Они входят в кухню, пьют вино. Иозеф спрашивает:

— Вы не хотите познакомить меня с женой?

Лукас говорит:

— Ясмина мне не жена. Ей было некуда идти, я ее пустил к себе.

Иозеф говорит:

— Весь город знает ее историю. Очень красивая девушка. Я так думаю, щенок для ее ребенка.

— Да, для ребенка Ясмины. Перед тем как уйти, Иозеф говорит:

— Вы слишком молоды, Лукас, чтобы содержать жену и ребенка. Это большая ответственность.

Лукас говорит:

— Это моя забота.

Когда Иозеф уходит, Ясмина выходит из дома. У Лукаса на руках щенок.

— Смотри, что принес Иозеф для Матиаса.

Ясмина говорит:

— Он меня видел. Он ничего не сказал?

— Сказал. Он считает тебя очень красивой. Зря ты беспокоишься, Ясмина, по поводу того, что люди о нас подумают. Лучше бы сходила со мной на днях в город купить тебе одежду. Ты ходишь в одном и том же платье с тех пор, как сюда пришла.

— Мне достаточно этого платья. Я не хочу другого. Я не пойду в город.

Лукас говорит:

— Пойдем покажем щенка Матиасу. Ребенок с кошкой под столом на кухне.

Ясмина говорит:

— Мати, это тебе. Это подарок.

Лукас с собакой садится на угловую скамью, ребенок забирается ему на колени. Он смотрит на собаку, раздвигает ему шерсть, которая падает на морду. Щенок лижет ребенку лицо. Кошка шипит на собаку и удирает в сад.

Становится все холоднее. Лукас говорит Ясмине:

— Матиасу нужны теплые вещи, и тебе тоже.

Ясмина говорит:

— Я умею вязать. Мне нужна шерсть и спицы.

Лукас покупает корзинку клубков шерсти и несколько пар спиц разных размеров. Ясмина вяжет свитера, носки, шарфы, варежки, шапки. Из остатков шерсти она делает разноцветные одеяла. Лукас хвалит ее работу. Ясмина говорит:

— Еще я умею шить. Дома у меня была старая швейная машинка моей матери.

— Хочешь, я за ней схожу?

— Ты не побоишься прийти к тете?

Лукас берет тележку и уходит. Он стучится в дверь к тете Ясмине. Ему открывает еще молодая женщина:

— Что вам нужно?

— Я пришел за швейной машинкой Ясмине. Она говорит:

— Входите.

Лукас входит в очень чистую кухню. Тетя Ясмине рассматривает его:

— Так это вы. Бедный мальчик. Вы совсем ребенок.

Лукас говорит:

— Мне семнадцать лет.

— А ей скоро будет девятнадцать. Как она?

— Хорошо.

— А ребенок?

— Тоже очень хорошо. Помолчав, она говорит:

— Я слышала, что ребенок родился увечным. Это Бог наказал.

Лукас спрашивает:

— Где швейная машинка?

Тетя открывает дверь в тесный чулан без окна:

— Все ее вещи здесь. Забирайте.

Там стоит швейная машинка и фанерный чемодан. Лукас спрашивает:

— Больше здесь ничего нет?

— Была кровать. Я ее сожгла.

Лукас переносит швейную машинку и чемодан на тележку. Он говорит:

— Спасибо, сударыня.

— Не за что. Скатертью дорога.

Часто идут дожди. Ясмина шьет и вяжет. Ребенок больше не может играть на улице. Он проводит целый день на кухне, под столом с собакой и кошкой.

Мальчик уже говорит несколько слов, но он еще не ходит. Когда Лукас

хочет поставить его на ноги, мальчик вырывается, убегает на четвереньках и прячется под столом.

Лукас идет в книжный магазин. Он выбирает большие листы белой бумаги, цветные карандаши и книжки с картинками.

Виктор спрашивает:

— У вас есть ребенок?

— Да. Но он не мой.

Виктор говорит:

— Так много сирот. Петер спрашивал меня о вас. Вы бы сходили к нему.

Лукас говорит:

— Я очень занят.

— Понимаю. Ребенок. В вашем возрасте.

Лукас возвращается домой. Ребенок спит на коврикe под кухонным столом. В комнате Бабушки шьет Ясмiна. Лукас кладет сверток рядом с ребенком. Он входит в комнату, целует Ясмину в затылок, и Ясмiна перестает шить.

Ребенок рисует. Он рисует собаку и кошку. Еще он рисует других животных. Он рисует деревья, цветы, дом. Еще он рисует свою мать.

Лукас спрашивает:

— А меня ты почему никогда не рисуешь?

Мальчик мотает головой и прячется под столом с книжками.

Перед Новым годом Лукас приносит из леса елку. Он покупает раскрашенные стеклянные шары и свечи. В Бабушкиной комнате они с Ясминой наряжают елку. Под ней лежат игрушки, отрезки материи и теплые сапоги для Ясмины, свитер для Лукаса, книжки и деревянная лошадка для Матиаса.

Ясмiна жарит в духовке утку. Она варит картошку, капусту, фасоль. Печенье готово уже несколько дней назад,

Когда в небе появляется первая звезда, Лукас зажигает на елке свечи. Ясмiна входит в комнату с Матиасом на руках.

Лукас говорит:

— Посмотри свои игрушки, Матиас. Книжки и лошадка для тебя.

Мальчик говорит:

— Я хочу лошадку. Лошадка красивая.

Он пытается вскарабкаться на лошадку, но безрезультатно. Он кричит:

— Лошадка слишком большая! Ее Лукас сделал. Лукас злой. Он сделал слишком большую лошадку для Мати.

Мальчик плачет и бьется головой об пол комнаты. Лукас поднимает его

на руки, встряхивает:

— Лошадка не слишком большая. Это Матиас слишком маленький, потому что он не хочет стоять на ногах. Он все время на четвереньках, как звери! Ты не зверь!

Он держит мальчика за подбородок, заставляя сто смотреть себе прямо в глаза. Он говорит сурово:

— Если ты не захочешь ходить, то никогда не пойдешь. Никогда, понимаешь?

Ребенок вопит, Ясмина вырывает его у Лукаса:

— Оставь его в покое! Он скоро научится ходить.

Она сажает мальчика на лошадку и качает. Лукас говорит:

— Мне надо уйти. Уложи ребенка и подожди меня. Я ненадолго.

Он идет на кухню, разрезает утку пополам, кладет половину на горячее блюдо, укладывает вокруг овощи и картошку и хорошенько укутывает блюдо. Когда он приходит в приходский дом, еда еще горячая.

После еды Лукас говорит:

— Мне очень жаль, отец мой, но надо идти, меня ждут.

Кюре говорит:

— Я знаю, сын мой. По правде сказать, я удивлен, что ты сегодня пришел. Я знаю, что ты живешь во грехе с падшей женщиной и с плодом ее греховной любви. Этот ребенок даже не крещен, хотя и носит имя одного из наших святых.

Лукас молчит, кюре говорит:

— Приходите оба к полуночной мессе, хотя бы сегодня вечером.

Лукас говорит:

— Мы не можем оставить ребенка без присмотра.

— Тогда приходи один.

Лукас говорит:

— Вы говорите мне «ты», отец мой.

— Простите, Лукас. Я дал волю гневу. Но это оттого, что я смотрю на вас как на собственного сына, и волнуюсь о вашей душе.

Лукас говорит:

— Продолжайте говорить мне «ты», отец мой. Мне это приятно. Но вы прекрасно знаете, что я не хожу в церковь.

Лукас возвращается домой. В доме Бабушки погашены все огни. Кошка и собака спят на кухне, половина утки нетронутая стоит на столе. Лукас хочет войти в спальню. Дверь закрыта на ключ. Он стучится, Ясмина не отвечает.

Лукас уходит в город. Он долго бродит по улицам, потом попадает в

церковь. В большой церкви холодно и почти пусто. Лукас опирается на стену возле двери. Далеко от него, в другом конце церкви, у алтаря кюре ведет службу.

Чья-то рука касается плеча Лукаса. Петер говорит:

— Пойдемте, Лукас, выйдем отсюда.

На улице он спрашивает:

— Что вы здесь делали?

— А вы, Петер?

— Я шел за вами. Я увидел вас, когда выходил от Виктора.

Лукас говорит:

— Когда быстро закрыты, я чувствую себя потерянным в этом городе.

— А я всегда чувствую себя потерянным в нем. Пойдемте ко мне, вы согреетесь, перед тем как идти домой.

Петер живет в красивом доме на Главной Площади. У него дома глубокие кресла, стены заставлены стеллажами с книгами, тепло. Петер наливает водку:

— У меня в этом городе нет ни единого друга, за исключением Виктора, который мил и воспитан, но довольно скучен. Он без конца жалуется на жизнь.

Лукас засыпает. На рассвете, когда он просыпается, Петер по-прежнему сидит напротив и смотрит на него.

На следующее лето ребенок начинает ходить. Он цепляется за спину собаки и кричит:

— Лукас! Смотри! Смотри! Лукас прибегает. Мальчик говорит:

— Мати больше собаки. Мати стоит.

Собака отходит, мальчик падает. Лукас берет его на руки, поднимает над головой и говорит:

— Матиас выше Лукаса!

Мальчик смеется. На следующий день Лукас покупает ему трехколесный велосипед. Ясмина говорит Лукасу:

— Ты тратишь слишком много денег на игрушки.

Лукас говорит:

— Велосипед поможет развиваться его ногам.

К осени ребенок уверенно ходит, но очень заметно хромает.

Однажды утром Лукас говорит Ясмине:

— После завтрака вымой ребенка и одень его чисто. Я поведу его к врачу.

— К врачу? Зачем?

— Ты не видишь, что он хромает?

— Чудо, что он пошел.

Лукас говорит:

— Я хочу, чтоб он ходил как все.

Глаза Ясмину наполняются слезами:

— А я принимаю его таким, какой он есть.

Когда ребенка умыли и одели, Лукас берет его за руку:

— Мы пойдем далеко, Матиас. Когда ты устанешь, я возьму тебя на руки.

Ясмину спрашивает:

— Ты пойдешь с ним через весь город к больнице?

— А что такое?

— Люди будут смотреть на вас. Вдруг вы встретите мою тетю?

Лукас не отвечает. Ясмину добавляет:

— Если его захотят забрать, ты ведь не отдашь его, правда, Лукас?

Лукас говорит:

— О чем ты говоришь!

Вернувшись из больницы, Лукас говорит только одно:

— Ты была права, Ясмину!

Он запирается у себя в комнате, слушает пластинки, а когда ребенок барабанит в его дверь, не открывает.

Вечером, когда Ясмину укладывает ребенка, Лукас входит в комнату Бабушки. Как всегда по вечерам, он садится рядом с кроваткой и рассказывает Матиасу историю. Когда рассказ кончается, он говорит:

— Кроватка скоро будет тебе мала. Мне надо сделать тебе кровать.

Мальчик говорит:

— Оставим кроватку для кошки и собаки.

— Да, кроватку оставим. Еще я тебе сделаю стеллаж для книжек, которые у тебя есть и для тех, которые я тебе еще куплю.

Мальчик говорит:

— Расскажи еще одну историю.

— Я должен идти работать.

— Ночью нет работы.

— У меня всегда есть работа. Мне надо зарабатывать много денег.

— А зачем деньги?

— Чтобы купить все, что надо для нас троих.

— Одежду и обувь?

— Да. И еще игрушки, книги и пластинки.

— Игрушки и книги, это хорошо. Иди работай.

Лукас говорит:

— А ты должен спать, чтобы вырасти большим.

Мальчик говорит:

— Я не вырасту, ты же сам знаешь. Так доктор сказал.

— Ты плохо его понял, Матиас. Ты вырастешь. Не так быстро, как другие дети, но вырастешь.

Ребенок спрашивает:

— Не так быстро?

— Потому что все люди разные. Ты будешь не таким высоким, как другие, но ты будешь умнее. Рост не важен, самое главное ум.

Лукас выходит из дома. Но вместо того чтобы идти к городу, он спускается к реке, садится на траву и смотрит на черную грязную воду.

Лукас говорит Виктору:

— Все эти детские книги похожи одна на другую и рассказывают глупые истории. Это неприемлемо для ребенка четырех лет.

Виктор пожимает плечами:

— Что вы хотите? С книгами для взрослых то же самое. Смотрите. Несколько романов, прославляющих систему. Можно подумать, что в стране перевелись настоящие писатели.

Лукас говорит:

— Да, я знаком с этими романами. На них не стоило тратить бумагу. А что стало с прежней литературой?

— Запрещена. Исчезла. Изъята из обращения. Может быть, вы найдете ее в библиотеке, если она еще существует.

— Библиотека в нашем городе? Я никогда о ней не слышал. Где она находится?

— Если идти от замка, то в первой улице налево. Не могу сказать вам название улицы, они все время меняются. Они без конца переименовывают улицы.

Лукас говорит:

— Я найду ее.

Указанная Виктором улица пуста. Лукас ждет. Из одного дома выходит старик. Лукас спрашивает у него:

— Вы знаете, где находится библиотека? Старик показывает на старый полуразрушенный серый дом.

— Вот здесь. Но думаю, что ненадолго. Похоже, они переезжают. Каждую неделю за книгами приезжает грузовик.

Лукас входит в серый дом. Он идет по длинному темному коридору, который кончается стеклянной дверью с заржавевшей табличкой: «Публичная библиотека».

Лукас стучится. Женский голос отвечает:

— Войдите!

Лукас входит в просторную комнату, освещенную заходящим солнцем. За столом сидит женщина с седыми волосами. В очках. Она спрашивает:

— Что вы хотите?

— Я хотел бы взять книги.

Женщина снимает очки, смотрит на Лукаса:

— Книги? С тех пор как я здесь, никто не приходил за книгами.

— Вы здесь давно?

— Уже два года. Я должна наводить здесь порядок. Я должна сортировать книги и выбирать те, что в списке.

— А что происходит потом? Что вы с ними сделаете?

— Я складываю их в ящики, их уносят и пускают под нож.

— В списке много книг?

— Почти все книги в списке.

Лукас смотрит на большие ящики с книгами:

— Какая у вас грустная работа.

Она спрашивает:

— Вы любите книги?

— Я прочел все книги у господина кюре. У него много книг, но не все интересные.

Она улыбается:

— Представляю себе.

— Еще я прочел те книги, которые есть в продаже. Они еще менее интересны.

Она снова улыбается:

— А какие книги вы любите читать?

— Книги из списка.

Она снова надевает очки и говорит:

— Это невозможно. Мне жаль. Уходите!

Лукас не двигается. Она повторяет:

— Я сказала: уходите.

Лукас говорит:

— Вы похожи на мою Мать.

— Надеюсь, я моложе?

— Нет. Моя Мать была моложе вас, когда она умерла.

Она говорит:

— Простите. Мне очень жаль.

— У моей Матери волосы были еще черные. А у вас седые волосы и вы носите очки.

Женщина встает:

— Пять часов. Библиотека закрывается.

На улице Лукас говорит:

— Я вас провожу. Позвольте мне нести вашу хозяйственную сумку. Мне кажется, она очень тяжелая.

Они молча идут. Около вокзала она останавливается возле низкого домика:

— Я живу здесь. Спасибо. Как ваше имя?

— Лукас.

— Спасибо, Лукас.

Она забирает назад сумку, Лукас спрашивает:

— Что там внутри?

— Угольные брикеты.

Назавтра, в конце дня, Лукас возвращается в библиотеку. Седая женщина сидит за своим столом. Лукас говорит:

— Вы забыли вчера выдать мне книгу.

— Я объяснила вам, что это невозможно.

Лукас берет книгу в одном из больших ящиков:

— Позвольте мне взять одну книгу. Вот эту.

Она повышает голос:

— Вы даже не посмотрели на название. Положите книгу назад в ящик и уходите!

Лукас кладет книгу назад в ящик:

— Не сердитесь. Я не возьму ни одной книги. Я подожду до закрытия.

— Вы ничего не дождетесь! Вон отсюда, подлый провокатор! Как не стыдно в вашем возрасте!

Она начинает всхлипывать:

— Когда же за мной прекратят шпионить, следить, подозревать меня?

Лукас выходит из библиотеки, садится на лестницу дома напротив, он ждет. Вскоре после пяти появляется женщина, она улыбается:

— Простите меня. Я так боюсь. Все время боюсь. Всех.

Лукас говорит:

— Я больше не попрошу у вас книг. Я вернулся только из-за того, что вы похожи на мою Мать.

Он вытаскивает из кармана фотографию:

— Посмотрите.

Она смотрит на фотографию:

— Я не вижу никакого сходства. Ваша мать молода, красива, элегантно одета.

Лукас спрашивает:

— Почему вы носите туфли на низких каблуках и этот бесцветный костюм? Почему вы ведете себя, как старая женщина?

Она говорит:

— Мне тридцать пять лет.

— Моей Матери на этой фотографии столько же. Вы бы хоть покрасили волосы.

— Мои волосы побелели за одну ночь. Когда ОНИ повесили моего мужа за государственную измену. Это было три года назад.

Она протягивает свою сумку Лукасу:

— Проводите меня.

Перед домом Лукас спрашивает:

— Мне можно войти?

— Ко мне никто никогда не заходит.

— Почему?

— Я никого не знаю в этом городе.

— Теперь вы знаете меня. Она улыбается:

— Хорошо. Входите, Лукас. В кухне Лукас говорит:

— Я не знаю вашего имени. Мне не хочется называть вас сударыней.

— Меня зовут Клара. Вы можете отнести сумку в комнату и высыпать все рядом с печкой. Я готовлю чай.

Лукас высыпает угольные брикеты в деревянный ящик. Он идет к окну, видит маленький заброшенный сад и за ним насыпь железной дороги, заросшую травой.

Клара входит в комнату:

— Я забыла купить сахар.

Она ставит поднос на стол и подходит к Лукасу:

— Здесь спокойно. Поезда больше не ходят. Лукас говорит:

— Красивый дом.

— Это служебный дом. Он принадлежал людям, которые выехали за границу.

— И мебель тоже?

— Мебель этой комнаты — да. Но в другой комнате мебель моя. Моя кровать, мой письменный стол, мой шкаф.

Лукас спрашивает:

— Можно мне посмотреть вашу комнату?

— Может быть, в другой раз? Пейте чай.

Лукас отпивает немного горького чая, потом говорит:

— Мне нужно идти, у меня работа. Но я смогу вернуться позже.

Она говорит:

— Нет, не возвращайтесь. Я ложусь очень рано, чтобы не тратить уголь.

Когда Лукас возвращается домой, Ясмина и Матиас сидят на кухне. Ясмина говорит:

— Малыш не хотел ложиться спать без тебя. Я уже покормила животных и подоила коз.

Лукас рассказывает Матиасу историю, потом идет в приходский дом. Наконец он возвращается к домику на Вокзальной улице. Свет погашен.

Лукас ждет на улице. Клара выходит из библиотеки. Она без сумки. Она говорит Лукасу:

— Вы что, собираетесь ждать меня здесь каждый день?

— А что? Вам это неприятно?

— Да. Это нелепо и бесполезно. Лукас говорит:

— Я хотел бы вас проводить.

— Я без сумки. К тому же я не прямо иду домой. Мне надо в магазины.

Лукас спрашивает:

— Я могу зайти к вам попозже, вечером?

— Нет!

— Почему? Сегодня пятница. Вы завтра не работаете. Вам не обязательно ложиться рано.

Клара говорит:

— Хватит! Оставьте в покое и меня, и время, когда я ложусь спать.

Прекратите ждать меня и ходить за мной как собачка.

— Я вас не увижу до понедельника? Она вздыхает, качает головой:

— Ни в понедельник, ни в какой другой день. Перестаньте мне надоедать, Лукас, прошу вас. В конце концов, чего вы от меня хотите?

Лукас говорит:

— Мне приятно видеть вас. Даже в этом старом костюме и с седыми волосами.

— Наглец!

Клара поворачивается и уходит в сторону Главной Площади. Лукас идет за ней.

Клара входит в магазин одежды, потом в обувной. Лукас долго ждет. Потом она еще заходит в продуктовый. Когда она отправляется назад, на Вокзальную улицу, у нее полные руки пакетов. Лукас догоняет ее:

— Позвольте мне вам помочь. Клара, не останавливаясь, говорит:

— Отстаньте! Уходите! И чтоб я вас больше не видела!

Лукас возвращается домой. Ясмина говорит ему:

— Матиас уже в постели.

— Так рано? Почему?

— Мне кажется, он обижен. Лукас входит в комнату Бабушки:

— Ты уже спишь, Матиас?

Мальчик не отвечает. Лукас выходит из комнаты. Ясмина спрашивает:

— Ты сегодня вернешься поздно?

— Сегодня пятница.

Она говорит:

— Огород и скотина приносят достаточно денег. Тебе не надо больше играть в бистро, Лукас. Те несколько монет, которые ты там зарабатываешь, не стоят того, чтобы тратить на это ночь.

Лукас не отвечает. Он делает свою вечернюю работу и идет в приходский дом. Кюре говорит:

— Мы очень давно не играли в шахматы.

Лукас говорит:

— Я сейчас очень занят.

Он идет в город, входит в бистро, играет на гармонике, пьет. Он пьет во всех бистро города и возвращается к дому Клары.

В окнах кухни сквозь задернутые шторы пробивается свет. Лукас обходит квартал и возвращается по железнодорожным путям, он входит в сад Клары. Здесь занавески тоньше, и Лукас различает дна силуэта в той комнате, куда он заходил вчера. Мужчина ходит взад и вперед по комнате, Клара стоит прислонившись к печке. Мужчина приближается к ней, отходит, снова подходит ближе. Он говорит. Лукас слышит его голос, но не понимает, что тот говорит.

Два силуэта сливаются. Это длится долго. Они разделяются. В спальне зажигается свет. В гостинном никого не остается.

Когда Лукас переходит к другому окну, свет гасят.

Лукас снова встает перед домом. Он прячется в тени и ждет.

На рассвете от Клары выходит мужчина и удаляется крупными шагами. Лукас идет за ним. Человек входит в один из домов на Главной Площади.

Вернувшись домой, Лукас заходит на кухню попить воды. Из комнаты Бабушки выходит Ясмина:

— Я прождала тебя всю ночь. Сейчас шесть часов утра. Где ты был?

— На улице.

— Что с тобой, Лукас?

Она протягивает руку, чтобы погладить его по лицу. Лукас отстраняется, выходит из кухни и запирается у себя в комнате.

В субботу вечером Лукас ходит из одного бистро в другое. Люди пьяны и щедры.

Вдруг сквозь дым Лукас видит ЕЕ. Она сидит одна около входа и пьет красное вино. Лукас садится к ней за стол:

— Клара! Что вы здесь делаете?

— Я не могла заснуть. Мне хотелось увидеть людей.

— Вот этих?

— Не важно кого. Я не могу оставаться одна дома, все время одна.

— Вчера вы не были одни.

Клара не отвечает. Она наливает себе вина и пьет. Лукас забирает у нее стакан:

— Довольно! Она смеется:

— Нет. Мне все мало. Я хочу пить еще и еще.

— Но не здесь! Не с этими людьми!

Лукас сжимает запястье Клары. Она смотрит на него и шепчет:

— Я вас искала.

Лукас говорит:

— Вы не хотели меня больше видеть.

Она не отвечает, отворачивается. Посетители требуют музыки.

Лукас бросает деньги на стол:

— Пойдемте!

Он берет Клару за руку, ведет ее к выходу.

Их сопровождают грубые замечания и шутки.

На улице дождь. Клара шатается, спотыкается на высоких каблуках. Лукасу приходится почти нести ее.

В своей спальне она почти падает на кровать, ее бьет дрожь. Лукас снимает с нее туфли, укрывает ее. Он идет в другую комнату, разводит огонь в печке, которая обогревает обе комнаты. Он готовит на кухне чай, наливает две чашки. Клара говорит:

— В шкафу на кухне есть ром.

Лукас приносит ром, наливает его в чашки.

Клара говорит:

— Ты слишком молод, чтобы пить спиртное.

Лукас говорит:

— Мне двадцать лет. Я научился пить в двенадцать.

Клара закрывает глаза:

— Я почти что гожусь тебе в матери.

Потом она добавляет:

— Не уходи. Не оставляй меня одну.

Лукас садится на стул за письменный стол, рассматривает комнату. Кроме кровати, в ней только большой письменный стол и этажерка с

книгами. Он рассматривает книги, они неинтересные, он их знает.

Клара спит. Одна рука у нее свешивается с кровати. Он целует ей запястье, потом ладонь. Он лижет руку, доходит до локтя. Клара не двигается.

Теперь в доме тепло. Лукас отодвигает одеяло. Перед ним тело Клары: черное и белое.

Пока Лукас был на кухне, Клара сняла юбку и кофту. Теперь Лукас снимает с нее черные чулки, черный пояс с резинками и черный лифчик. Он укрывает белое тело одеялом. Потом в печке в соседней комнате он сжигает белье. Он пододвигает кресло и садится возле кровати. На полу он замечает книгу. Он смотрит на нее. Это старая зачитанная книга, на титульном листе штамп библиотеки. Лукас читает, время идет.

Клара стонет. Глаза у нее по-прежнему закрыты, лицо покрыто потом, голова мечется вправо и влево по подушке, она бормочет непонятные слова.

Лукас идет на кухню, мочит тряпку, кладет ее Кларе на лоб. Непонятные слова переходят в вой.

Лукас трясет ее, чтобы разбудить. Она открывает глаза:

— В ящике моего письменного стола. Успокоительное. В белой коробке.

Лукас находит успокоительное, Клара глотает две таблетки, запивая остывшим чаем. Она говорит:

— Ничего. Все тот же кошмар.

Она закрывает глаза. Когда ее дыхание становится ровным, Лукас уходит. Он уносит книгу с собой.

Он медленно идет под дождем по пустынным улицам до Бабушкиного дома на другом конце города.

В воскресенье вечером Лукас снова приходит к Кларе. Он стучится в дверь кухни.

Клара спрашивает:

— Кто там?

— Это я, Лукас.

Клара открывает дверь.

Она бледна, на ней старый красный халат.

— Что вы хотите?

Лукас говорит:

— Я проходил мимо. Я хотел узнать, как вы себя чувствуете.

— Я чувствую себя прекрасно, да.

Ее рука, придерживающая дверь, дрожит.

Лукас говорит:

— Простите. Я боялся.

— Чего? У вас совершенно нет причин бояться за меня.

Лукас говорит очень тихо:

— Клара, прошу вас, позвольте мне войти.

Клара качает головой:

— Вы умеете настаивать, Лукас. Ну, входите, выпейте чашку кофе.

Они садятся на кухне и пьют кофе.

Клара спрашивает:

— Что было вчера?

— Вы ничего не помните?

— Нет. С тех пор, как умер мой муж, я принимаю таблетки. Лекарства, которые я принимаю, иногда вызывают нарушения памяти.

Лукас говорит:

— Я вас привел домой из бистро. Если вы принимаете лекарства, вам не следует пить спиртного.

Она закрывает лицо руками:

— Вы не представляете себе, что я пережила.

— Я знаю боль разлуки.

— У вас умерла мать.

— Было еще другое. Уход брата, с которым мы были единым целым.

Клара поднимает голову, смотрит на Лукаса:

— Мы с Томасом тоже были единым целым. ОНИ его убили. Вашего брата тоже они убили?

— Нет. Он ушел. Перешел границу.

— Почему вы не ушли с ним?

— Надо было, чтобы кто-то один остался здесь ухаживать за животными, за садом, за Бабушкиным домом. Еще нам надо было научиться жить друг без друга. Поодиночке.

Клара кладет руку на ладонь Лукаса.

— Как его имя?

— Клаус.

— Он вернется. А Томас не вернется никогда.

Лукас встает:

— Хотите, я зажгу огонь в той комнате? У вас

ледяные руки. Клара говорит:

— Вы очень добры. Сейчас я сделаю блины. Я еще ничего не ела сегодня.

Лукас выгребает золу из печи. От черного нижнего белья не осталось никаких следов. Он зажигает огонь и возвращается в кухню:

— Больше нет угля.

Клара говорит:

— Я спущусь за ним в подвал.

Она берет цинковое ведро, Лукас говорит:

— Давайте я схожу.

— Нет! Там темно. А я привыкла.

Лукас садится в кресло в гостиной, достает из кармана ту книгу, что он взял у Клары. Он читает. Клара приносит блины. Лукас спрашивает:

— Кто он, ваш любовник?

— Вы за мной шпионили?

Лукас говорит:

— Это для него вы купили черное белье, для него надели туфли на каблуках. Надо было вам еще волосы покрасить.

Клара говорит:

— Это вас не касается. Что вы читаете?

Лукас протягивает ей книгу:

— Я взял ее у вас вчера. Она мне очень понравилась.

— У вас не было права уносить ее домой. Я должна отнести ее назад в библиотеку.

Лукас говорит:

— Не сердитесь, Клара. Я прошу у вас прощения.

Клара отворачивается:

— А мое белье? Вы его тоже взяли?

— Нет. Я его сжег.

— Вы его сожгли? По какому праву?

Лукас встает:

— Я думаю, мне лучше уйти.

— Да, уходите. Вас ждут.

— Кто меня ждет?

— Жена и ребенок, как мне сказали.

— Ясмина мне не жена.

— Она уже четыре года живет у вас со своим ребенком.

— Ребенок не от меня, но теперь он мой.

В понедельник Лукас ждет напротив библиотеки. Наступает вечер, но Клара не выходит. Лукас входит в старый серый дом, идет по длинному коридору, стучит в стеклянную дверь. Никто не отвечает, дверь заперта на

ключ.

Лукас бежит к дому Клары. Он не стуча входит в кухню, потом в гостиную. Дверь спальни приоткрыта. Лукас зовет:

— Клара?

— Входите, Лукас.

Лукас входит в комнату. Клара лежит в кровати. Лукас садится на край, берет Клару за руку, рука горячая. Он трогает ее лоб:

— Я пойду за врачом.

— Нет, не стоит. Это просто простуда. У меня болит голова и горло, и все.

— У вас есть лекарства от боли и от жара?

— Нет, у меня ничего нет. Завтра посмотрим. Только разожгите печку и сделайте немного чаю.

Она пьет чай и говорит:

— Спасибо, что пришли, Лукас.

— Вы знали, что я вернусь.

— Я надеялась. Ужасно быть больной, когда ты совершенно одна.

Лукас говорит:

— Вы больше никогда не будете одна, Клара. Клара прижимает руку Лукаса к своей щеке:

— Я была с вами очень зла.

— Вы обошлись со мной как с собакой. Это не имеет значения.

Он гладит Клару по мокрым от пота волосам:

— Попробуйте заснуть. Я схожу куплю лекарства и вернусь.

— Аптека уже наверняка закрыта.

— Я заставлю открыть.

Лукас бежит до Главной Площади, звонит в дверь к единственному аптекарю города. Он звонит несколько раз. Наконец в деревянной двери открывается окошко, и аптекарь спрашивает:

— Что вы хотите?

— Лекарства от боли и температуры. Срочно.

— У вас есть рецепт?

— У меня не было времени найти врача.

— Это неудивительно. Беда в том, что без рецепта все очень дорого.

— Неважно.

Лукас достает из кармана банкноту, аптекарь выносит упаковку лекарства.

Лукас бежит к дому Бабушки. Ясмина и ребенок на кухне. Ясмина говорит:

— Я уже позаботилась о животных.

— Спасибо, Ясмина. Можешь ты отнести сегодня вечером еду господину кюре?

Я спешу.

Ясмина говорит:

— С господином кюре я не знакома. Я не хочу его видеть.

— Тогда просто поставь корзинку на стол кухни:

Ясмина молча смотрит на Лукаса. Лукас поворачивается к Матиасу:

— Сегодня историю тебе расскажет Ясмина.

Мальчик говорит:

— Ясмина не умеет рассказывать истории.

— Тогда ты расскажи ей сам. И нарисуй мне красивый рисунок.

— Да, красивый рисунок.

Лукас возвращается к Кларе.

— Выпейте это.

Клара пьет. Вскоре она засыпает. Лукас с карманным фонариком спускается в подпол. В углу небольшая куча угля, к стенам прислонены мешки. Лукас заглядывает в один мешок, в нем картошка. Он развязывает веревку на другом мешке, в нем угольные брикеты. Он высыпает мешок на пол, оттуда вываливаются четыре или пять брикетов и около двадцати книг. Лукас выбирает одну книгу, а остальные кладет на место в мешок. Он возвращается вверх с книгой и ведром угля.

Сидя рядом с Кларой, он читает.

Утром Клара спрашивает:

— Вы провели здесь всю ночь?

— Да. Я прекрасно выспался.

Он готовит чай, дает Кларе лекарство, снова разжигает печь. Клара меряет температуру, у нее все еще жар.

Лукас говорит:

— Оставайтесь в постели. Я вернусь к полудню. Что вы хотите съесть?

Она говорит:

— Я не голодна. Но можно попросить вас зайти в коммунальное бюро и заявить о моей болезни?

— Я сделаю это. Не беспокойтесь.

Лукас заходит в коммунальное бюро, потом возвращается домой, убивает курицу и варит ее с овощами. В полдень он приносит бульон Кларе. Она пробует бульон.

Лукас говорит ей:

— Вчера я спускался за углем в подпол. Я увидел книги. Вы их носите в хозяйственной сумке, правда?

Она говорит:

— Да. Я не могу допустить, чтобы ОНИ их все уничтожили.

— Вы разрешите мне прочесть их?

— Читайте что хотите. Но будьте осторожны. Мне грозит высылка.

— Я знаю.

К вечеру Лукас возвращается домой. В это время года в саду делать нечего. Лукас занимается животными, потом слушает у себя в комнате пластинки. Мальчик стучится к нему в дверь, он его впускает.

Мальчик устраивается на большой кровати и спрашивает:

— Почему Ясмينا плачет?

— Она плачет?

— Да. Почти все время. Почему?

— Она не говорит тебе, почему?

— Я боюсь у нее спрашивать.

Лукас отворачивается поменять пластинку:

— Наверно, она плачет из-за своего отца, который в тюрьме.

— А что такое тюрьма?

— Это большой дом с решетками на окнах. В него сажают людей.

— Почему?

— По разным причинам. Говорят, что они опасны. Мой отец тоже сидел в тюрьме.

Ребенок поднимает на Лукаса широко раскрытые черные глаза:

— И тебя тоже могут посадить?

— Да, меня тоже.

Ребенок втягивает носом воздух, его маленький подбородок дрожит:

— А меня?

— Нет, тебя не могут. Детей не сажают.

— А когда я вырасту?

— До этого все переменится, и больше никого не будут сажать в тюрьму.

Мальчик минуту молчит, потом спрашивает:

— Те, кто сидит в тюрьме, никогда не выйдут? Лукас говорит:

— Когда-нибудь они выйдут.

— И отец Ясмины?

— Конечно.

— И она больше не будет плакать?

— Не будет.

— А твой отец тоже выйдет?

— Он уже вышел.

— Где он?

— Он умер. Произошел несчастный случай.

— Если б он не вышел, не было бы несчастного случая.

Лукас говорит:

— Сейчас мне надо уйти. Возвращайся на кухню и не говори с Ясминой о ее отце. А то ты ее еще больше расстроишь. Будь с ней ласковым и послушным.

Стоя на пороге кухни, Ясмина спрашивает:

— Ты уходишь, Лукас?

Лукас застывает у двери в сад. Он ничего не отвечает.

Ясмина говорит:

— Я просто хотела узнать, нужно ли мне снова самой идти к господину кюре.

Лукас отвечает, не оборачиваясь:

— Пожалуйста, Ясмина. У меня нет времени.

Лукас проводит возле Клары все ночи до пятницы.

Утром в пятницу Клара говорит:

— Мне лучше. Я с понедельника выйду на работу. Вам больше не надо проводить здесь ночи. Вы посвятили мне много времени.

— Что вы хотите сказать, Клара?

— Сегодня вечером я хотела бы быть одна.

— «Он» возвращается! Так?

Она молча опускает глаза. Лукас говорит:

— Вы не можете так со мной поступить!

Клара смотрит Лукасу прямо в глаза:

— Вы упрекали меня за то, что я себя веду как старая женщина. Вы были правы. Я еще молода.

Лукас спрашивает:

— Кто он? Почему приходит только по пятницам? Почему он на вас не женится?

— Он женат.

Клара плачет. Лукас спрашивает:

— Почему вы плачете? Скорее мне нужно плакать.

Вечером Лукас возвращается в бистро. После закрытия он бродит по улицам. Идет снег. Лукас останавливается перед домом Петера. В окнах темно. Лукас звонит, никто не открывает. Лукас снова звонит. Одно окно

открывается, Петер спрашивает:

— Что такое?

— Это я, Лукас.

— Подождите, Лукас. Сейчас.

Окно закрывается и вскоре открывается дверь. Петер говорит:

— Входите, бродячая душа.

Петер в халате. Лукас говорит:

— Я разбудил вас. Простите.

— Это не страшно. Садитесь.

Лукас садится в кожаное кресло:

— Мне не хочется возвращаться в такой холод. Слишком далеко, и я слишком много выпил. Можно мне переночевать у вас?

— Конечно, Лукас. Ложитесь на мою кровать. Я лягу на диван.

— Я лучше на диване. Так я смогу уйти, когда проснусь, не потревожив вас.

— Как вам угодно, Лукас. Располагайтесь. Я пойду за одеялом.

Лукас снимает куртку и сапоги, ложится на диван. Петер возвращается с толстым одеялом. Он укрывает Лукаса, кладет ему под голову подушки, садится рядом на диван:

— Что случилось, Лукас? Это из-за Ясины?

Лукас качает головой:

— Дома все в порядке. Я просто хотел вас увидеть.

Петер говорит:

— Я вам не верю, Лукас.

Лукас берет ладонь Петера и прижимает ее к низу своего живота. Петер отбирает свою руку, встает:

— Нет, Лукас. Это мой мир, не надо в него входить.

Он уходит к себе в комнату и закрывает дверь.

Лукас ждет. Через несколько часов он встает, тихо открывает дверь, приближается к кровати Петера. Петер спит. Лукас выходит из комнаты, закрывает дверь, надевает сапоги, берет куртку, проверяет, есть ли в карманах «оружие» и бесшумно уходит из дома. Он идет на Вокзальную улицу, он ждет напротив дома Клары.

Из дома выходит мужчина. Лукас идет за ним, потом обгоняет его по другому тротуару. По дороге домой мужчине надо пройти мимо небольшого сквера. Там Лукас прячется за кустами. Он оборачивает толстый красный шарф, связанный Ясиной, вокруг головы, и когда мужчина подходит к скверу, Лукас вырастает перед ним. Он узнает его. Это один из врачей больницы, которые осматривали Матиаса.

Врач говорит:

— Кто вы? Что вам нужно?

Лукас хватает мужчину за ворот пальто, вытаскивает из кармана бритву:

— Если вы еще раз придете к ней, я вам перережу глотку.

— Вы сумасшедший! Я иду из госпиталя, я был на ночном дежурстве.

— Не нужно лгать. Я не шучу. Я способен на все. Сегодня только предупреждение.

Из кармана куртки Лукас вытаскивает набитый камнями носок и наносит им удар по голове мужчины, который без чувств валится на замерзшую землю.

Лукас возвращается к Петеру, снова ложится на диван и засыпает. Петер будит его в семь часов утра, принеся ему кофе:

— Я уже заходил к вам. Я думал, вы ушли домой.

Лукас говорит?

— Я не выходил отсюда всю ночь. Это важно, Петер.

Петер долгим взглядом смотрит на него:

— Я понял, Лукас.

Лукас возвращается домой. Ясмина говорит ему:

— Приходил полицейский. Тебе надо явиться в комиссариат. Что происходит, Лукас?

Матиас говорит:

— Они посадят Лукаса в тюрьму. И больше Лукас никогда не вернется.

Мальчик хихикает. Ясмина ловит его за руку и бьет по щеке:

— Замолчишь ты?

Лукас вырывает мальчика из рук Ясины и берет его на руки. Он вытирает слезы, которые текут по его лицу:

— Не бойся, Матиас. Меня не посадят.

Мальчик смотрит прямо в глаза Лукасу. Он говорит:

— Жалко.

Лукас приходит в полицейский участок. Ему указывают кабинет комиссара. Лукас стучится и входит. Напротив полицейского сидят Клара и врач.

Комиссар говорит:

— Здравствуйте, Лукас. Садитесь.

Когда Лукас возвращается из комиссариата, почти полдень.

Мальчик спрашивает:

— Тебя не посадили в тюрьму?

Ясмина говорит:

— Надеюсь, ничего страшного не было.

Лукас говорит:

— Нет. Все в порядке. Мне надо было дать показания по поводу одной драки.

Ясмина говорит:

— Сходил бы ты к господину кюре. Он ничего не ест. Он не притронулся к тому, что я приносила ему вчера и позавчера.

Лукас берет бутылку козьего молока и идет в приходский дом. На кухонном столе тарелки с остывшей едой. Плита не топлена. Лукас проходит пустую комнату и без стука открывает дверь спальни. Кюре лежит в постели.

Лукас спрашивает:

— Вы заболели?

— Нет, просто холодно. Мне все время холодно.

— Я принес вам много дров. Почему вы не топите?

Кюре говорит:

— Нужно экономить. И дрова и все остальное.

— Вам просто лень растапливать плиту.

— Я старый человек, мне тяжело.

— Вам тяжело, потому что вы не едите.

— Мне не хочется. С тех пор как ты перестал приносить мне еду, мне не хочется есть.

Лукас подает господину кюре халат:

— Одевайтесь и ступайте на кухню.

Он помогает старику одеться, доводит его до кухни, усаживает на скамью, наливает чашку молока. Кюре пьет. Лукас говорит:

— Вам больше нельзя жить одному. Вам слишком много лет.

Кюре отставляет чашку и смотрит на Лукаса:

— Я уезжаю, Лукас. Меня отзывают. Теперь я буду жить в монастыре. В этом городе больше не будет кюре. Священник из ближайшего города раз в неделю будет приезжать и служить мессу.

— Это разумное решение. Я рад за вас.

— Мне будет не хватать нашего города. Я прожил здесь сорок пять лет.

Помолчав, кюре добавляет:

— Много лет подряд ты заботился обо мне так, словно был моим сыном. Мне хотелось бы отблагодарить тебя. Но чем отплатить за такую любовь, за такую доброту?

Лукас говорит:

— Не благодарите меня. Во мне нет ни любви, ни доброты.

— Это ты так думаешь, Лукас. А я убежден в обратном. Просто рана в твоей душе еще не зажила.

Лукас молчит, кюре продолжает:

— Мне кажется, что я покидаю тебя в особенно трудный момент твоей жизни, но мысленно я буду с тобой, я буду неустанно молиться за спасение твоей души. Ты выбрал дурную дорогу, и иногда я не знаю, к чему ты придешь. Твоя страстная и мятежная душа может увлечь тебя далеко и привести к самым страшным порокам. Но я не оставляю надежды. Милость Господня неисчерпаема.

Кюре встает и берет в ладони лицо Лукаса:

— «И помни об Отце твоём во дни отрочества, пока не наступили дурные дни, пока не пришли те годы, о коих скажешь ты: я не люблю их...»

Лукас опускает голову, касается лбом груди старика:

— «Пока не омрачатся солнце и свет, луна и звезды, и не возвратится мрак...» Это Экклезиаст.

Худое тело старика содрогается от рыданий:

— Да. Ты узнал эти слова. Ты их еще помнишь. В детстве ты знал наизусть целые страницы из Библии. Есть ли у тебя время хоть иногда заглядывать в нее?

Лукас отстраняется:

— Я много работаю. И мне приходится читать другие книги.

Кюре говорит:

— Понимаю. И еще я понимаю, что тебе скучно слушать мои проповеди. Ступай и больше не возвращайся. Я уезжаю завтра первым поездом.

Лукас говорит:

— Желаю вам отдыха и покоя.

Он возвращается домой и говорит Ясмине:

— Господин кюре завтра уезжает. Больше носить ему еду не нужно.

Мальчик спрашивает:

— Он уезжает оттого, что ты его не любишь? Мы с Ясминой тоже уедем, раз ты нас больше не любишь.

Ясмина говорит:

— Замолчи, Матиас!

Мальчик кричит:

— Она так сама сказала! Ты ведь нас любишь, правда, Лукас?

Лукас берет его на руки:

— Конечно, Матиас.

У Клары в печи гостиной горит огонь. Дверь в спальню приоткрыта.

Лукас входит в спальню. Клара лежит, в руках у нее книга. Она смотрит на Лукаса, закрывает книгу и кладет ее на столик возле кровати.

Лукас говорит:

— Простите, Клара.

Клара открывает одеяло. Она обнажена. Она по-прежнему не сводит глаз с Лукаса:

— Ведь вам это было нужно, правда?

— Не знаю. Я действительно не знаю, Клара.

Клара гасит лампу у кровати:

— Чего же вы ждете?

Лукас зажигает настольную лампу и направляет свет на кровать. Клара закрывает глаза.

Лукас встает на колени перед кроватью, раздвигает ноги Клары, раскрывает губы. Показывается тонкая струйка крови. Лукас нагибается, слизывает и глотает кровь. Клара стонет, ее пальцы впиваются в волосы Лукаса.

Лукас снимает одежду, ложится на Клару, он входит в нее, он кричит. Потом он встает с кровати и открывает окно. На улице идет снег. Лукас возвращается в постель, Клара обнимает его. Лукас дрожит. Она говорит:

— Успокойся.

Она гладит Лукаса по волосам, по лицу. Он спрашивает:

— Вы не сердитесь из-за него?

— Нет. Хорошо, что он уехал.

Лукас говорит:

— Я знал, что вы его не любите. На прошлой неделе, когда вы вошли в бистро, у вас был такой несчастный вид.

Клара сказала:

— Я познакомилась с ним в больнице. Он лечил меня, когда со мной летом снова случился приступ депрессии. В четвертый раз с тех пор, как умер Томас.

— Вам часто снится Томас?

— Каждую ночь. Но только его казнь. Томас счастливый, живой не снится никогда.

Лукас говорит:

— А я всюду вижу своего брата. Он в моей комнате, в саду, он идет рядом со мной по улице. Он разговаривает со мной.

— Что он говорит?

— Он говорит, что смертельно одинок.

Лукас засыпает, обнимая Клару. Глубокой ночью он снова входит в нее, осторожно, медленно, нежно, как в сновидении.

Отныне Лукас проводит каждую ночь у Клары.

Зима в этом году очень холодная. Пять месяцев подряд не видно солнца. Ледяной туман, стоит над пустынным городом, земля обледенела, река замерзла.

В кухне Бабушкиного дома постоянно горит огонь. Дрова быстро подходят к концу. Каждый день Лукас приносит из леса дрова и складывает их сушиться возле плиты.

Дверь кухни приоткрыта, чтобы прогревалась комната Ясмینی и мальчика. Комната Лукаса не обогревается.

Когда Ясмінa шьет или вяжет у себя в комнате, Лукас садится с мальчиком на большой ковер, который Ясмінa сшила из кусков ткани, чтобы устлать пол кухни, и они играют с кошкой и собакой. Они рассматривают книжки с картинками, рисуют. Лукас на счетах учит Матиаса считать.

Ясмінa готовит ужин. Они сидят втроем на угловой скамье в кухне. Они едят картошку, фасоль или капусту. Мальчику не нравится такая еда, он ест мало. Лукас мажет ему булку вареньем.

После ужина Ясмінa моет посуду, Лукас относит мальчика в комнату, раздевает его, укладывает в постель, рассказывает ему сказку. Когда мальчик засыпает, Лукас уходит к Кларе, на другой конец города.

На Вокзальной улице цветут каштаны. Их белые лепестки так густо усеивают землю, что Лукас даже не слышит звука своих шагов. Он возвращается от Клары, стоит глубокая ночь.

Мальчик сидит на угловой скамье в кухне. Лукас говорит:

— Сейчас только пять часов утра. Почему ты так рано встал?

Мальчик спрашивает:

— Где Ясмина?

— Она уехала в Большой Город. Ей здесь было скучно.

Черные глаза мальчика становятся совсем круглыми:

— Уехала? Без меня?

Лукас отворачивается, разжигает огонь в плите. Мальчик спрашивает:

— Она вернется?

— Думаю, что нет.

Лукас наливает в кастрюлю козье молоко и ставит на огонь.

Мальчик спрашивает:

— Почему она меня не взяла? Она обещала, что возьмет меня с собой.

Лукас говорит:

— Она подумала, что тебе будет лучше со мной, я тоже так думаю.

Мальчик говорит:

— Мне с тобой не лучше. Мне лучше где угодно, но с ней.

Лукас говорит:

— В больших городах ничего хорошего для ребенка нет. Там нет ни сада, ни домашних животных.

Мальчик говорит:

— Зато там моя мама.

Он смотрит в окно. Когда он оборачивается, его маленькое личико искажено болью.

— Она меня не любит, потому что я калека. Вот поэтому она меня здесь оставила.

— Это не так, Матиас. Она тебя очень любит. Ты прекрасно это знаешь.

— Тогда она за мной вернется.

Мальчик отодвигает чашку, тарелку и выходит из кухни. Лукас идет поливать огород. Солнце встает.

Под деревом спит собака, мальчик идет к ней с палкой в руке. Лукас следит за мальчиком. Мальчик поднимает палку и бьет собаку. Собака с воем бежит прочь. Мальчик смотрит на Лукаса.

— Не люблю животных. И сад не люблю.

Мальчик бьет палкой по салату, по помидорам, по тыквам, по фасоли, по цветам. Лукас, ничего не говоря, смотрит, что он делает.

Мальчик возвращается в дом, ложится на кровать Ясины. Лукас идет за ним и садится рядом.

— Тебе так плохо со мной? Почему?

Мальчик смотрит в потолок:

— Потому что я тебя ненавижу.

— Ненавидишь?

— Да, я тебя с самого начала ненавижу.

— Я не знал. А скажи, пожалуйста, почему?

— Потому что ты большой и красивый, потому что я думал, Ясмина тебя любит. Но раз она уехала, значит, она тебя тоже не любила. Я хочу, чтоб тебе было так же плохо, как мне.

Лукас обхватывает голову руками. Мальчик спрашивает:

— Ты плачешь?

— Нет, я не плачу.

— Но тебе грустно из-за Ясины?

— Нет, не из-за Ясины. Мне грустно из-за тебя, из-за твоего горя.

— Правда? Из-за меня? Так и надо. Он улыбается.

— А ведь я только маленький калека, а Ясмина красавица.

Помолчав, мальчик спрашивает:

— А твоя мама где?

— Она умерла.

— Она была старая и от этого умерла?

— Нет. Она умерла из-за войны. Ее и ее ребенка — то есть мою младшую сестру — убило снарядом.

— Где они теперь?

— Мертвые нигде и везде.

Мальчик говорит:

— Они на чердаке. Я их видел. Большие кости и маленькие кости.

Лукас спрашивает шепотом:

— Ты был на чердаке? Как ты туда попал?

— Вскрабкался. Это легко. Я тебе покажу, как.

Лукас молчит. Мальчик говорит:

— Не бойся, я никому не скажу. Я не хочу, чтоб их у нас забрали. Я их

люблю.

— Любишь?

— Да. Особенно ребеночка. Он еще уродливей и меньше меня. И он никогда не вырастет. Я не знал, что это девчонка. Когда одни кости, про такое узнать трудно.

— Это называется скелет.

— Да, скелеты. Я их еще видел в большой книге на самом верху твоего шкафа.

Лукас и мальчик в саду. Из двери чердака точно до высоты руки Лукаса свисает веревка. Он говорит мальчику:

— Покажи, как ты залезаешь.

Мальчик подтаскивает садовую скамейку, которая стоит неподалеку под окном комнаты Лукаса. Он влезает на скамейку, прыгает, хватая веревку, тормозит ногой о стену и, помогая себе руками и ногами, поднимается до двери чердака. Лукас поднимается за ним. Они садятся на соломенную циновку и смотрят на привязанные к балке скелеты.

Мальчик спрашивает:

— А куда ты дел скелет твоего брата?

— Кто тебе сказал, что у меня есть брат?

— Никто. Я слышал, как ты с ним разговариваешь. Ты с ним говоришь, он нигде и везде, значит, он тоже умер.

Лукас говорит:

— Нет, он не умер. Он уехал в другую страну. Он вернется.

— Как Ясмина. Она тоже вернется.

— Да, и мой брат, и твоя мама вернутся.

Мальчик говорит:

— Это единственная разница между мертвыми и уехавшими, да? Те, кто не умер, вернутся.

— Точно неизвестно.

Мальчик немного молчит, потом спрашивает:

— А что с тобой было, когда уехал твой брат?

— Я не знал, как мне дальше жить без него.

— А теперь знаешь?

— Да. С тех пор как здесь появился ты — знаю.

Мальчик открывает сундук.

— Что это за толстые тетради в сундуке?

Лукас закрывает сундук:

— Ничего. Господи! К счастью, ты еще не умеешь читать.

Мальчик смеется.

— Ошибаешься. Печатные буквы я уже умею читать. Смотри.

Он снова открывает сундук и достает из него старую Бабушкину Библию. Он читает слова и целые предложения.

Лукас спрашивает:

— Как ты научился читать?

— По книгам конечно. По моим и по твоим.

— Тебя Ясмина научила?

— Нет, я сам. Ясмина не любит читать. Она сказала, что я никогда не пойду в школу. Но я ведь скоро пойду в школу, правда, Лукас?

Лукас говорит:

— Я могу научить тебя всему, что нужно.

Мальчик говорит:

— С шести лет посещение школы обязательно.

— Но не для тебя. Можно получить освобождение.

— Потому что я калека, да? Не нужно мне твоего освобождения. Я хочу ходить в школу, как все дети.

Лукас говорит:

— Если хочешь, будешь ходить в школу. Но почему ты так хочешь?

— Потому что я знаю, что в школе я буду самым сильным и самым умным.

Лукас смеется:

— И конечно, самым хвастливым. Я сам всегда терпеть не мог школу. Я изображал глухого, чтобы не надо было туда ходить.

— Ты так поступал?

— Да. Слушай, Матиас. Ты можешь залезать сюда, когда хочешь. Ты можешь заходить ко мне в комнату, даже когда меня нет дома. Ты можешь читать Библию, словарь, если хочешь, хоть всю энциклопедию целиком. Но тетради ты читать не будешь, черт тебя подери. — Он добавляет: — Бабушка тоже нам говорила: «черт вас подери».

— Кого это «вас»? Тебя и еще кого? Тебя с братом?

— Да. Меня с братом.

Они спускаются с чердака и идут в кухню. Лукас готовит еду. Мальчик спрашивает:

— А кто теперь будет мыть посуду, стирать, шить?

— Мы с тобой. Оба. Вместе.

Они едят. Лукас перегибается за подоконник, его рвет. Он оборачивается, по лицу его течет пот, он теряет сознание и падает на пол кухни.

Мальчик кричит:

— Не надо, Лукас, нет!

Лукас открывает глаза:

— Не кричи, Матиас. Помоги мне встать.

Мальчик тянет его за руку, Лукас цепляется за стол. Шатаясь, он выходит из кухни и садится на садовую скамейку. Мальчик застывает перед ним и смотрит на него:

— Что с тобой, Лукас? Ты на минутку умер!

— Нет, просто мне стало нехорошо от жары.

Мальчик спрашивает:

— Ничего, что она уехала, правда? Это ведь совсем не страшно, да? Ты ведь от этого не умрешь?

Лукас не отвечает, и мальчик садится возле него на землю, обнимает его ноги, кладет свою черноволосую кудрявую голову к нему на колени:

— Может, потом я стану твоим сыном.

Когда мальчик засыпает, Лукас поднимается на чердак. Он берет из сундука тетрадки, заворачивает их в кусок грубого холста и уходит в город. Он звонит в дверь Петера.

— Вы не могли бы подержать эти тетрадки у себя дома, Петер?

Он кладет сверток на стол гостинной. Петер спрашивает:

— Что это?

Лукас раздвигает холст:

— Это школьные тетрадки.

Петер качает головой:

— Виктор оказался прав. Вы пишете. Вы покупаете огромное количество бумаги и карандашей. Годами вы покупаете карандаши, листы бумаги в клетку и толстые школьные тетради. Вы пишете книгу?

— Нет, это не книга. Просто заметки.

Петер прикидывает тетради на вес:

— Заметки? Здесь с полдюжины толстых тетрадей!

— С годами накопилось. Хотя я много выбрасываю. Я оставляю только то, что абсолютно необходимо.

Петер спрашивает:

— Почему вы хотите их спрятать? Из-за полиции?

— Из-за полиции? Что вы! Из-за ребенка. Он начинает читать и всюду сует свой нос. Мне не хотелось бы, чтоб он прочел эти тетради.

Петер улыбается:

— И его матери тоже лучше их не читать, правда?

Лукас говорит:

— Ясмина с нами больше не живет. Она уехала. Она давно мечтала о

Городе. Я дал ей денег.

— Она оставила вам ребенка?

— Я настоял на том, чтоб он остался у меня.

Петер зажигает сигарету и молча смотрит на Лукаса.

Лукас спрашивает:

— Так можете вы или нет оставить эти тетради у себя?

— Конечно, да.

Петер заворачивает тетради, уносит их к себе в комнату. Вернувшись, он говорит:

— Я спрятал их под кроватью. Завтра я найду им место получше.

Лукас говорит:

— Спасибо, Петер. Петер смеется:

— Не надо меня благодарить. Меня интересуют ваши тетради.

— Вы собираетесь их прочесть?

— Конечно. Если бы вы хотели, чтоб я их не прочел, вы бы отнесли их к Кларе.

Лукас встает:

— Нет, только не к ней! Клара читает все, что можно прочесть. Но я мог бы оставить их у Виктора.

— Тогда я прочел бы их у Виктора. Он ни в чем мне не отказывает. Впрочем, он скоро уедет. Он возвращается в свой родной город, к сестре. Он собирается продать дом и книжный магазин. Лукас говорит:

— Верните мне тетради. Я зарюю их где-нибудь в лесу.

— Да, заройте. Или, еще лучше, сожгите. Так наверняка их никто не прочтет.

Лукас говорит:

— Мне надо сохранить их. Для Клауса. Эти тетради предназначены для Клауса. Для него одного.

Петер включает радио. После долгих поисков находит тихую музыку:

— Сядьте, Лукас, и расскажите мне, кто такой Клаус?

— Мой брат.

— Я не знал, что у вас есть брат. Вы мне никогда о нем не говорили. Никто мне о нем не говорил, даже Виктор, который знает вас с детства.

Лукас говорит:

— Мой брат уже несколько лет живет за границей.

— Как он пересек границу? Считается, что ее перейти нельзя.

— Пересек и все. Помолчав, Петер спрашивает:

— Вы с ним поддерживаете переписку?

— Что вы понимаете под перепиской?

— То, что все под этим понимают. Он пишет вам? Вы ему пишете?
— Он не может посылать мне оттуда письма.
— Многие письма из-за границы доходят. Брат вам ни разу не писал с тех пор, как уехал? Он вам не дал свой адрес?

Лукас качает головой и сразу встает:

— Вы думаете, он умер, правда? Но Клаус не умер. Он жив и вернется назад.

— Да, Лукас. Ваш брат вернется. Что касается тетрадей, то я мог бы пообещать вам не читать их. Но вы бы мне не поверили.

— Вы правы. Я бы вам не поверил. Я знал, что вы не сможете удержаться и прочтете их. Читайте. Лучше, чтоб это были вы, чем Клара или кто-нибудь другой.

Петер говорит:

— Вот еще одна вещь, которой я не понимаю: ваших отношений с Кларой. Она гораздо старше вас.

— Возраст не важен. Я ее любовник. Это все, что вы хотели узнать?

— Нет, не все. Это я уже знал. Но любите ли вы ее?

Лукас открывает дверь:

— Мне неизвестно значение этого слова. Никто его не знает. Я не ожидал от вас подобных вопросов.

— Однако вам не раз еще придется услышать подобные вопросы. И иногда вы будете вынуждены на них отвечать.

— А вы, Петер? Вам тоже когда-нибудь придется отвечать на вопросы. Я несколько раз присутствовал на ваших политических собраниях. Вы произносите речи, зал вам аплодирует. Верите ли вы искренне в то, что вы говорите?

— Я обязан в это верить.

— Но в глубине души — что вы об этом думаете?

— Я не думаю. Такой роскоши я себе позволить не могу. Страх живет во мне с детства.

Клара стоит у окна и смотрит на погруженный в темноту сад. Она не оборачивается, когда Лукас входит в комнату. Она говорит:

— Лето ужасно. Летом смерть ближе всего. Все сохнет, задыхается, застывает в неподвижности. Уже прошло четыре года, как они убили Томаса. Это было в августе, ранним утром, на рассвете. Они его повесили. Неприятно то, что каждое лето они снова это проделывают. На рассвете, когда вы уходите к себе домой, я подхожу к окну и вижу их. Они начинают все сначала, хотя невозможно убить несколько раз одного и того же человека.

Лукас целует Клару в затылок:

— Что с вами, Клара? Что с вами сегодня?

— Сегодня я получила письмо. Официальное уведомление. Оно лежит на моем письменном столе, вы можете его прочесть. Там написано, что Томас реабилитирован, что он был невиновен. Я никогда не сомневалась в том, что он невиновен. Они пишут: «Ваш муж был невиновен, мы убили его по ошибке. Мы по ошибке убили несколько невинных людей, но теперь все будет в порядке, мы извиняемся и обещаем, что подобные ошибки больше не повторятся». Они сами убивают и сами реабилитируют. Они извиняются, но Томас умер! Разве они могут его воскресить? Разве они могут стереть ту ночь, когда мои волосы поседели, а сама я сошла с ума?

В ту летнюю ночь я была одна в нашей с Томасом квартире. Я жила там одна уже несколько месяцев. С тех пор как Томаса посадили в тюрьму, никто не хотел, не мог, не осмеливался меня навестить. Я уже привыкла к одиночеству, и не было ничего необычного в том, что я одна. Я не смогла заснуть, но в этом тоже не было ничего необычного. Необычно было то, что я в эту ночь не плакала. Накануне вечером по радио объявили о казни группы государственных преступников. Среди имен я ясно расслышала фамилию Томаса. В три часа ночи — время приведения приговора в исполнение — я посмотрела на часы. Я смотрела на них до семи часов утра, а потом пошла на работу, в большую библиотеку Столицы. Я села за свой письменный стол. Я выдавала книги в читальном зале. Мои сотрудницы одна за другой подходили ко мне, и я слышала их шепот: «Она пришла!», «Вы видели, какие у нее волосы?». Я ушла из библиотеки, до вечера ходила по улицам, заблудилась, я не знала, в каком районе города я оказалась, хотя я хорошо знала город. Я вернулась домой на такси. В три часа ночи я посмотрела в окно и увидела их: они вешали Томаса на фасаде противоположного дома. Я закричала. Пришли соседи. Меня на «скорой помощи» отвезли в больницу. А теперь они говорят, что это просто ошибка. Убийство Томаса, моя болезнь, месяцы, проведенные в больнице, мои седые волосы — все это просто ошибка. Тогда пусть они вернут мне Томаса — живого и улыбающегося. Томаса, который обнимал меня, гладил меня по волосам, держал мое лицо в своих теплых ладонях, целовал мне глаза, уши, рот.

Лукас берет Клару за плечи и поворачивает к себе лицом:

— Когда вы перестанете говорить мне о Томасе?

— Никогда. Никогда я не перестану говорить о Томасе. А вы? Когда вы начнете говорить со мной о Ясмине?

Лукас говорит:

— О ней нечего говорить. Тем более что теперь она с нами не живет.
Клара бьет Лукаса по лицу, царапает ему щеки, шею, плечи. Она кричит:

— Не с вами? Где она? Что вы с ней сделали?

Лукас тащит Клару к кровати, ложится на нее:

— Успокойтесь. Ясмина уехала в город. Вот и все.

Клара крепко вцепляется в Лукаса:

— Они отберут тебя у меня так же, как они отобрали у меня Томаса.
Они посадят тебя в тюрьму, повесят

— Нет, со всем этим покончено. Забудьте про Томаса, про тюрьму и про веревку.

На рассвете Лукас поднимается:

— Мне пора домой. Мальчик рано просыпается.

— Ясмина оставила здесь своего ребенка?

— Мальчик калека. Что бы она с ним делала в городе?

Клара повторяет:

— Как она могла его оставить?

Лукас говорит:

— Она хотела взять его с собой. Я ей не разрешил.

— Не разрешили? По какому праву? Это ее мальчик. Он принадлежит ей.

Клара смотрит, как Лукас одевается. Она говорит:

— Ясмина уехала потому, что вы ее не любили.

— Я помог ей в трудную минуту. Я ничего ей не обещал.

— Мне вы тоже ничего не обещали.

Лукас идет домой готовить для Матиаса завтрак.

Лукас входит в книжный магазин, Виктор спрашивает у него:

— Вам нужна бумага и карандаши, Лукас?

— Нет. Я хотел бы с вами поговорить. Петер сказал мне, что вы собираетесь продать дом вместе с магазином.

Виктор вздыхает:

— В наше время ни у кого нет столько денег, чтобы купить дом с магазином.

Лукас говорит:

— Я хотел бы купить их у вас.

— Вы, Лукас? А на какие деньги, милый мой?

— Я продам Бабушкин дом. Армия предлагает мне за него большие деньги.

— Боюсь, что этого недостаточно, Лукас.

— Мне принадлежит также большой участок земли. И еще некоторая собственность. Очень ценные вещи, оставшиеся мне от Бабушки.

Виктор говорит:

— Зайдите ко мне сегодня вечером домой. Я оставлю дверь открытой.

Вечером Лукас поднимается по маленькой темной лестнице, ведущей в квартиру над книжным магазином. Он стучит в дверь, из-под которой выбивается полоса света.

Виктор кричит:

— Входите, Лукас!

Лукас входит в комнату, где, несмотря на открытое окно, плавает густое облако дыма от многочисленных сигарет. Потолок покрыт грязным коричневатым налетом, тюлевые занавески пожелтели. Комната заставлена старой мебелью, диванами, банкетками, столиками, лампами, безделушками. На стенах — картины, гравюры, на полу слоями лежат истершиеся ковры.

Виктор сидит у окна за столом, покрытым красной плюшевой скатертью. На столе коробки сигар и сигарет, разнообразные пепельницы, полные окурков, соседствуют с рюмками и графином, наполовину полным желтоватой жидкостью.

— Подойдите, Лукас. Сядьте и возьмите себе рюмку.

Лукас садится, Виктор наливает ему, осушает свой собственный стакан, снова наполняет:

— Я хотел бы предложить вам водки получше, например, той, что привезла мне сестра, когда приезжала навестить меня, но, к сожалению, ничего не осталось. Сестра приезжала ко мне в июле, было очень жарко, помните. Я не люблю жару, не люблю лето. Дождливое, прохладное лето — да, но от зноя я положительно заболеваю.

Приехав, сестра привезла мне литр абрикосовой водки, которую обычно пьют в нашей местности. Сестра, видимо, думала, что этой бутылки хватит на весь год или по крайней мере до Рождества. На самом деле в первый вечер я уже выпил половину. Мне было стыдно, и я сначала спрятал бутылку, потом пошел и купил бутылку посредственной водки — другой в магазинах не найдешь; наполнил ею бутылку сестры и выставил ее на видном месте, на том серванте, который перед вами.

Так я пил каждый вечер плохую абрикосовую водку, а сестра была спокойна, потому что на видном месте стояла ее собственная бутылка, уровень жидкости в которой почти не убывал. Раз или два, чтобы было естественнее, я наливал себе маленькую рюмочку этой водки и делал вид, что смакую ее, хотя качество ее уже было хуже.

Я с нетерпением ждал, когда уедет сестра. Она не мешала мне, напротив. Она готовила мне еду, штопала носки, чинила одежду, мыла кухню, наводила везде порядок. Она была мне полезна, более того, мы приятно беседовали после закрытия магазина за приятным вкусным ужином. Она спала в маленькой комнате, здесь, рядом. Она ложилась рано, вела себя тихо. Я целую ночь мог спокойно ходить из угла в угол комнаты или кухни, или коридора.

Знайте, Лукас, что сестру я люблю больше всех на свете. Наши родители умерли, когда мы были молоды, особенно я. Я тогда был совсем ребенком. Сестра — немного постарше, на пять лет. Мы жили у дальних родственников, у дядей, у тетей, но я уверяю вас, по-настоящему воспитала меня именно моя сестра.

Моя любовь к ней с годами не уменьшалась. Вам никогда не представить себе ту радость, которую я испытал, когда увидел, как она сходит с поезда. Я не видел ее двенадцать лет. Были годы войны, бедности, приграничная зона. Например, когда она смогла накопить немного денег на поездку, ей не дали пропуск в зону, и так далее. У меня же всегда было мало наличных денег, и я не могу закрыть книжный магазин, когда вздумается. Она тоже не может вдруг бросить своих клиенток. Она портниха, а женщинам, даже в тяжелые времена, нужна портниха. Особенно в такие времена, когда они не могут купить себе новые платья. Женщины заставляли мою сестру делать невероятные вещи в тяжелые времена. Превратить брюки покойного мужа в короткую юбку, его рубашку — в блузку, а для детской одежды годился любой обрезок материи.

Когда у сестры наконец была нужная сумма денег, необходимые бумаги и документы, она сообщила мне письмом о своем приезде.

Виктор встает, смотрит в окно:

— Еще ведь нет десяти?

Лукас говорит:

— Еще нет.

Виктор садится, наливает рюмку, зажигает сигару:

— Я ждал сестру на вокзале. Впервые я встречал кого-то на вокзале. Я решил встречать, если нужно, несколько поездов, один за другим. Сестра приехала только с последним. Она была в дороге весь день. Конечно, я ее сразу же узнал, но она так не походила на тот образ, который я хранил в своих воспоминаниях!

Она стала совсем маленькой. Она всегда была хрупкой, но не настолько. Лицо ее, надо сказать, довольно невыразительное, теперь усеивали сотни крошечных морщинок. Словом, она сильно состарилась.

Конечно, я ей ничего не сказал, свои замечания я оставил при себе, она же, наоборот, стала плакать и говорить: «Ой, Виктор! Как ты изменился! Я тебя едва узнала. Ты растолстел, полысел и выглядишь ужасно неряшливо».

Я взял ее чемоданы. Тяжелые чемоданы были наполнены вареньем, колбасой, абрикосовой водкой. Она все это выложила на кухне. Она даже привезла фасоль со своего огорода. Я сразу же попробовал водки. Пока она готовила фасоль, я выпил четверть бутылки. Убрав посуду, она пришла ко мне в комнату. Окна были открыты настежь, было очень жарко. Я продолжал пить, я без конца ходил к окну, курил сигары. Сестра рассказывала о придирчивых клиентках, о своей одинокой и трудной жизни, я слушал ее, курил сигары и пил водку.

В десять часов зажглось окно напротив. Появился седой человек. Он что-то жевал. Он всегда ест в это время. В десять часов вечера он садится к окну и начинает есть. Сестра продолжала говорить. Я показал ей ее комнату и сказал: «Должно быть, ты устала. Ты долго была в пути. Отдохни». Она расцеловала меня в обе щеки, ушла в маленькую соседнюю комнату, легла и, кажется, заснула. Я продолжал пить и ходить из угла в угол комнаты, куря сигары. Время от времени я смотрел в окно и видел седого человека, опирающегося на подоконник. Я слышал, как он спрашивает у редких прохожих: «Который час? Вы не скажете, который час?» Кто-то с улицы ответил ему: «Двадцать минут двенадцатого».

Я плохо спал. Мне мешало безмолвное присутствие сестры в соседней комнате. Утром — дело было в воскресенье — я снова услышал, как полуночник спрашивает время и кто-то ему отвечает: «Без четверти семь». Потом, когда я встал, моя сестра возилась на кухне, а противоположное окно было закрыто.

Что вы об этом думаете, Лукас? Ко мне только что приехала сестра, которую я не видел двенадцать лет, а я не могу дождаться, пока она ляжет спать, чтобы можно было спокойно наблюдать за полуночником из дома напротив, потому что на самом деле это единственный человек, который меня интересуется, хотя я больше всех люблю свою сестру.

Вы ничего не говорите, Лукас, но я знаю, что вы думаете. Вы думаете, я сошел с ума, и вы правы. Я не могу думать ни о чем, кроме этого старика, открывающего окно в десять часов вечера и закрывающего его в семь часов утра. Он проводит всю ночь у окна. Не знаю, что он делает потом. Спит ли он или, может быть, у него есть еще одна комната или кухня, где он проводит день? Я никогда не вижу его на улице, никогда не вижу его днем. Я не знаком с ним и никогда никого о нем не спрашивал. Вы первый, кому я о нем рассказал. О чем он думает целую ночь, сидя у подоконника? Как это

узнать? После полуночи улица совершенно пуста. Он даже не может спросить у прохожих время. Это можно сделать только ближе к шести-семи часам утра. Действительно ли ему так надо знать время, возможно ли, чтоб у него не было ни часов, ни будильника? Тогда как же он может появляться у окна ровно в десять? Вот сколько вопросов возникает у меня на его счет.

Однажды вечером, когда сестра уже ушла спать, полуночник заговорил со мной. Я стоял у окна и смотрел в небо, пытаюсь различить на нем грозовые облака, которые нам обещали несколько дней подряд. Старик заговорил со мной через улицу. Он сказал: «Звезд не видно. Приближается гроза». Я ему не ответил. Я стал смотреть в другую сторону, влево, вправо, на улицу. Я не хотел сближаться с ним. Я его не замечал.

Я сел в углу своей комнаты, где он не мог меня видеть. Теперь я осознаю, что если я останусь здесь, то буду только пить, курить и наблюдать и окно за полуночником, а потом сам превращусь и полуночника.

Виктор смотрит в окно и со вздохом опускается в кресло.

— Он там. Стоит и наблюдает за мной. Ждет случая начать со мной разговор. Но я не дам ему такого повода, зря старается, ничего у него не получится.

Лукас говорит:

— Успокойтесь, Виктор. Может быть, это всего-навсего вышедший на пенсию ночной сторож, привыкший спать днем.

Виктор говорит:

— Ночной сторож? Может быть. Не важно. Если я здесь останусь, он меня погубит. Я уже наполовину сошел с ума. На это обратила внимание моя сестра. Перед тем как войти в свой вагон, она сказала: «Я слишком стара, чтобы еще раз предпринять это длинное и утомительное путешествие. Нам надо принять какое-то решение, Виктор, иначе, боюсь, мы больше не увидимся». Я спросил: «Какое решение?» Она сказала: «Твое дело идет плохо, мне это совершенно ясно. Ты целый день сидишь в магазине, и ни один покупатель не является. Ночью ты ходишь взад-вперед по квартире, а утром ты совершенно измотан. Ты слишком много пьешь, ты выпил половину водки, которую я привезла. Если ты так будешь продолжать дальше, то станешь алкоголиком».

Я, конечно, не стал говорить ей о том, что за время ее пребывания я выпил еще шесть бутылок водки сверх тех бутылок вина, которые мы каждый раз открывали к столу. И я, естественно, не рассказал ей о полуночнике. Она снова заговорила: «Ты плохо выглядишь. У тебя мешки под глазами, ты бледный и почти тучный. Ты ешь слишком много мяса, ты

мало двигаешься, никогда не гуляешь и ведешь нездоровый образ жизни». Я сказал:

«Не беспокойся обо мне. Я прекрасно себя чувствую». Я зажег сигару. Поезд все не прибывал. Сестра с отвращением повернулась в сторону: «Ты слишком много куришь. Ты куришь без остановки».

Я, конечно, ничего не сказал ей о том, что врачи нашли у меня два года назад артериальное заболевание, вызванное табаком. У меня непроходимость в левой подвздошной артерии, кровообращение нарушено полностью или частично в левой ноге; я чувствую боли в бедре и в лодыжке, большой палец на левой ноге потерял чувствительность. Врачи предписали мне лекарства, но улучшения не будет, пока я не брошу курить и не буду делать упражнения. Но мне совершенно не хочется бросать курить. Впрочем, у меня вовсе нет воли. Невозможно требовать от алкоголика, чтобы у него была воля. Значит, чтобы мне бросить курить, мне нужно сначала бросить пить.

Иногда мне приходит в голову мысль, что надо бы бросить курить, и тут же зажигаю сигару или сигарету и, продолжая курить, думаю о том, что если не бросить курить, то скоро наступит полная остановка кровообращения в левой ноге, что приведет к гангрене, а гангрена приведет к ампутации стопы или ноги целиком.

Чтобы не беспокоить сестру, я ничего ей об этом не говорил, но она очень волновалась. Поднимаясь в вагон, она расцеловала меня в обе щеки и сказала: «Продай книжный магазин и переезжай ко мне в провинцию. Мы будем жить скромно в доме, где прошло наше детство. Мы будем гулять по лесу, я возьму на себя все домашние заботы, ты бросишь пить и курить и сможешь написать свою книгу».

Поезд ушел, я вернулся домой, налил себе рюмку водки и стал раздумывать, о какой книге она говорила.

В тот вечер я принял снотворное вдобавок к своим обычным лекарствам для улучшения кровообращения и выпил всю водку, остававшуюся в бутылке сестры, то есть почти пол-литра. Несмотря на принятое снотворное, на завтра утром я проснулся очень рано, левая нога абсолютно потеряла чувствительность. У меня выступил пот, сердце резко колотилось, руки дрожали, меня охватил отвратительный страх и растерянность. Я посмотрел на будильник, он стоял. Я дополз до окна, старик из дома напротив был еще у окна. Я спросил его через всю пустынную улицу: «Вы не скажете, который час, у меня остановились часы?» Он обернулся, как будто посмотрел на стенные часы, а потом ответил: «Половина седьмого». Я хотел одеться, но одежда была на мне. Я

заснул, не сняв одежды и ботинок. Я спустился на улицу, дошел до ближайшей бакалейной лавки. Она еще не открылась. Я стал ждать, вышагивая взад-вперед по улице. Пришел заведующий, открыл лавочку и обслужил меня. Я взял бутылку какой-то водки, вернулся к себе, выпил несколько рюмок, страх прошел, человек из дома напротив закрыл окно.

Я спустился в книжный магазин, сел к прилавку. Посетителей не было ни одного. Было еще лето, школьные каникулы, и никому не нужны были книги или что-нибудь другое. Я сидел, смотрел на полки с книгами и вдруг вспомнил про мою книгу, про ту, о которой говорила моя сестра, о той книге, которую я собирался написать в юности. Я хотел стать писателем, писать книги, эта была мечта моей молодости, мы часто это обсуждали с сестрой. Она верила в меня, я тоже верил в свои силы, но со временем все меньше и меньше, и в конце концов я совершенно забыл об этой своей мечте сочинять книги.

Мне всего лишь пятьдесят. Если я брошу курить и пить, или, вернее, пить и курить, я еще смогу написать книгу. Несколько книг не напишу, но одну — может быть. Я убежден, Лукас, что всякое человеческое существо рождается, чтобы написать книгу, и ни для чего другого. Не важно, гениальную или посредственную, но тот, кто ничего не напишет, — пропащий человек, он лишь прошел по земле, не оставив следа.

Если я останусь здесь, я никогда не напишу книгу. Единственная моя надежда — продать дом и книжный магазин и переехать к сестре. Она не даст мне пить и курить, мы будем вести здоровый образ жизни, она будет заниматься хозяйством, а мне не останется ничего другого, как писать книгу, раз уж я избавлюсь от пьянства и табака. Вы сами пишете книгу, Лукас. О ком, о чем, я не знаю. Но вы пишете. Вы с детства постоянно покупаете писчую бумагу, карандаши, тетради.

Лукас говорит:

— Вы правы, Виктор. Писать — это самое важное. Назначьте цену, я покупаю дом и книжный магазин. Мы оформим все за несколько недель.

Виктор спрашивает:

— А те ценные вещи, о которых вы говорили, что они собой представляют?

— Золотые и серебряные монеты. Драгоценности.

Виктор улыбается.

— Вы хотите осмотреть дом?

— В этом нет необходимости. Если будет надо, я произведу перепланировку. Этих двух комнат нам хватит.

— Если мне не изменяет память, вас было трое.

— Теперь нас осталось двое. Мать мальчика уехала.

Лукас говорит мальчику:

— Скоро мы переедем. Будем жить в городе, на Главной Площади. Я купил книжный магазин.

Мальчик говорит:

— Это хорошо. Я буду ближе к школе. Только как нас сможет найти Ясмينا, когда она вернется?

— Город маленький, она легко найдет.

Мальчик спрашивает:

— У нас больше не будет ни животных, ни сада?

— У нас будет маленький садик. Мы оставим собаку и кошку, и еще несколько кур, чтоб были яйца. Остальных животных продадим Иозефу.

— Где я буду спать? Там же нет Бабушкиной комнаты.

— Ты будешь спать в маленькой комнате рядом с моей. Мы будем совсем рядом.

— Если не будет ни животных, ни того, что давал сад и огород, чем мы будем жить?

— Будем работать в книжном магазине. Я стану продавать карандаши, книги, бумагу. Ты сможешь мне помогать.

— Да, я буду тебе помогать. Когда мы переезжаем?

— Завтра. Иозеф придет за нами с тележкой.

Лукас и мальчик переезжают в дом Виктора.

Лукас ремонтирует комнаты, они становятся светлыми и чистыми. Рядом с кухней, в бывшей кладовке, Лукас оборудует ванную. Мальчик спрашивает:

— Можно скелеты будут у меня в комнате?

— Это невозможно. Вдруг кто-нибудь к тебе войдет.

— Никто ко мне не войдет. Кроме Ясмины, когда она вернется.

Лукас говорит:

— Хорошо. Скелеты будут у тебя в комнате. Но мы все-таки спрячем их за занавеской.

Лукас и мальчик приводят в порядок заброшенный сад Виктора. Мальчик показывает на одно дерево:

— Посмотри, Лукас, это дерево совсем черное.

Лукас говорит:

— Оно мертвое. Надо будет его спилить. С других деревьев тоже опали листья, но это дерево умерло.

Посреди ночи мальчик внезапно просыпается, бежит в комнату Лукаса,

забирается к нему в кровать, а если Лукаса нет, ждет его, чтобы рассказать, какие ему приснились страшные сны. Лукас ложится рядом, прижимает к себе худенькое тельце мальчика, пока дрожь не стихает.

Мальчик рассказывает свои страшные сны, все время одни и те же, они регулярно повторяются и мучают его по ночам.

Один из этих снов про реку. Мальчик лежит на воде и плывет по течению, глядя на звезды. Мальчик счастлив, но что-то медленно приближается к нему, что-то страшное, и вдруг все взрывается, кричит, воем и ослепляет.

Второй сон — про тигра, который лежит рядом с кроватью мальчика. Кажется, что тигр спит, на вид он добрый и ласковый, и мальчику ужасно хочется его погладить. Мальчику страшно, но желание погладить тигра все сильнее, и мальчик больше не может удержаться. Его пальцы касаются шелковистой шерсти тигра, и тигр одним ударом лапы отрывает ему руку.

Третий сон — про пустынный остров. Мальчик играет на нем со своей тачкой. Он нагружает ее песком, перевозит песок в другое место, высыпает его из тачки, идет дальше, наполняет тачку, снова высыпает песок и так далее; это продолжается долго, и вдруг становится темно, холодно, нигде никого нет, только звезды светятся в бесконечной пустоте.

Другой сон: мальчик хочет вернуться в дом Бабушки, он идет по улицам, но не узнает улицы города, он теряется, на улице никого нет, дома нет в том месте, где он должен стоять, все не на своих местах; Ясмина плачет и зовет его, мальчик не знает, по какой улице, по каким дорожкам надо пойти, чтобы с ней встретиться.

Самый страшный сон — про черное, засохшее дерево в саду. Мальчик смотрит на дерево, и дерево протягивает свои голые ветви к мальчику. Дерево говорит: «Сейчас я только мертвое дерево, но я люблю тебя так же, как при жизни. Иди ко мне, малыш, дай мне обнять тебя». Дерево говорит голосом Ясины, мальчик подходит, черные сухие ветки обхватывают его и душат.

Лукас срубает мертвое дерево, распиливает его на куски и сжигает в саду. Когда огонь погас, мальчик говорит:

— Теперь от нее осталась только кучка пепла.

Он уходит в свою комнату. Лукас открывает бутылку водки. Пьет. Он чувствует тошноту. Возвращается в сад, его рвет. Над черными углями еще вьется белый дымок, но начинают падать крупные капли дождя, и ливень завершает работу огня.

Позже мальчик находит Лукаса лежащим в мокрой траве, в грязи. Он трясет его:

— Вставай, Лукас. Нужно идти домой. Идет дождь. Темно. Холодно.
Ты можешь идти?

Лукас говорит:

— Оставь меня здесь. Возвращайся. Завтра все будет хорошо.

Мальчик садится рядом с Лукасом, он ждет.

Светает, Лукас открывает глаза:

— Что случилось, Матиас?

Мальчик отвечает:

— Просто снова приснился страшный сон.

Полуночник по-прежнему появляется у окна каждый вечер в десять часов. Мальчик уже лежит в постели, Лукас выходит из дома, полуночник спрашивает у него время, Лукас отвечает, потом идет к Кларе. На рассвете, когда он возвращается, полуночник снова спрашивает у него, который час, Лукас отвечает и идет спать. Через несколько часов свет в комнате полуночника гаснет, и все окно занимает стая голубей.

Однажды утром, когда Лукас возвращается домой, полуночник подзывает его. Лукас говорит:

— Сейчас пять часов.

— Я знаю. Меня не интересует время. Это просто способ заговорить с людьми. Я просто хотел вам сказать, что мальчик очень беспокойно провел эту ночь. Он проснулся около двух, несколько раз ходил в вашу комнату, долго смотрел в окно. Он даже выходил на улицу, ходил к кафе, потом вернулся и, кажется, снова лег.

— Он часто так?

— Да, он часто просыпается. Почти каждую ночь. Но я впервые вижу, чтоб он выходил ночью из дома.

— Днем он тоже не выходит из дома.

— Мне кажется, он искал вас.

Лукас поднимается в квартиру, мальчик крепко спит у него на кровати. Лукас смотрит в окно, полуночник спрашивает:

— Все в порядке?

— Да. Он спит. А вы? Неужели вы никогда не спите?

— Мне иногда случается ненадолго задремать, но крепко не засыпаю никогда. Я уже восемь лет не сплю.

— Что вы делаете днем?

— Брожу. Когда чувствую, что устал, сажусь где-нибудь в парке. Лучшие часы дня я провожу в парке. Там я иногда на несколько минут засыпаю, сидя на скамейке. Хотите как-нибудь сходить туда со мной?

Лукас говорит:

— Если хотите, сходим сейчас.

— Договорились. Я только покормлю голубей и спущусь.

Они идут по пустынным улицам спящего города в направлении Бабушкиного дома. Полуночник останавливается возле нескольких

квадратных метров желтой травы, над которой раскинулись голые ветки двух старых деревьев.

— Вот мой парк. Единственное место, где я могу на минуту заснуть.

Старик садится на единственную скамью рядом с сухим фонтаном, покрытым мхом и ржавчиной. Лукас говорит:

— В городе есть более красивые парки.

— Но не для меня.

Он поднимает трость и показывает в сторону большого красивого здания:

— Мы с женой раньше здесь жили.

— Она умерла?

— Ее убили выстрелом из револьвера через три года после окончания войны. В десять часов вечера.

Лукас садится рядом со стариком:

— Я ее помню. Мы жили около границы. Возвращаясь из города, мы обычно останавливались тут попить воды и отдохнуть. Когда ваша жена замечала нас из окна, она спускалась и выносила нам большие куски картофельного сахара. С тех пор я его ни разу не ел. Еще я помню ее улыбку, ее акцент, я помню, как ее убили. Об этом говорил весь город.

— И что говорили?

— Говорили, что ее убили, чтобы национализировать принадлежащие ей три ткацкие фабрики.

Старик говорит:

— Эти фабрики она унаследовала от отца. Я там работал инженером. Я женился на ней, и она осталась здесь, она очень любила этот город. Но она все-таки оставила свое подданство, и им пришлось ее убить. Это был единственный выход. ОНИ убили ее в нашей спальне. Я услышал выстрелы из ванной. Убийца вошел и вышел через балкон. Пули попали ей в голову, в грудь и в живот. Расследование пришло к выводу, что это какой-то озлобленный рабочий совершил убийство из мести, а потом пересек границу и скрылся.

Лукас говорит:

— В то время границу перейти было уже невозможно, и ни у кого из рабочих не было револьвера.

Полуночник закрывает глаза, он молчит. Лукас спрашивает:

— Вы знаете, кто теперь живет в вашем доме?

— Там полно детей. Наш дом стал приютом. Но вам пора возвращаться домой, Лукас. Матиас скоро проснется, и вам надо открывать книжный магазин.

— Вы правы. Уже половина восьмого.

Иногда Лукас возвращается в парк поболтать с полуночником. Старик рассказывает о прошлом, о том, как счастливо он жил с женой:

— Она все время смеялась. Она была счастлива и беззаботна, как ребенок. Она любила фрукты, цветы, звезды, облака. На заре она выходила на балкон смотреть на небо. Она утверждала, что нигде на свете не бывает таких чудесных закатов, как в этом городе, ни в каком другом месте краски неба не бывают так ярки и прекрасны.

Он закрывает воспаленные и покрасневшие от бессонницы глаза. Потом продолжает изменившимся голосом:

— После ее убийства чиновники реквизируют ее дом и все, что в нем было: мебель, одежду, книги, драгоценности и платья моей жены. Они позволили мне унести с собой только один чемодан с частью моей одежды. Они посоветовали мне покинуть этот город. Я потерял место на заводе, у меня больше не было ни работы, ни дома, ни денег.

Я пошел к другу, к доктору, к тому самому, которого я вызывал в вечер убийства. Он дал мне денег на билет. Он сказал: «Никогда не возвращайся в этот город. Чудо, что они оставили тебя в живых».

Я сел в поезд и приехал в соседний город. Я сел в зале ожидания вокзала. У меня еще оставалось немного денег, чтобы ехать дальше, может быть, доехать до столицы. Но мне нечего было делать ни в столице, ни в каком другом городе. Я купил в кассе билет и вернулся сюда. Я постучал в дверь скромного дома напротив книжного магазина. Я знал всех рабочих и работниц наших фабрик. Я знал женщину, которая открыла мне дверь. Она ни о чем меня не спросила, она сказала, чтобы я вошел, отвела в комнату: «Вы можете оставаться здесь сколько угодно, сударь».

Это была пожилая женщина, она потеряла мужа, двух сыновей и дочь во время войны. Ее дочери было всего семнадцать лет. Она погибла на фронте, куда ушла медсестрой после несчастного случая, который ее обезобразил. Моя хозяйка никогда об этом не говорит, она вообще почти ни о чем не говорит. Она не беспокоит меня, и я живу в комнате, выходящей окнами на улицу, а сама хозяйка занимает другую комнату, поменьше, окнами в сад. Кухня тоже выходит в сад. Я могу заходить туда, когда хочу, на плите всегда стоит какая-нибудь теплая еда. Каждое утро у меня начищены ботинки, а рубашки выстираны, выглажены и висят на спинке стула перед моей дверью, в коридоре. Моя хозяйка никогда не входит ко мне в комнату, и я встречаю ее очень редко. У нас разный распорядок дня. Я не знаю, на что она живет. Видимо, на пособие вдовы военнослужащего

и на то, что дает огород.

Через несколько месяцев после того, как я у нее поселился, я пошел в бюро по трудоустройству и вызвался выполнять какую угодно работу. Чиновники отсылали меня из одного кабинета в другой, они боялись принять какое-то решение по моему вопросу, я был подозрителен из-за своего брака с иностранкой. В конце концов меня взял к себе помощником Петер, секретарь партии. Я был сторожем, мыл окна, уборные, убирал с улиц мусор, опавшие листья и снег. Благодаря Петеру теперь у меня, как у всех, есть право на пенсию. Я не стал просить милостыню и могу спокойно дожить жизнь в этом городе, где я родился и всегда жил.

Свою первую получку я вечером положил на стол кухни. Это была жалкая сумма, но для моей хозяйки — большие деньги, по ее мнению, слишком большие. Она оставила половину на столе, и так стало продолжаться дальше: я каждый месяц кладу пенсию рядом с ее тарелкой, а она оставляет ровно половину этой суммы рядом с моей тарелкой.

Из детского дома, кутаясь в большой платок, выходит женщина. Она худа и бледна, на ее угловатом лице горят огромные глаза. Она останавливается перед скамейкой, смотрит на Лукаса, улыбается и говорит старику:

— Я вижу, вы нашли друга.

— Да, друга. Позвольте представить вам Лукаса, Юдифь. У него книжный магазин на Главной улице. Юдифь — директор детского дома.

Лукас встает, Юдифь пожимает ему руку:

— Мне нужно купить книги для детей, но у меня слишком много работы, и денег выделяют слишком мало.

Лукас говорит:

— Я могу передать вам книги с Матиасом. Какого возраста у вас дети?

— От пяти до десяти лет. Кто такой Матиас?

Старик говорит:

— Лукас тоже заботится о сироте.

Лукас говорит:

— Матиас не сирота. Его мать уехала. Теперь он мой.

Юдифь улыбается:

— Мои дети тоже не все сироты. У большинства из них отец неизвестен, они были брошены матерями, которых изнасиловали или они стали проститутками.

Она садится рядом со стариком, кладет голову ему на плечо, закрывает глаза:

— Скоро придется топить. Если погода не улучшится, начнем топить с

понедельника.

Старик обнимает ее:

— Хорошо, Юдифь. В понедельник я приду в пять часов утра.

Лукас смотрит на мужчину и женщину, они сидят, тесно прижавшись друг к другу во влажном холоде осеннего утра, среди абсолютной тишины маленького заброшенного городка. Он делает несколько шагов, чтобы бесшумно удалиться, но Юдифь вздрагивает, открывает глаза и встает:

— Не уходите, Лукас. Скоро проснутся дети. Мне нужно приготовить им завтрак.

Она целует старика в лоб:

— До понедельника, Михаэль. До скорой встречи, Лукас, и заранее благодарю вас за книги.

Она возвращается в дом. Лукас снова садится:

— Она очень красива.

— Да, очень красива.

Полуночник смеется:

— Вначале она опасалась меня. Она видела, что я каждый день сижу здесь на скамейке. Может быть, она считала меня каким-нибудь извращенцем. Однажды она села со мной рядом и спросила, что я здесь делаю. Я ей обо всем рассказал. Это было в начале прошлой зимы. Она предложила мне помогать ей отапливать комнаты, она одна не справлялась с этим, у нее только одна шестнадцатилетняя помощница по кухне. В доме нет центрального отопления, в комнатах стоят дровяные печи, а комнат семь. Знали бы, какое счастье я испытал оттого, что смог снова войти в наш дом, в наши комнаты! И еще оттого, что смог помочь Юдифи. Этой женщине пришлось много вынести. Ее муж пропал во время войны, сама она была депортирована и дошла до самых ворот ада. Это не просто образное выражение. За этими воротами горел настоящий огонь, и его зажгли человеческие существа, чтобы сжигать тела других людей. Лукас говорит:

— Я знаю, о чем вы говорите. Я собственными глазами видел подобное в этом самом городе.

— Вы, должно быть, были тогда очень молоды.

— Я был совсем ребенком. Но я ничего не забыл.

— Вы забудете. Так устроена жизнь. Со временем все стирается. Воспоминания бледнеют, боль стихает. Я вспоминаю свою жену так, как вспоминают птицу или цветок. Она была чудом жизни в мире, где все казалось легким, простым и прекрасным. Вначале я приходил сюда из-за нее, теперь я прихожу из-за Юдифи, из-за той, которая осталась в живых.

Вам это может показаться смешным, Лукас, но я влюблен в Юдифь. В ее силу, в ее доброту, в ее нежность к этим чужим детям.

Лукас говорит:

— Мне вовсе не кажется, что это смешно.

— В моем возрасте?

— Возраст — только деталь. Важно главное. Вы любите ее, и она вас тоже любит.

— Она ждет возвращения мужа.

— Многие женщины ждут или оплакивают своих пропавших или погибших мужей. Но вы сами только что сказали: «Боль стихает, воспоминания бледнеют».

Полуночник поднимает взгляд на Лукаса:

— Я сказал «стихают», «бледнеют», — но не исчезают.

В то же утро Лукас отбирает детские книги, складывает их в картонную коробку и говорит Матиасу:

— Ты не мог бы отнести эти книги в детский дом, который находится за сквером, по дороге к Бабушкиному дому? Это высокое здание с балконом, перед ним фонтан.

Мальчик говорит:

— Я прекрасно знаю, где это.

— Директрису зовут Юдифь, ты передашь ей от меня книги.

Мальчик берет книги и уходит, вскоре он возвращается.

Лукас спрашивает:

— Ты не входил внутрь?

— Нет. Зачем мне туда заходить? Чтоб меня туда забрали?

— Что? Что ты говоришь? Матиас!

Мальчик запирается у себя в комнате. Лукас остается до закрытия в книжном магазине, потом готовит ужин и ест один. Он принимает душ и начинает переодеваться, и тут мальчик внезапно входит к нему в комнату:

— Ты уходишь, Лукас? Куда ты ходишь каждый вечер?

Лукас отвечает:

— Я хожу работать, ты же знаешь.

Мальчик ложится на кровать Лукаса:

— Я буду ждать тебя здесь. Если бы ты работал в кафе, то возвращался бы в полночь, после закрытия. Но ты возвращаешься гораздо позже.

Лукас садится на стул напротив мальчика:

— Да, Матиас, это правда. Я возвращаюсь позже. У меня есть друзья, и я захожу к ним после закрытия кафе.

— Какие друзья?
— Ты их не знаешь. Мальчик говорит:
— Я всю ночь сижу один.
— Ночью тебе полагается спать.
— Я спал бы, если бы знал, что ты дома, у себя в комнате, тоже спишь.
Лукас ложится рядом с мальчиком, обнимает его:
— Ты действительно подумал, что я послал тебя в детский дом, чтоб тебя туда забрали? Как ты мог такое подумать?
— Я по-настоящему так не думал. Однако, когда я подошел к двери, мне стало страшно. Кто знает? Ясмина тоже обещала никогда не покидать меня. Не посылай меня туда больше. Мне не нравится ходить в сторону Бабушкиного дома.
Лукас говорит:
— Я понимаю тебя.
Мальчик говорит:
— Сироты — это дети, у которых нет родителей. У меня тоже нет родителей.
— Есть. У тебя есть мать, Ясмина.
— Ясмина ушла. А где мой отец?
— Твой отец я.
— Нет, а другой, настоящий?
Лукас на секунду замолкает, потом отвечает:
— Он погиб до того, как ты родился, из-за несчастного случая, как и мой.
— Отцы всегда погибают в результате несчастного случая. С тобой что, тоже скоро будет несчастный случай?
— Нет. Я очень осторожен.

Мальчик и Лукас работают в книжном магазине. Мальчик достает книги из картонного ящика, протягивает их Лукасу, который, стоя на стремянке, расставляет их на полках книжного шкафа. Осеннее дождливое утро.

В магазин входит Петер. На нем накидка с капюшоном, дождь струится по его лицу, стекает на пол. Из-под накидки он достает завернутый в холстину пакет:

— Возьмите, Лукас. Я возвращаю это вам. Я не могу больше хранить его у себя. В моем доме теперь небезопасно.

Лукас говорит:

— Вы бледны, Петер. Что случилось?

— Неужели вы не читаете газет? Не слушаете радио?

— Я никогда не читаю газет и слушаю только старые пластинки.

Петер оборачивается к ребенку:

— Это сын Ясины?

Лукас говорит:

— Да, это Матиас. Матиас, поздоровайся с Петером. Это наш друг.

Мальчик смотрит на Петера и молчит. Петер говорит:

— Матиас уже поздоровался со мной глазами.

Лукас говорит:

— Иди покорми животных, Матиас.

Мальчик опускает глаза, роется в книжном ящике:

— Сейчас не пора кормить животных.

Лукас говорит:

— Ты прав. Оставайся здесь и предупреди, если появится покупатель.

Пойдемте наверх, Петер.

Они поднимаются в комнату Лукаса. Петер говорит:

— Какие прекрасные глаза у этого мальчика.

— Да, глаза Ясиныны.

Петер протягивает пакет Лукасу:

— В ваших записях не хватает нескольких страниц.

— Да, Петер. Я уже говорил вам, я вношу туда исправления, сокращаю, вычеркиваю все, что не является необходимым.

— Исправляете, сокращаете, вычеркиваете. Ваш брат Клаус ничего не поймет.

— Клаус поймет.

— Я тоже понял.

— Поэтому вы мне их возвращаете? Потому что вы думаете, что все поняли?

Петер говорит:

— То, что происходит, не имеет никакого отношения к вашим тетрадкам, Лукас. Это гораздо серьезнее. В нашей стране готовится восстание. Контрреволюция. Это началось с интеллигенции, которая писала вещи, которых писать не следовало. Потом продолжили студенты. Студенты всегда готовы сеять беспорядки. Они организовали демонстрацию, которая превратилась в бунт против сил порядка. Но настоящему серьезный оборот дело приняло, когда рабочие и даже отдельная часть нашей армии присоединились к студентам. Вчера вечером военные раздали оружие безответственным личностям. В столице люди стреляют друг в друга, и движение постепенно охватывает провинцию и

крестьянство.

Лукас говорит:

— То есть все слои населения.

— Кроме одного. Того, к которому принадлежу я.

— Вас мало по сравнению с теми, кто против вас.

— Конечно. Но у нас есть могущественные друзья.

Лукас молчит. Петер открывает дверь:

— Видимо, мы больше не увидимся, Лукас. Давайте расстанемся без ненависти.

Лукас спрашивает:

— Куда вы пойдете?

— Партийные руководители должны отдать себя под защиту иностранной армии.

Лукас встает, кладет Петеру ладони на плечи, смотрит ему в глаза:

— Скажите, Петер! Неужели вам не стыдно?

Петер хватается за ладони Лукаса и прижимает их к своему лицу. Он закрывает глаза и тихо говорит:

— Да, Лукас. Мне бесконечно стыдно.

Из-под закрытых век катятся слезы. Лукас говорит:

— Нет. Только не это. Возьмите себя в руки.

Лукас провожает Петера до улицы. Он провожает глазами черный силуэт, который, склонив голову, уходит под дождем в сторону вокзала.

Когда Лукас возвращается в книжный магазин, мальчик говорит:

— Красивый дяденька. Когда он опять придет?

— Не знаю, Матиас. Может быть, никогда.

Вечером Лукас идет к Кларе. Он входит в дом, во всех окнах темно. Кровать Клары холодная и пустая. Лукас зажигает лампу возле кровати. На подушке записка от Клары:

Иду отомстить за Томаса.

Лукас возвращается домой. Мальчик лежит у него в кровати. Он говорит ему: — Мне надоело, что каждый вечер я нахожу тебя в своей кровати. Иди к себе в комнату и спи.

Подбородок у мальчика дрожит, он шмыгает носом:

— Я слышал, как Петер сказал, что в столице люди стреляют друг в

друга. Ты думаешь, Ясмине грозит опасность?

— Ясмина в безопасности, не беспокойся.

— Ты сказал, что Петер, может быть, больше не вернется. Ты думаешь, он умрет?

— Нет, я так не думаю. Но Клара умрет наверняка.

— Кто такая Клара?

— Одна знакомая. Иди в свою кровать, Матиас, и спи. Я очень устал.

В Маленьком Городе почти ничего не происходит. Иностранные знамена исчезают с общественных зданий, портреты руководителей тоже. Через город проходит процессия со старыми знаменами страны, люди поют бывший государственный гимн и другие старые песни, которые напоминают другую революцию, прошлого века.

В кафе полно народу. Люди говорят, смеются и поют громче, чем обычно.

Лукас постоянно слушает радио, до того дня, когда вместо новостей звучит классическая музыка.

Лукас смотрит в окно. На Главной Площади стоит танк иностранной армии.

Лукас выходит из магазина купить сигарет. Все магазины и лавки закрыты. Лукасу приходится идти до самого вокзала. По дороге он видит еще танки. Пушки танков поворачиваются в его сторону, следят за ним. Улицы пустынные, окна закрыты, ставни задвинуты. Но на вокзале и вокруг него много местных солдат и пограничников, все без оружия. Лукас обращается к одному из них:

— Что происходит?

— Понятия не имею. Мы демобилизованы. Вы хотели сесть на поезд? Для гражданских поездов нет.

— Я не хотел сесть на поезд. Я пришел купить сигареты. Магазины не работают.

Солдат протягивает Лукасу пачку сигарет:

— Вам нельзя в здание вокзала. Верите эту пачку и возвращайтесь домой. Гулять по улицам небезопасно.

Лукас возвращается домой. Мальчик не спит, они вместе слушают радио.

Много музыки и несколько коротких выступлений:

«Мы выиграли революцию. Народ одержал победу. Наше правительство попросило помощи у нашего великого защитника от врагов народа».

И еще:

«Сохраняйте спокойствие. Больше чем по двое собираться запрещено. Продажа спиртного запрещена. Рестораны и кафе остаются закрытыми до нового распоряжения. Индивидуальные перемещения на поезде или автобусе запрещены. Соблюдайте комендантский час. Не выходите на улицу после наступления темноты».

Опять музыка, потом рекомендации и угрозы:

«Работа на заводах должна возобновиться. Рабочие, не явившиеся на свое рабочее место, будут уволены. Саботажники предстанут перед чрезвычайным трибуналом. Им грозит наказание вплоть до смертной казни».

Мальчик говорит:

— Я не понимаю. Кто выиграл революцию? И почему все запрещено? Почему они такие злые?

Лукас выключает радио:

— Не надо больше слушать радио. Это бесполезно.

Еще есть сопротивление, бои, забастовки. Людей арестовывают, сажают в тюрьму, они исчезают, их казнят. Двести тысяч жителей покидают страну в панике.

Через несколько месяцев тишина, спокойствие и порядок воцаряются снова.

Лукас звонит в дверь Петера:

— Я знаю, что вы вернулись. Почему вы от меня прячетесь?

— Я не прячусь от вас. Я просто подумал, что вы не хотите меня видеть. Я ждал, что вы сделаете первый шаг.

Лукас смеется:

— Он сделан. В общем, все, как раньше. Революция ничего не дала.

Петер говорит:

— История рассудит. Лукас снова смеется:

— Какие громкие слова. Что это с вами, Петер?

— Не смейтесь. Я пережил тяжелый кризис. Сначала я подал заявление о выходе из партии, потом меня уговорили вернуться на свой пост в этом городе. Я очень люблю этот город. Он завладевает душой. Если человек один раз пожил в нем, не вернуться сюда невозможно. И потом, здесь вы, Лукас.

— Это признание в любви?

— Нет. В дружбе. Я знаю, что мне нечего ждать от вас. А что Клара? Она вернулась?

— Нет, Клара не вернулась. Кто-то другой уже поселился в ее доме.

Петер говорит:

— В столице погибло тридцать тысяч человек. Стреляли даже по колонне, где были женщины и дети. Если Клара в чем-нибудь участвовала...

— Она наверняка участвовала во всем, что происходило в столице. Я думаю, она теперь вместе с Томасом, и так лучше. Она все время говорила о Томасе. Она думала только о Томасе, любила только Томаса, она была больна Томасом. Так или иначе, она все равно умерла бы от Томаса.

Помолчав, Петер говорит:

— Многие люди ушли за границу в этот смутный период, когда граница не охранялась. Почему вы не воспользовались этим, чтобы отправиться к брату?

— Я ни секунды не думал об этом. Как бы я оставил мальчика одного?

— Вы могли бы взять его с собой.

— Невозможно пускаться в подобные приключения с таким маленьким ребенком.

— Пускаются на что угодно, когда угодно, с кем угодно, если действительно этого хотят. Мальчик — всего лишь предлог.

Лукас опускает голову:

— Мальчик должен остаться здесь. Он ждет возвращения матери, он бы со мной не пошел.

Петер не отвечает. Лукас поднимает голову и смотрит на Петера:

— Вы правы. Я не хочу ехать к брату. Он сам должен вернуться, потому что это он уехал.

Петер говорит:

— Тот, кого не существует, не может вернуться.

— Клаус существует и он вернется!

Петер подходит к Лукасу и сжимает ему плечо:

— Успокойтесь. Вы должны наконец взглянуть правде в глаза. Ни ваш брат, ни мать мальчика не вернутся, вы прекрасно это знаете.

Лукас шепчет:

— Нет, Клаус вернется.

Он падает навзничь, стучается лбом о низкий столик и расплывается на ковре. Петер втаскивает его на диван, смачивает полотенце и вытирает залитое потом лицо Лукаса. Когда Лукас приходит в себя, Петер дает ему воды и протягивает зажженную сигарету:

— Простите меня, Лукас. Давайте больше не говорить об этих вещах. Лукас спрашивает:

— О чем мы говорили?

— О чем?

Петер зажигает другую сигарету:

— Конечно, о политике. Лукас смеется:

— Должно быть, это было очень скучно, раз я заснул у вас на диване.

— Да, вот именно, Лукас. Политика всегда навела на вас скуку, правда?

Мальчику шесть с половиной лет. В первый день школьных занятий Лукас хочет пойти с ним, но мальчик предпочитает идти один. Когда в полдень он возвращается, Лукас спрашивает, как все прошло, мальчик отвечает, что все было очень хорошо.

В следующие дни мальчик говорит, что в школе все в порядке. Но однажды он возвращается с разбитой щекой. Он говорит, что упал. В другой день у него красные пятна на правой руке. На завтра все ногти на этой руке, кроме ногтя большого пальца, чернеют. Мальчик говорит, что прищемил себе пальцы дверью. Несколько недель ему приходится писать левой рукой.

Однажды вечером мальчик приходит домой с разбитыми и опухшими губами. Он не может есть. Лукас ни о чем его не спрашивает, он понемногу поит мальчика молоком, потом кладет на кухонный стол носок, набитый песком, острый камень и бритву. Он говорит:

— Этим оружием мы оборонялись против других детей. Возьми его. Защищайся!

Мальчик говорит:

— Вас было двое. А я один.

— Одному тоже надо уметь защищаться.

Мальчик смотрит на предметы, лежащие на столе:

— Я не хочу. Я никогда бы не смог кого-нибудь ударить, кого-нибудь ранить.

— Почему? Другие тебя бьют, ранят.

Мальчик смотрит Лукасу в глаза:

— Телесные раны, которые я получаю, не имеют значения. Но если бы мне пришлось кому-нибудь их нанести, это стало бы для меня раной иного рода, которую я не смог бы вынести.

Лукас спрашивает:

— Хочешь, я поговорю с твоим учителем?

Мальчик говорит:

— Ни за что! Я запрещаю тебе это! Никогда этого не делай, Лукас! Разве я жалуюсь? Разве я прошу тебя помочь? Дать мне оружие?

Он сбрасывает со стола носок, камень и бритву:

— Я сильнее их всех. Я храбрее и, главное, умнее. Это единственное, что имеет значение.

Лукас выбрасывает камень и набитый песком носок в помойку. Он складывает бритву и прячет ее в карман:

— Я еще ношу ее с собой, но никогда ею не пользуюсь.

Когда мальчик лежит в постели, Лукас входит к нему в комнату, садится на край кровати:

— Я больше не буду вмешиваться в твои дела, Матиас. Я больше не буду задавать тебе вопросы. Когда ты захочешь уйти из школы, ты скажешь мне, правда?

Мальчик говорит:

— Я никогда не уйду из школы.

Лукас спрашивает:

— Скажи мне, Матиас, иногда по вечерам, когда ты один, ты плачешь?

Мальчик говорит:

— Я привык быть один. Я никогда не плачу, ты же знаешь.

— Да, знаю. Но ты и никогда не смеешься. Когда ты был маленьким, ты все время смеялся.

— Это, наверно, было до смерти Ясины.

— Что ты говоришь, Матиас? Ясина не умерла.

— Нет. Она умерла. Я давно это знаю. Иначе она бы уже вернулась.

Они молчат, потом Лукас говорит:

— Даже после отъезда Ясины ты еще смеялся, Матиас.

Мальчик смотрит в потолок:

— Да, может быть. До того, как мы покинули Бабушкин дом. Не надо было уезжать из Бабушкиного дома.

Лукас берет лицо мальчика в свои ладони:

— Наверно, ты прав. Наверно, нам не надо было уезжать из Бабушкиного дома.

Мальчик закрывает глаза, Лукас целует его в лоб:

— Спи хорошо, Матиас. А если тебе станет слишком тяжело, слишком грустно, и если ты не хочешь ни с кем об этом говорить, пиши. Это поможет тебе.

Мальчик отвечает:

— Я уже написал. Я обо всем написал. Обо всем, что со мной случилось с тех пор, как мы здесь живем. О моих страшных снах, о школе,

обо всем. У меня тоже есть своя толстая тетрадь, как у тебя. У тебя их несколько, а у меня только одна, она еще тоненькая. Никогда я не позволю тебе ее прочесть. Ты запретил мне читать твои тетради, я запрещаю тебе читать мою тетрадь.

В десять часов утра в магазин входит пожилой бородатый мужчина. Лукас уже видел его. Это один из лучших его покупателей. Лукас встает и с улыбкой спрашивает его:

— Что вам угодно, сударь?

— У меня есть все, что нужно, спасибо. Я пришел поговорить с вами о Матиасе. Я его школьный учитель. Я отправил вам несколько писем с просьбой зайти ко мне.

Лукас говорит:

— Я не получал ни одного письма.

— Однако под ними стоит ваша подпись.

Учитель достает из кармана три конверта и протягивает их Лукасу:

— Ведь это ваша подпись?

Лукас рассматривает письма:

— И да, и нет. Это очень ловко подделанная моя подпись.

Учитель улыбается и берет письма назад:

— В конце концов я так и подумал. Матиас не хочет, чтобы я с вами говорил. Поэтому я решил зайти во время уроков. Я попросил ученика постарше посмотреть за моим классом, пока меня нет. Если вы не возражаете, мой визит останется нашим секретом.

Лукас говорит:

— Да, мне кажется, так будет лучше.

Матиас запретил мне с вами беседовать.

— Это очень самолюбивый мальчик, даже гордый и, несомненно, он самый умный мальчик в классе. Несмотря на это, единственный совет, который я могу вам дать, — это забрать мальчика из школы. Я подпишу все необходимые для этого бумаги.

Лукас говорит:

— Матиас не хочет бросать школу.

— Знали бы вы, что ему приходится терпеть! Жестокость детей не поддается описанию. Девочки издеваются над ним. Они зовут его пауком, горбуном, ублюдком. Он сидит один на первом ряду, и никто не хочет сидеть с ним рядом. Мальчики бьют его, пинают ногами, кулаками. Его сосед сзади зажал ему пальцы крышкой парты. Я несколько раз вмешивался, но это только ухудшает положение. Даже его ум оборачивается против него. Другие дети не выносят того, что Матиас все

знает, что он во всем лучший ученик. Они завидуют ему и делают его жизнь невыносимой.

Лукас говорит:

— Я знаю это, хотя он никогда мне об этом не рассказывал.

— Нет, он никогда не жалуется. Он даже не плачет. У него огромная сила воли. Но он не может бесконечно выносить такое количество унижений. Заберите его из школы, я буду каждый вечер давать ему уроки здесь, для меня это будет настоящим удовольствием работать с таким одаренным ребенком.

Лукас говорит:

— Благодарю вас, сударь. Но все это не зависит от меня. Сам Матиас непременно хочет ходить в школу, как все другие дети. Для него уйти из школы означало бы признать, что он другой, что он калека.

Учитель говорит:

— Я понимаю. Однако он все же другой, и когда-нибудь ему придется с этим смириться.

Лукас молчит, учитель прохаживается по магазину и рассматривает книги на полках:

— Это очень просторное помещение. Как вы думаете, а не поставить ли здесь несколько столов со стульями, чтобы получилась детская читальня? Я мог бы приносить вам старые книжки, мне их просто некуда девать. Таким образом дети, у которых родители не имеют ни одной книги, — а таких, поверьте мне, много, — смогли бы приходить сюда и спокойно читать час или два.

Лукас пристально смотрит на учителя:

— Вы думаете, это сможет изменить отношения между Матиасом и другими детьми, не так ли? Да, стоит попробовать. Может быть, это хорошая идея, господин учитель.

Десять часов вечера. Петер звонит в дверь к Лукасу. Лукас выбрасывает в окно ключ от входной двери. Петер поднимается и входит в комнату:

— Я не помешал вам?

— Вовсе нет. Напротив. Я искал вас, но вы исчезли. Даже Матиас беспокоился о том, что вас нет.

Петер говорит:

— Это очень мило с его стороны. Он спит?

— Он у себя в комнате, но как узнать, спит он или чем-нибудь занимается? Он просыпается посреди ночи и начинает читать, писать, думать, учить уроки.

— Он может нас услышать?

— Если захочет, то да.

— В таком случае, мне кажется, нам лучше пойти ко мне-.

У себя дома Петер открывает окна во всех комнатах и падает в кресло:

— Эта жара просто невыносима. Налейте себе что-нибудь выпить и садитесь. Я только что с вокзала, я провел в дороге целый день. Пришлось четыре раза пересаживаться с поезда на поезд и очень долго ждать на промежуточных станциях.

Лукас наполняет рюмки:

— Откуда вы приехали?

— Из своего родного города. Меня срочно вызвали к следователю по делу Виктора. Он задушил свою сестру в приступе белой горячки.

Лукас говорит:

— Бедный Виктор. Вы виделись с ним?

— Да. Он в психиатрической больнице.

— Как он?

— Он держится очень спокойно. Лекарства немного его оглушили. Он обрадовался моему приходу, спрашивал о вас, о книжном магазине, о мальчике. Просил передать вам привет.

— А что он говорит о том, что случилось с сестрой?

— Он мне просто сказал: «Дело сделано, и ничего изменить нельзя».

Лукас спрашивает:

— Что с ним будет?

— Не знаю. Суда еще не было. Я думаю, он закончит жизнь в психиатрической больнице. Виктору не место в тюрьме. Я спросил у него, что я могу сделать, он попросил регулярно присылать ему канцелярские принадлежности. «Все, что мне нужно, — это бумага и карандаши. Здесь я наконец смогу написать свою книгу», — сказал он мне.

— Да, Виктор хотел написать книгу. Он мне так сказал, когда я покупал у него книжный магазин. Именно это и заставило его все продать.

— Да, и он уже начал писать.

Петер вытаскивает из портфеля пачку машинописных листов:

— Я прочел их в поезде. Возьмите их с собой, прочитайте и верните мне. Он напечатал их на машинке рядом с трупом сестры. Он задушил сестру, сел за письменный стол и стал писать. Так их и обнаружили в комнате Виктора: задушенная сестра лежит на кровати, Виктор печатает на машинке, пьет водку и курит сигары. Полиция была вызвана на следующий день клиентками его сестры. В день убийства Виктор вышел из дома, снял деньги со счета, сходил за водкой, сигаретами и сигарами. Заказчицам, которым было назначено на примерку и которые ждали у двери, он сказал, что сестра плохо себя чувствует из-за жары и что не надо ее беспокоить. Заказчицы оказались настойчивы и наверняка им хотелось как можно скорее получить свои новые платья; они вернулись назавтра, стали стучать в дверь, обсуждать все с соседями, нашли все это очень странным и в конце концов решили заявить в полицию. Полицейские выломали дверь и обнаружили мертвеца пьяного Виктора, продолжавшего спокойно печатать свою книгу. Он дал увести себя без всякого сопротивления, забрав с собой уже напечатанные страницы. Несмотря на многочисленные ошибки, текст можно прочесть, и он очень интересен.

Лукас возвращается домой с рукописью Виктора и за ночь переписывает ее в свою тетрадь.

Сегодня 15 августа, зной стоит уже три недели. Жара невыносима, как в доме, так и на улице. Нет никакой возможности от нее укрыться. Я не люблю жару, не люблю лето. Дождливое лето, прохладное — люблю, но от зноя я положительно заболеваю.

Я только что задушил сестру. Она лежит на моей кровати, я накрыл ее простыней. При такой жаре ее тело скоро начнет пахнуть. Какая разница? Там посмотрим. Я закрыл входную дверь на ключ, и, когда стучат, я не открываю. Еще я закрыл окна и задвинул ставни.

Я прожил с сестрой около двух лет. Я продал принадлежавший мне дом и книжный магазин в маленьком далеком городке возле границы. Я

приехал жить к сестре, чтобы написать книгу. В далеком маленьком городке это казалось мне невозможным из-за моего чрезмерного одиночества: я мог сделаться больным и алкоголиком. Я подумал, что здесь, у сестры, которая станет заниматься хозяйством, едой и одеждой, я буду вести здоровый, уравновешенный образ жизни, который позволит мне наконец написать книгу, которую я всегда хотел написать.

Увы, спокойная и размеренная жизнь, которую я себе воображал, быстро превратилась в ад.

Сестра следила за мной, постоянно за мной шпионила. Едва я приехал, как она запретила мне пить и курить, а когда я возвращался из магазина или с прогулки, она нежно обнимала меня, но я чувствовал, что делает она это с единственной целью — уловить, пахнет ли от меня алкоголем или табаком.

Несколько месяцев я воздерживался и не пил, но я был совершенно неспособен отказаться и от табака. Я курил тайком, как мальчишка, я покупал себе сигару или пачку сигарет и уходил гулять в лес. На обратном пути я жевал еловые иголки, сосал мятные конфеты, чтобы избавиться от запаха. Я курил ночью, открыв окно, даже зимой.

Часто я садился к письменному столу, на котором лежали листы бумаги, но в голове у меня была абсолютная пустота.

Что я мог написать? В моей жизни ничего не происходило, в моей жизни никогда ничего не происходило, и вокруг меня тоже. Ничего, о чем стоило бы писать. И потом, сестра меня все время отвлекала, она входила ко мне в комнату под всевозможными предлогами. Она приносила мне чай, стирала пыль с мебели, раскладывала чистую одежду у меня в шкафу. Еще она заглядывала мне через плечо, чтобы увидеть, насколько продвинулась моя писательская работа. Поэтому я был вынужден заполнять страницы за страницами, а поскольку я не знал, чем их заполнить, то переписывал тексты из книг, из любых книг. Иногда моя сестра из-за плеча читала какую-нибудь фразу, находила ее красивой, ободряла меня довольной улыбкой.

Никакой опасности, что она обнаружит мою подтасовку, не было, потому что она никогда не читала; возможно, она за всю свою жизнь не прочла ни одной книги, у нее не было времени, — с детства она работала с утра до вечера.

По вечерам она заставляла меня приходить в гостиную:

— Ты сегодня достаточно поработал. Давай немного поболтаем.

Не прекращая шить, вручную или на своей старой педальной швейной машинке, она говорила. О соседках, о заказчицах, о платьях и о тканях, о своей усталости, о той жертве, которую она приносила ради творчества и

славы своего брата, то есть меня, Виктора.

Я вынужден был сидеть, не курить и не пить, и слушать ее глупую болтовню. Когда она наконец Удалялась к себе в комнату, я шел к себе, зажигал сигару или сигарету, брал лист бумаги и заполнял его ругательствами в адрес сестры, ее тупых заказчиц и дурацких платьев. Я прятал лист среди Других листов: на них были только беспорядочные выписки из случайных книг.

На Новый год сестра подарила мне пишущую машинку:

— Твоя рукопись уже очень толстая, думаю, скоро ты дойдешь до конца своей книги. Потом придется напечатать ее на машинке. Тебя учили машинописи в коммерческом училище, и даже если ты немного подзабыл из-за отсутствия практики, ты быстро научишься.

Я был в совершенном отчаянии, но, чтобы доставить удовольствие сестре, я немедленно сел к письменному столу и неловко напечатал несколько страниц текста, уже списанного из какой-то книги. Сестра следила за мной и одобрительно кивала головой:

— Не так уж плохо получается. Виктор, я удивлена, но получается почти хорошо. Очень скоро ты будешь печатать так же быстро, как раньше.

Оставшись один, я перечитал эти машинописные страницы. Они состояли из бесчисленных опечаток, ошибок и помарок.

Через несколько дней, возвращаясь с «оздоровительной» прогулки, я зашел в кафе на окраине. Мне хотелось только согреться за чашкой чая, потому что руки и ноги у меня озябли и совершенно одеревенели из-за моего плохого кровообращения. Я сел за столик возле печки и, когда официант спросил, что я хочу, ответил:

— Чашку чая. Потом я добавил:

— С ромом.

Не знаю, почему я это добавил, у меня не было ни малейшего намерения добавлять эти слова, однако я их произнес. Я выпил чай с ромом и заказал вторую порцию рома, на этот раз без чая, и потом третью.

Я с беспокойством огляделся. Город небольшой, почти все в нем знают мою сестру. А вдруг она узнает от своих заказчиц или от соседок, что я заходил в кафе! Но меня окружали лишь мужские лица — усталые, безразличные, замкнутые, и беспокойство прошло. Я выпил еще рому и вышел из кафе. Меня пошатывало, я много месяцев не пил, и алкоголь быстро ударил мне в голову.

Я не знал, как вернуться домой. Я боялся сестры. Некоторое время я блуждал по улицам, потом купил в одном магазине коробку мятных конфет и сразу сунул две из них в рот. В тот момент, когда я платил, я сам не знаю

почему, так сказать, против своей воли, сказал продавщице безразличным тоном:

— Кстати, дайте мне еще бутылку сливовой водки, две пачки сигарет и три сигары.

Я положил бутылку во внутренний карман пальто. На улице шел снег, я чувствовал себя совершенно счастливым. Мне уже не было страшно возвращаться домой, я больше не боялся сестры. Когда я пришел домой, она крикнула из комнаты, которая служит ей для работы:

— У меня срочная работа, Виктор. Твой ужин стоит в тепле на плите. Я поем позже.

Я быстро поел в кухне, ушел к себе в комнату и закрылся на ключ. Впервые я осмелился закрыть Дверь на ключ. Когда сестра захотела войти ко мне в комнату, я закричал, я осмелился закричать:

— Не мешай мне! У меня великолепные мысли! Мне надо записать их, пока они не улетели.

Моя сестра смиренно ответила:

— Я не хотела тебе мешать. Я только хотела пожелать тебе спокойной ночи.

— Спокойной ночи, София!

Она продолжала стоять под дверью.

— У меня была очень требовательная заказчица. Нужно, чтоб ее платье было готово к Новому году. Извини меня, Виктор, что тебе пришлось ужинать одному.

— Ничего страшного, — ответил я ласково, — иди ложись, София, уже поздно.

Помолчав, она спросила:

— Зачем ты запер дверь на ключ, Виктор? Не надо было запирааться на ключ. В этом не было никакой нужды.

Я отхлебнул водки, чтобы успокоиться:

— Я не хочу, чтобы мне мешали. Я пишу.

— Хорошо. Очень хорошо, Виктор.

Я выпил бутылку водки, там было всего поллитра, выкурил две сигары и много сигарет. Окурки я выбрасывал в окно. Снег все падал. Он покрывал окурки и пустую бутылку, которую я тоже выкинул в окно, далеко на улицу.

На следующее утро сестра постучалась в мою дверь. Я не отвечал. Она снова стала стучать. Я закричал:

— Дай мне поспать!

Я услышал, что она уходит. Я встал только в два часа дня. Обед и моя сестра ждали меня на кухне. Вот наш диалог:

— Я грела обед три раза.
— Я не голоден. Свари мне кофе.
— Сейчас два часа. Как ты можешь так долго спать?
— Я писал до пяти утра. Я художник. Я имею право работать, когда хочу, когда мне позволяет воображение. Писать — не то что шить платья. Запомни это раз и навсегда, София.

Сестра смотрела на меня с восхищением:

— Ты прав, Виктор, прости меня. Ты скоро закончишь писать свою книгу?

— Да, скоро.

— Какое счастье! Это будет прекрасная книга. Те несколько глав, которые я прочла, убедили меня в этом.

Я подумал: «Дура несчастная!»

Я пил все больше и больше, я постепенно терял осторожность. Я забывал пачки сигарет в кармане пальто. Моя сестра под предлогом чистки обшаривала мои карманы. Однажды она вошла ко мне в комнату, размахивая полупустой пачкой:

— Ты куришь!

Я с вызовом ответил:

— Да, курю. Я не могу писать, если не курю.

— Ты обещал мне не курить!

— Я сам себе это обещал. Но я понял, что не могу писать, если я не курю. Для меня это вопрос самоощущения, София. Если я брошу курить, то брошу писать. Я решил, что лучше продолжать курить и писать, чем жить и не писать. Я приближаюсь к концу книги, тебе надо дать мне свободу, София, чтобы я мог закончить книгу, и не важно, курю я или нет.

На сестру это произвело большое впечатление, она ушла, потом вернулась с пепельницей и поставила ее на мой письменный стол:

— Тогда кури, это не так страшно, если ради книги...

Чтобы выпить, я применял следующую тактику: я покупал литровые бутылки водки в разных кварталах города, стараясь не заходить два раза подряд в один и тот же магазин. Я проносил бутылку во внутреннем кармане пальто, прятал в коридоре, в корзине для зонтов, а когда сестра выходила или ложилась спать, я забирал бутылку, запирался у себя в комнате, пил и курил до поздней ночи.

Я избегал кафе, возвращался с прогулки трезвым, и все шло хорошо у нас с сестрой до этой весны, когда София стала терять терпение:

— Когда ты наконец закончишь свою книгу? Так не может продолжаться. Ты никогда не встаешь раньше двух часов дня, ты плохо

выглядишь, ты так заболеешь, и я тоже.

— Я закончил ее, София. Теперь мне надо ее исправить и отпечатать на машинке. Это большая работа.

— Я никогда не думала, что написать книгу занимает столько времени.

— Книга — это не платье, София, не забывай.

Пришло лето. Я ужасно мучился от жары. Я проводил дни в лесу, лежа под деревом. Иногда я засыпал, мне снились какие-то смутные сны. Однажды во сне меня застала гроза, ужасная гроза. Это было четырнадцатого августа. Я, как смог быстро, несмотря на больную ногу, покинул лес. Я бросился в ближайшее кафе. Там сидели и пили рабочие, простые люди. Все они радовались грозе — уже несколько месяцев не было дождя. Я заказал лимонад, они засмеялись, и один из них протянул мне стакан красного вина. Я взял его. Потом я заказал бутылку и угостил всех вином. Так и продолжалось, пока дождь не стих, я заказывал одну бутылку за другой, я чувствовал себя чудесно, я был окружен дружеской теплотой. Я потратил все деньги, которые у меня с собой были. Мои приятели, один за другим, уходили, а мне не хотелось идти домой: я чувствовал себя одиноким, у меня не было дома, я не знал, куда идти, я хотел бы вернуться к себе, в книжный магазин, в маленький далекий город, который был идеальным местом. Теперь я знал это наверняка: мне не надо было уезжать из этого приграничного города, не надо было переезжать к сестре, которую я ненавидел с детства.

Хозяин кафе сказал:

— Закрываемся!

На улице левая больная нога подвернулась, и я упал.

Что было дальше, я уже не помню. Я проснулся, весь в поту, у себя в кровати. Я не осмеливался выйти из комнаты. Ко мне медленно возвращались обрывки воспоминаний. Хохочущие вульгарные лица в пригородном кафе... Потом дождь, грязь... мундиры притащивших меня полицейских... растерянное лицо сестры... я кричу ей оскорбления... полицейские смеются...

В доме было тихо. На улице снова пекло солнце, от жары можно было задохнуться.

Я встал, вытащил из-под кровати свой старый чемодан, начал складывать в него одежду. Это был единственный выход. Уехать отсюда как можно скорее. У меня кружилась голова. Глаза, рот, горло горели. Я почувствовал головокружение и вынужден был сесть. Я подумал, что никогда не смогу добраться до вокзала в таком состоянии. Я порылся в

корзине для бумаг, нашел там едва начатую бутылку водки. Я стал пить из горлышка. Я почувствовал себя лучше. Ощупал голову: за левым ухом у меня была болезненная шишка. Я снова взял бутылку, поднес ее ко рту, и в комнату вошла сестра. Я поставил бутылку и стал ждать. Сестра тоже ждала. Молчание длилось долго. Она сама прервала его спокойным и странным голосом:

— Что ты хочешь мне сказать?

— Ничего. Она завопила:

— Это слишком просто! Это было бы слишком просто! Он ничего не хочет сказать! Его, мертвецки пьяного, валяющегося в грязи, подбирает полиция, и ему нечего сказать!

Я сказал:

— Оставь меня в покое. Я ухожу.

Она зашипела:

— Да, я вижу, ты складываешь чемодан. Но куда ты пойдешь, дурак несчастный, куда ты пойдешь без денег?

— У меня в банке еще остались деньги от продажи книжного магазина.

— Да ну? Интересно, сколько же там осталось денег? Ты продал его за бесценок, свой книжный магазин, а ту каплю денег, которую ты за него получил, растратил на выпивку и сигареты.

Естественно, я никогда не говорил ей о золотых и серебряных монетах, и о драгоценностях, которые я получил кроме денег и которые я также положил в банк. Я просто ответил:

— У меня еще достаточно денег, чтобы уехать. Она сказала:

— А я? Мне никто не заплатил. Я тебя кормила, лечила, ты у меня жил. Кто мне за все это заплатит?

Я захлопнул чемодан:

— Я заплачу тебе. Позволь мне уехать. Вдруг, смягчившись, она сказала:

— Не будь ребенком, Виктор. В последний раз я тебя прощаю. То, что произошло вчера вечером, было всего лишь случайностью, срывом. Все переменится, когда ты закончишь свою книгу.

Я спросил:

— Какую книгу?

Она подняла мою «рукопись»:

— Вот эту вот книгу, твою книгу.

— Я не написал в ней ни единой строчки.

— Тут почти двести машинописных страниц.

— Да, две сотни страниц, переписанных из первых попавшихся книг.

— Переписанных? Я не понимаю.

— Ты никогда ничего не поймешь. Эти двести страниц я переписал из книг. Там ни одной моей строчки.

Она смотрела на меня. Я поднес к губам бутылку и стал пить. Долго. Она покачала головой:

— Я тебе не верю. Ты пьян. Ты говоришь неизвестно что. Зачем тебе это делать?

Я ухмыльнулся:

— Чтобы ты подумала, что я пишу. Но я не могу здесь писать: ты мешаешь мне, ты все время за мной шпионишь, ты мешаешь мне писать; видеть тебя, чувствовать твое присутствие в доме — одно это уже мешает мне писать. Ты все разрушаешь, ты все портишь, уничтожаешь любое творчество, жизнь, свободу, вдохновение. С детства ты только и делаешь, что следишь за мной, руководишь мной, надоедаешь мне, с самого детства!

Она минуту стояла молча, потом стала говорить, читать наизусть, глядя в пол, покрытый вытертым ковром:

— Я всем пожертвовала ради твоей работы, ради твоей книги: своей работой, заказчицами, последними годами своей жизни. Я ходила на цыпочках, чтобы не мешать тебе. И ты не написал ни строчки за те два года, что ты здесь? Ты только ел, пил и курил! Ты просто бездельник, никчемный человек, пьяница, паразит! Я объявила о выходе твоей книги всем заказчицам! И ты ничего не написал? Я стану посмешищем для всего города! Ты принес позор в мой дом! Надо было мне оставить тебя подыхать в твоём поганом городишке, в твоём вшивом магазине. Ты прожил там один больше двадцати лет, почему ты не написал книгу там, где я тебе не мешала, где никто тебе не мешал? Почему? Потому что ты не смог бы написать даже строчку самой посредственной книги, даже при самой благоприятной обстановке и в наилучших условиях.

Я продолжал пить, пока она говорила, и услышал свой голос издалека, как будто из соседней комнаты. Я отвечал ей, что она права, что я не смог бы ничего написать, пока она жива, что я не могу... Я напомнил ей наши детские сексуальные опыты, заводилой в которых была она, ведь она старше меня на много лет, и которые шокировали меня настолько, что ей даже не представить этого.

Сестра отвечала, что это были всего лишь детские игры, что бестактно напоминать о таких вещах, особенно потому, что она сохранила девственность и потому что «это» ее уже давно не интересует.

Я сказал, что знаю, что «это» ее не интересует, ей достаточно того, что

она гладит своих заказчиц по бедрам и по груди, я наблюдал за ней во время примерок, я видел, с каким удовольствием она трогала своих заказчиц, молодых и красивых, она сама никогда не была молодой и красивой, она всегда была мелкой развратницей.

Я сказал ей, что из-за ее уродства и из-за ее притворного пуританства ею не смог заинтересоваться ни один, даже самый невзрачный мужчина. Тогда она обратилась к своим заказчицам и под тем предлогом, что она их обмеривает или разглаживает ткань, она щупает этих молодых и красивых женщин, которые шьют у нее платья.

Моя сестра сказала:

— Ты перешел все границы, Виктор, довольно!

Она схватила бутылку, мою бутылку водки, она разбила ее о пишущую машинку, водка растеклась по письменному столу. Сестра, держа разбитую бутылку за горлышко, шла на меня.

Я встал, зажал ее руку, вывернул запястье, она выпустила бутылку. Мы упали на кровать, я лег на нее, мои ладони обхватили ее тощую шею, и, когда она перестала дергаться, я кончил.

Назавтра Лукас возвращает рукопись Виктора Петеру.

Через несколько месяцев Петер снова отправляется в свой родной город, чтобы выступить на суде. Он отсутствует несколько недель. Вернувшись, он заходит в библиотеку, гладит Матиаса по голове и говорит Лукасу:

— Зайди ко мне сегодня вечером.

Лукас говорит:

— Видимо, все очень серьезно, Петер?

Петер качает головой:

— Не задавайте мне сейчас вопросов. Поговорим позже.

Когда Петер уходит, мальчик поворачивается к Лукасу:

— С Петером случилось несчастье?

— Нет, не с Петером, но, кажется, с одним из его друзей.

Мальчик говорит:

— Это то же самое, а может быть, даже хуже.

Лукас прижимает Матиаса к себе:

— Ты прав. Иногда это хуже.

Придя к Петеру, Лукас спрашивает:

— Ну что?

Петер залпом выпивает рюмку водки, которую он только что себе налил:

— Что? Приговорили к смерти. Вчера приговор приведен в исполнение, через повешение. Пейте!

— Вы пьяны, Петер!

Петер поднимает бутылку, смотрит, сколько осталось, ухмыляется:

— Да, я уже выпил половину бутылки. Иду по следам Виктора.

Лукас встает:

— Я вернусь в другой день. Ни к чему говорить, когда вы в таком состоянии.

Петер говорит:

— Напротив. Я могу говорить о Викторе только в таком состоянии. Садитесь. Вот, держите, это принадлежит вам. Это вам послал Виктор.

Он пододвигает к Лукасу полотняный мешочек.

Лукас спрашивает:

— Что это?

— Золотые монеты и драгоценности. И еще деньги. Виктор не успел их потратить. Он сказал: «Верните все это Лукасу. Он слишком дорого заплатил за дом и книжный магазин. А вам, Петер, я завещаю мой дом, дом моей сестры и наших родителей. У нас нет наследника, ни у меня, ни у сестры нет наследника. Продайте этот дом, он проклят, с самого нашего детства над ним тяготело проклятье. Продайте его и возвращайтесь в маленький далекий городок, идеальное место, которое я никогда не должен был покидать».

Помолчав, Лукас говорит:

— Вы предполагали, что приговор Виктору будет менее суровым. Вы даже надеялись, что он избежит тюрьмы и сможет закончить свои дни в психлечебнице.

— Я просто ошибся. Я не мог предположить, что психиатры признают Виктора вменяемым, что Виктор поведет себя на суде как сумасшедший. Он не выразил ни малейшего угрызения совести, ни малейшего сожаления, никакого раскаяния. Он все время повторял: «Мне надо было это сделать, надо было ее убить, это была единственная возможность написать книгу». Присяжные сочли, что нет такого права убивать человека только потому, что он мешает вам написать книгу. Они заявили, что так слишком просто: выпить несколько рюмок, убить почтенного человека и выйти сухим из воды. Они пришли к заключению, что Виктор — эгоист и извращенец, что он опасен для общества. Кроме меня, все свидетели дали показания против него, в пользу сестры, которая вела почтенную, образцовую жизнь — ее все ценили, особенно заказчицы.

Лукас спрашивает:

— Вы смогли увидеть его вне зала суда?

— После вынесения приговора — да. Я смог войти к нему в камеру и пробыть с ним так долго, как хотел. Я был с ним до последнего дня.

— Он боялся?

— Боялся? Думаю, что это слово не подходит. Вначале он не верил, не мог поверить. Не знаю, на что он надеялся — на помилование, на чудо? В тот день, когда он составил и подписал завещание, наверняка у него не оставалось иллюзий. В последний вечер он сказал мне: «Я знаю, что умру, Петер, но я не понимаю. Вместо одного трупа, трупа моей сестры, будет второй, мой труп. Но кому нужен второй труп? Богу наверняка не нужен. Зачем ему наши тела? Обществу? Оно получило бы книгу или несколько книг, если бы оставило мне жизнь, вместо того чтобы получить лишний труп, который никому не принесет пользу».

Лукас спрашивает:

— Вы присутствовали при казни?

— Нет. Он просил меня об этом, но я отказался. Вы считаете, я трус, да?

— Вы поступаете так не в первый раз. Но я вас понимаю.

— Вы бы сами смогли при этом присутствовать?

— Если бы он меня попросил, то да, я бы это сделал.

Книжный магазин превращен в читальню. Несколько детей уже приходят сюда регулярно читать или рисовать, другие заходят случайно, замерзнув на улице или устав долго играть на снегу. Эти остаются минут на десять, пока не согреются, перелистывая книжки с картинками. А некоторые смотрят в витрину магазина и убегают, как только Лукас выходит на улицу, чтобы пригласить их войти.

Время от времени Матиас спускается из дома, устраивается рядом с Лукасом с книгой, через час-другой снова идет наверх и возвращается к закрытию. Он не общается с другими детьми. Когда все уходят, Матиас расставляет книги по местам, опорожняет мусорную корзину, ставит стулья на столы и протирает тряпкой грязный пол. Еще он считает:

— Они опять украли у нас семь цветных карандашей, три книги и перепортили десятки листов бумаги.

Лукас говорит:

— Ничего, Матиас. Если бы они попросили, я бы им все это подарил. Они стесняются, им кажется, взять тайком это не страшно.

Однажды в конце дня, когда все тихо читают, Матиас подталкивает к Лукасу листок бумаги. Там написано: «Посмотри на эту женщину!» У витрины в темноте улицы виден женский силуэт. Тень без лица смотрит на освещенный зал книжного магазина. Лукас встает, и тень исчезает.

Матиас шепотом говорит.

— Она повсюду следует за мной. На переменах она смотрит на меня из-за забора школьного двора. Она идет за мной по дороге домой.

Лукас спрашивает:

— Она с тобой говорит?

— Нет. Один раз, несколько дней назад, она протянула мне яблоко, но я не взял. В другой раз, когда четверо парней повалили меня на снег и хотели раздеть, она отругала их и надавала пощечин. Я убежал.

— Значит, она не злая, она пришла тебе на помощь.

— Да, но почему? У нее нет никаких причин меня защищать. И зачем она за мной ходит? Зачем смотрит? Я боюсь ее взгляда. Я боюсь ее глаз.

Лукас говорит:

— Не обращай на это внимания, Матиас. Многие женщины потеряли детей во время войны. Они не могут их забыть. Тогда они привязываются к

другому ребенку, который напоминает им того, кого они потеряли.

Матиас усмехается:

— Меня бы очень удивило, если б я напомнил кому-нибудь его ребенка.

Вечером Лукас звонит в дверь тети Ясины. Она открывает окно:

— Что вам нужно?

— Поговорить с вами.

— У меня нет времени. Мне пора на работу.

— Я вас подожду.

Когда она выходит из дома, Лукас говорит:

— Я провожу вас. Вы часто работаете по ночам?

— Неделю через две. Как все. О чем вы хотите говорить? О моей работе?

— Нет. О мальчике. Я просто хочу попросить вас оставить его в покое.

— Я ему ничего не сделала.

— Я знаю. Но вы ходите за ним, смотрите на него. Это его беспокоит. Вы понимаете?

— Да. Бедный малыш... Она оставила его...

Они молча идут по заснеженной и пустынной улице. Женщина прячет лицо в шарф, плечи у нее содрогаются в немых рыданиях.

Лукас спрашивает:

— Когда освободят вашего мужа?

— Мужа? Он умер. Вы не знали?

— Нет. Простите, мне очень жаль.

— Официально это самоубийство. Но мне сказал один человек, который познакомился с ним там и потом вышел на свободу, что это было не самоубийство. Его убили сокамерники за то, что он сделал своей дочке.

Теперь они стоят перед большой текстильной фабрикой, освещенной неоновым светом. Со всех сторон подходят зябкие и торопливые тени, исчезающие за железной дверью. Даже отсюда слышно, как грохочут машины.

Лукас спрашивает:

— Если бы ваш муж не умер, вы бы приняли его домой?

— Не знаю. В любом случае он не осмелился бы вернуться в этот город. Я думаю, он поехал бы в столицу на поиски Ясины.

Заводской гудок начинает завывать. Лукас говорит:

— Я ухожу. Вы можете опоздать.

Женщина поднимает свое бледное, еще молодое лицо, на котором светятся большие черные глаза Ясины:

— Теперь, когда я осталась одна, может быть, если бы вы были не против, я могла бы брать ребенка к себе.

Лукас кричит громче, чем заводской гудок:

— Брать Матиаса? Никогда! Он мой и только мой! Я запрещаю вам приближаться к нему, смотреть на него, говорить с ним, ходить за ним по пятам!

Женщина отступает к воротам завода:

— Успокойтесь. Вы сошли с ума? Я просто предложила.

Лукас разворачивается и бежит к книжному магазину. Там он прислоняется к стене дома и ждет, пока не успокоится сердцебиение.

В книжный магазин входит девушка, она останавливается перед Лукасом, улыбается:

— Вы не узнаете меня, Лукас?

— Я должен вас узнать?

— Агнес.

Лукас задумывается:

— К сожалению, не могу вспомнить, мадемуазель.

— Однако мы с вами старые друзья. Однажды я пришла к вам слушать музыку. Правда, в то время мне было всего шесть лет. Вы хотели сделать мне качели.

Лукас говорит:

— Я вспомнил. Вас послала ваша Тетя Леони.

— Да, совершенно верно. Теперь она умерла. Нынче за книгами с картинками для детей ясельного возраста меня послал директор завода.

— Вы работаете на фабрике? Вам еще нужно ходить в школу.

Агнес краснеет.

— Мне пятнадцать лет. Я ушла из школы в прошлом году. Я не работаю на фабрике, я воспитательница. Дети называют меня на «вы».

Лукас смеется:

— Я тоже называл вас на «вы».

Она протягивает Лукасу банкноту:

— Дайте мне книг и еще бумаги и цветных карандашей для рисования.

Агнес часто приходит. Она долго выбирает книги на полках, подсаживается к детям, читает с ними и рисует.

Когда Матиас видит ее в первый раз, он говорит Лукасу:

— Очень красивая женщина.

— Женщина? Но это всего лишь девчонка.

— У нее грудь, значит, она не девчонка.

Лукас смотрит на обтянутую красной блузкой грудь Агнес.

— Ты прав, Матиас, у нее грудь. Я этого не заметил.

— Волосы тоже не заметил? У нее очень красивые волосы. Смотри, как они блестят на солнце.

Лукас смотрит на длинные русые волосы Агнес, которые блестят от света. Матиас продолжает:

— Посмотри, какие у нее черные ресницы.

Лукас говорит:

— Это тушь.

— А рот.

— Это помада. В ее возрасте не надо краситься.

— Ты прав, Лукас. Без косметики она тоже была бы красивая.

Лукас смеется:

— А тебе в твоем возрасте не надо бы смотреть на девушек.

— На девиц из моего класса я не смотрю. Они глупые и некрасивые.

Агнес встает и поднимается на стремянку, чтобы взять книгу. На ней очень короткая юбка, видны ее резинки и черные чулки, на которых спущена одна петля. Когда она это замечает, то слюнявит палец и пытается слюнями склеить чулок. Для этого ей приходится нагнуться, и тогда становятся видны детские белые трусики в красный цветочек.

Однажды вечером она остается до закрытия магазина. Она говорит Лукасу:

— Я помогу вам убрать. Лукас говорит:

— Убирает Матиас. Он прекрасно с этим справляется.

Матиас говорит Агнес:

— Если вы мне поможете, то получится быстрее, и я успею вам сделать блинчики с вареньем, если вы их любите.

Агнес говорит:

— Блинчики с вареньем любят все.

Лукас поднимается к себе. Через некоторое время его зовет Матиас:

— Лукас, иди есть.

Они едят на кухне блины с вареньем, пьют чай. Лукас молчит, Агнес и Матиас все время смеются. После ужина Матиас говорит:

— Нужно проводить Агнес. Уже темно.

Агнес говорит:

— Я могу дойти домой одна. Я не боюсь темноты.

Лукас говорит:

— Пойдемте. Я провожу вас.

Перед своим домом Агнес спрашивает:

— Вы не зайдете?

— Нет.
— Почему?
— Вы совсем ребенок, Агнес.
— Нет, я уже не ребенок. Я женщина. Вы не первый, кто входит ко мне в комнату. Родителей нет дома. Они на работе. И даже если б они были дома... У меня своя собственная комната и я делаю там, что хочу.
Лукас говорит:
— Спокойной ночи, Агнес. Мне пора идти. Агнес говорит:
— Я знаю, куда вы ходите. Туда, в конец улочки, к дешевым проституткам.
— Совершенно верно. Но вас это не касается. На следующий день Лукас говорит Матиасу:
— Прежде чем приглашать кого-нибудь к нам на ужин, ты мог бы спросить мое мнение.
— Агнес тебе не нравится? Жаль. Она в тебя влюблена. Это видно. Это из-за тебя она так часто приходит.
Лукас говорит:
— У тебя богатое воображение, Матиас.
— Ты не хотел бы на ней жениться?
— Жениться? Что за идея! Нет, конечно нет.
— Почему? Ты еще ждешь Ясмину? Она больше не вернется.
Лукас говорит:
— Я ни на ком не хочу жениться.

* * *

Стоит весна. Дверь, выходящая в сад, открыта. Матиас занимается растениями и животными. У него есть белый кролик, несколько кошек и черная собака, которую подарил ему Иозеф. Он с нетерпением ждет, когда из яиц, которые высиживает в курятнике одна курица, вылупятся цыплята. Лукас наблюдает за залом, где дети, поглощенные чтением, склонились над книгами.

Один маленький мальчик поднимает глаза и улыбается Лукасу. У него русые волосы, голубые глаза, он пришел сюда в первый раз.

Лукас не может отвести глаз от этого мальчика. Он садится за прилавок, открывает книгу и продолжает смотреть на неизвестного

мальчика. Внезапная острая боль пронзает его левую руку, лежащую на книге. В тыльную сторону этой руки воткнут циркуль. Наполовину парализованный от острой боли, Лукас медленно поворачивается к Матиасу:

— Зачем ты это сделал?

Матиас, стиснув зубы, шепчет:

— Я не хочу, чтоб ты на него смотрел!

— Я ни на кого не смотрю.

— Смотришь! Не ври! Я видел, как ты на него смотрел. Я не хочу, чтоб ты смотрел на него вот так!

Лукас вытаскивает циркуль, прижимает к ране носовой платок:

— Я поднимусь прижечь рану.

Когда он спускается, детей больше нет, Матиас спустил на двери железную штору:

— Я им сказал, что сегодня мы закрываемся раньше.

Лукас берет Матиаса на руки, несет его в жилые комнаты, укладывает на свою кровать:

— Что с тобой, Матиас?

— Зачем ты смотрел на этого русого мальчика?

— Он мне напомнил одного человека.

— Которого ты любил?

— Да, моего брата.

— Ты не должен любить никого, кроме меня, даже своего брата.

Лукас молчит, мальчик продолжает:

— Незачем быть умным. Лучше быть красивым и светловолосым. Если б ты женился, у тебя могли бы родиться такие дети, как этот русский мальчик, как твой брат. У тебя были бы по-настоящему твои дети, красивые, светловолосые, без физических недостатков. Я не твой сын. Я сын Ясмину.

Лукас говорит:

— Ты мой сын. Я не хочу других детей. Он показывает свою забинтованную руку:

— Знаешь, ты сделал мне больно? Мальчик говорит:

— Ты тоже сделал мне больно, только ты этого не знаешь.

Лукас говорит:

— Я не хотел делать тебе больно. Я хочу, чтобы ты понял одну вещь, Матиас: единственный, кто мне дорог на свете, — это ты.

Мальчик говорит:

— Я тебе не верю. Одна Ясмину любила меня по-настоящему, и она

умерла. Я тебе много раз это говорил.

— Ясмина не умерла. Она просто уехала.

— Она не ушла бы без меня, значит, она умерла. — Мальчик добавляет: — Нужно закрыть читальный зал. И зачем было открывать читальный зал?

— Я сделал это для тебя. Я думал, так ты найдешь себе друзей.

— Не нужны мне друзья. Я не просил тебя открывать читальню. Я, наоборот, прошу тебя ее закрыть.

Лукас говорит:

— Я ее закрою. Завтра вечером скажу детям, что пока хорошая погода, они могут читать и рисовать на улице.

Маленький русский мальчик возвращается назавтра. Лукас не смотрит на него. Он пристально рассматривает строчки, буквы книги. Матиас говорит:

— Ты боишься взглянуть на него? А ведь тебе так этого хочется. Ты уже пять минут как не переворачиваешь страницу своей книги.

Лукас закрывает книгу и прячет лицо в ладонях.

Агнес входит в книжный магазин. Матиас бежит ей навстречу, она целует его. Матиас спрашивает:

— Почему вы перестали к нам приходить?

— У меня не было времени. Я училась на курсах воспитателей в соседнем городе. Я очень редко возвращалась домой.

— Но теперь вы останетесь здесь, в нашем городе?

— Да.

— Придете к нам сегодня вечером есть блины?

— Я бы с удовольствием, но я не могу оставить младшего брата. Наши родители работают.

Матиас говорит:

— Приводите с собой своего младшего брата. Блинов хватит на всех. Я пойду наверх поставлю тесто.

— А я за тебя уберу в магазине.

Матиас поднимается в квартиру, Лукас говорит детям:

— Вы можете взять те книги, что лежат на столах. Бумагу тоже, и каждому по коробке цветных карандашей. Не надо сидеть здесь взаперти, когда такая хорошая погода. Идите читать и рисовать в скверы или в садики возле ваших домов. Если вам что-нибудь понадобится, вы можете прийти ко мне и попросить.

Дети выходят, и только маленький русский мальчик продолжает тихо сидеть на своем месте. Лукас ласково спрашивает у него:

— А ты? Ты не идешь домой?

Мальчик не отвечает. Лукас оборачивается к Агнес:

— Я не знал, что это ваш брат. Я ничего о нем не знал.

— Он очень застенчивый. Его зовут Самюэль. Это я посоветовала ему приходить сюда, раз он немного научился читать. Это наш младшенький. Мой брат Симон уже пять лет работает на фабрике. Он водит грузовую машину.

Русый мальчик встает и берет сестру за руку:

— Мы пойдем к дяденьке есть блины? Агнес говорит:

— Да, пойдем наверх. Нужно помочь Матиасу.

Они поднимаются по лестнице, ведущей в жилые комнаты. В кухне Матиас мешает тесто для блинов. Агнес говорит:

— Матиас, познакомься с моим младшим братом. Его зовут Самюэль. Вы могли бы стать друзьями, вы примерно одного возраста.

Глаза у Матиаса становятся круглыми, он роняет деревянную ложку, выходит из кухни. Агнес оборачивается к Лукасу:

— Что случилось? Лукас говорит:

— Матиас, наверно, пошел за чем-нибудь в спальню. Начинай жарить блины, Агнес, я сейчас вернусь.

Лукас входит в комнату Матиаса. Мальчик лежит на застланной постели, он говорит:

— Оставь меня в покое. Я хочу спать.

— Ты же их пригласил, Матиас. Это невежливо.

— Я пригласил Агнес. Я не знал, что он ее брат.

— Я тоже не знал. Постарайся, сделай это ради Агнес. Ты ведь любишь Агнес, Матиас?

— А ты любишь ее брата. Когда я увидел, как вы входите в кухню, я понял, какой должна быть настоящая семья. Красивые светловолосые родители и красивый светловолосый ребенок. А у меня нет семьи. У меня — ни отца, ни матери, я не русский, я урод и калека.

Лукас прижимает его к себе:

— Матиас, мальчик мой. Ты — вся моя жизнь. Матиас улыбается:

— Ладно, пошли есть.

В кухне накрыт стол, и посреди него стоит высокая гора блинов.

Агнес много говорит, часто встает и наливает чай. Она успевает ухаживать и за своим братом, и за Матиасом.

— Тебе варенья? Сыра? Шоколада?

Лукас наблюдает за Матиасом. Он ест мало и не отрываясь смотрит на светловолосого мальчика. Мальчик ест много; когда его глаза встречаются

взгляд Лукаса, он улыбается, он улыбается сестре, когда та ему что-нибудь предлагает, но когда его голубые глаза встречаются с черным взглядом Матиаса, он опускает глаза.

Агнес моет с Матиасом посуду. Лукас поднимается к себе в комнату. Потом Матиас зовет его:

— Нужно проводить домой Агнес и ее брата.

Агнес говорит:

— Мы не боимся возвращаться одни.

Матиас настаивает:

— Это вопрос вежливости. Отведи их домой.

Лукас провожает их. Он желает им спокойной ночи и садится на скамейку в сквере полуночника.

Полуночник говорит:

— Сейчас половина четвертого. В одиннадцать часов мальчик зажег огонь у себя в комнате. Я взял на себя смелость и заговорил с ним, хотя это и не в моих привычках. Я боялся, как бы не вышло пожара. Я спросил у мальчика, что он делает, он сказал, чтобы я не беспокоился, он просто сжигает в жестяном ведре перед окном старые школьные тетрадки. Я спросил у него, почему он не жжет свои бумаги в кухонной плите, он ответил, что ему не хочется из-за этого ходить на кухню. Вскоре после этого огонь погас, и я больше не видел мальчика и не слышал никакого шума.

Лукас поднимается по лестнице, входит в спальню, потом в комнату мальчика. Перед окном стоит жестяное ведро, в нем пепел и сгоревшая бумага. Кровать мальчика пуста. На подушке лежит синяя тетрадь, она закрыта. На белой наклейке написано: «ТЕТРАДЬ МАТИАСА». Лукас открывает тетрадь. Перед ним только пустые страницы и следы вырванных листов. Лукас отодвигает темно-красный занавес. Рядом со скелетами матери и младенца висит маленькое уже посиневшее тело Матиаса.

Полуночник слышит протяжный вопль. Он спускается на улицу, звонит в дверь Лукаса. Ему никто не отвечает. Старик поднимается по лестнице, входит в комнату Лукаса, замечает другую дверь, открывает ее. Лукас лежит на кровати и прижимает к груди тело ребенка.

— Лукас?

Лукас не отвечает, его глаза широко открыты и устремлены в потолок. Полуночник снова выходит на улицу, идет к Петеру и звонит в дверь. Петер открывает окно:

— Что происходит, Михаэль?

— Вы нужны Лукасу. Случилось большое несчастье. Пойдемте.

— Возвращайтесь домой, Михаэль. Я обо всем позабочусь.

Он поднимается к Лукасу. Он видит жестяное ведро, два тела, лежащие на кровати. Он отодвигает занавес, находит скелеты и на том же крючке обрезанный бритвой кусок веревки. Он возвращается к кровати, тихонько отодвигает тело ребенка и бьет Лукаса по щекам:

— Очнитесь!

Лукас закрывает глаза, Петер трясет его:

— Скажите мне, что произошло!

Лукас говорит:

— Это Ясмина. Она отобрала его у меня.

Петер говорит жестко:

— Никогда не повторяйте этих слов никому, кроме меня, Лукас. Вы поняли? Смотрите мне в глаза!

Лукас смотрит Петеру в глаза:

— Да, я понял. Что я теперь должен делать, Петер?

— Ничего. Лежите в постели. Я принесу вам успокоительное. И позабочусь обо всех формальностях.

Лукас прижимает к себе тело Матиаса:

— Спасибо, Петер. Мне не нужно успокоительное.

— Не нужно? Тогда хотя бы попробуйте заплакать. Где ваши ключи?

— Не знаю. Может быть, остались во входной двери.

— Я запру вас. Вы не должны выходить на улицу в таком состоянии. Я вернусь.

Петер берет на кухне мешок, снимает скелеты, засовывает их в мешок и уносит к себе.

Лукас и Петер идут за тачкой Иозефа, на которой стоит гроб мальчика.

На кладбище могильщик сидит на куче земли и ест сало с луком.

Матиаса хоронят в могиле Бабушки и Дедушки Лукаса.

Когда могильщик забрасывает могилу, Лукас сам ставит на ней крест с надписью «Матиас» и двумя датами. Мальчик прожил семь лет и четы ре месяца.

Иозеф спрашивает:

— Отвезти вас домой, Лукас?

Лукас говорит:

— Идите домой, Иозеф, и спасибо вам. Спасибо за все.

— Незачем вам здесь оставаться.

Петер говорит:

— Пойдемте, Иозеф. Я иду с вами.

Лукас слышит, как тележка отъезжает. Он садится возле могилы. Поют птицы.

Тихо проходит одетая в черное женщина и кладет к подножию креста букет фиалок.

Позже возвращается Петер. Он трогает Лукаса за плечо:

— Пойдемте. Скоро наступит ночь. Лукас говорит:

— Я не могу оставить его здесь одного ночью. Он боится темноты. Он еще такой маленький.

— Нет, теперь он больше не боится. Пойдемте, Лукас.

Лукас встает, пристально смотрит на могилу:

— Надо было дать ему уйти вместе с матерью. Я совершил смертельную ошибку, Петер, желая любой ценой оставить у себя ребенка.

Петер говорит:

— Каждый из нас совершает в своей жизни одну смертельную ошибку, а когда мы осознаем это, непоправимое уже случилось.

Они возвращаются в город. Перед книжным магазином Петер спрашивает:

— Вы хотите зайти ко мне или вам лучше вернуться домой?

— Мне лучше вернуться домой.

Лукас возвращается домой. Он садится за письменный стол, смотрит на закрытую дверь в комнату мальчика, открывает школьную тетрадь, пишет:

«У Матиаса все в порядке. Он учится лучше всех в школе и больше не видит страшных снов».

Лукас закрывает тетрадь, выходит из дома, возвращается на кладбище и засыпает на могиле мальчика.

На рассвете полуночник приходит и будит его:

— Пойдемте, Лукас. Нужно открывать книжный магазин.

— Да, Михаэль.

Клаус приезжает поездом. Маленький вокзал не изменился, но теперь пассажиров здесь ждет автобус.

Клаус не садится на автобус, он идет пешком к центру города. Каштаны цветут, улица так же пустынна и тиха, как раньше.

На Главной площади Клаус останавливается. Большое трехэтажное здание возвышается на месте простых низких домиков. Это гостиница. Клаус входит в нее и спрашивает у дежурной:

— Когда была построена эта гостиница?

— Примерно десять лет назад, сударь. Вы хотите снять комнату?

— Я еще не знаю. Я вернусь через несколько часов. Не могли бы вы пока оставить у себя мой чемодан?

— С удовольствием.

Клаус снова пускается в путь, пересекает город, оставляет позади последние дома, вступает на неасфальтированную дорогу, ведущую к спортивной площадке. Клаус проходит площадку и садится в траву на берегу реки. Потом дети начинают играть в мяч. Клаус спрашивает у одного из них:

— Давно здесь эта спортивная площадка?

Мальчик пожимает плечами:

— Площадка? Она тут всегда была.

Клаус возвращается в город, поднимается к замку, потом идет на кладбище. Он долго ищет, но не находит могилы Бабушки и Дедушки. Он спускается назад в город, садится на скамейку на Главной площади, смотрит на людей, которые ходят по магазинам, возвращаются с работы, гуляют, ездят на велосипеде. Машин очень мало. Когда магазины закрываются, площадь пустеет, и Клаус снова возвращается в гостиницу.

— Я сниму комнату, барышня.

— На сколько дней?

— Еще не знаю.

— Вы не, могли бы дать мне ваш паспорт, сударь?

— Держите.

— Вы иностранец? Где вы так хорошо выучили наш язык?

— Здесь. Я провел детство в этом городе. Она смотрит на него:

— Тогда это было очень давно.

Клаус смеется:

— Я вам кажусь таким стариком?

Молодая женщина покраснела:

— Нет, нет, я не это хотела сказать. Я дам вам нашу лучшую комнату, гостиница почти вся пустая, туристский сезон еще не начался.

— У вас много туристов?

— Летом много. Рекомендую вам наш ресторан, сударь.

Клаус поднимается на второй этаж к себе в комнату. Оба окна выходят на площадь.

Клаус ужинает в пустом ресторане и поднимается к себе. Он открывает чемодан, перекладывает вещи в шкаф, пододвигает кресло к одному из окон и смотрит на пустынную улицу. На другой стороне площади старые дома уцелели. Они отреставрированы, покрашены в розовый, желтый, голубой, зеленый цвета. Первый этаж каждого из этих домов занят лавочкой или магазином: бакалея, сувениры, молочный магазин, книжный, «моды». Книжный магазин находится в голубом доме, где он находился еще тогда, когда Клаус был ребенком и приходил туда покупать бумагу и карандаши.

Назавтра Клаус снова идет на спортивную площадку, на кладбище, на вокзал. Когда он чувствует усталость, то заходит в кафе или садится в сквере. К концу дня он возвращается к Главной площади и входит в книжный магазин.

За прилавком сидит человек с седыми волосами и читает при свете настольной лампы. В магазине полумрак, нет ни одного покупателя. Человек с седыми волосами встает:

— Простите, я забыл зажечь свет.

Зал и витрины освещаются. Человек спрашивает:

— Вы что-нибудь хотите? Клаус говорит:

— Не беспокойтесь. Я просто смотрю.

Человек снимает очки:

— Лукас! Клаус улыбается:

— Вы знаете моего брата! Где он?

Мужчина повторяет:

— Лукас!

— Брат Лукаса. Мое имя Клаус.

— Не шутите, Лукас, прошу вас. Клаус достает из кармана паспорт:

— Посмотрите сами. Мужчина рассматривает паспорт:

— Это ничего не доказывает. Клаус говорит:

— К сожалению, у меня нет иного способа доказать вам, кто я такой. Я

Клаус Т. и ищу своего брата Лукаса. Вы с ним знакомы. Он наверняка говорил вам обо мне, о своем брате Клаусс.

— Да, он часто говорил мне о вас, но я, должен признаться, никогда не верил в ваше существование.

Клаус смеется:

— Когда я кому-нибудь рассказывал о Лукасе, мне тоже не верили. Смешно, вы не находите?

— Нет, не особенно. Давайте присядем вот здесь.

Он показывает на низкий столик и кресла в глубине магазина, возле стеклянной двери, распахнутой в сад.

— Если вы не Лукас, я должен представиться. Меня зовут Петер. Петер Н. Но если вы не Лукас, то почему вы зашли именно сюда?

Клаус говорит:

— Я приехал вчера вечером. Во-первых, я пошел к дому Бабушки, но он больше не существует. На его месте находится спортивная площадка. Я вошел сюда, потому что, когда я был ребенком, здесь тоже был книжный магазин. Мы часто заходили в него за бумагой и карандашами. Я до сих пор помню человека, который работал в нем. Бледный и тучный человек. Я надеялся здесь застать его.

— Виктор?

— Я не знаю его имени. Я никогда его не знал.

— Его звали Виктор. Он умер.

— Естественно. Уже тогда он был немолод.

— Конечно.

Петер смотрит, как сад погружается в сумерки. Клаус говорит:

— Я наивно полагал, что после стольких лет найду Лукаса в Бабушкином доме. Где он?

Петер продолжает смотреть в темноту:

— Не знаю.

— Кто-нибудь в этом городе может это знать?

— Нет, не думаю.

— Вы хорошо его знали?

Петер смотрит Клаусу прямо в глаза:

— Настолько, насколько можно кого-нибудь знать.

Петер перегибается через стол, сжимает Клаусу плечи:

— Хватит, Лукас, прекратите эту комедию! Зачем вам это нужно! Разве вам не стыдно так со мной поступать?

Клаус высвобождается, встает:

— Я вижу, что вы с Лукасом были очень близки.

Петер падает в кресло:

— Да, очень. Простите меня, Клаус. Я познакомился с Лукасом, когда ему было пятнадцать лет. В тридцать лет он исчез.

— Исчез? Вы хотите сказать, он уехал из этого города?

— Из этого города, а может быть, из страны. А сегодня он возвращается под другим именем. Мне всегда казалась глупой эта игра с вашими именами.

— У нашего Дедушки было двойное имя Клаус-Лукас. Мать, очень привязанная к своему отцу, дала нам эти два имени. Перед вами не Лукас, Петер, а Клаус.

Петер встает:

— Хорошо, Клаус. В таком случае я должен передать вам то, что вручил мне ваш брат Лукас. Подождите меня.

Петер поднимается в квартиру и вскоре возвращается с пятью толстыми школьными тетрадями:

— Вот, держите. Они предназначены вам. Вначале их было гораздо больше, но он все время перечитывал их, исправлял, выбрасывал все, что не было необходимым. Если бы у него хватило времени, я думаю, он бы выбросил все.

Клаус качает головой:

— Нет не все. Он бы оставил главное. Для меня. Он берет тетради. Он улыбается:

— Наконец-то перед нами доказательство существования Лукаса. Спасибо, Петер. Их никто не читал?

— Кроме меня никто.

— Я остановился в гостинице напротив. Я вернусь.

* * *

Клаус читает всю ночь, иногда отрывается от страницы, смотрит на улицу.

Над книжным магазином два из трех окон квартиры долго остаются освещенными, третье окно темно.

Утром Петер поднимает железную штору магазина, Клаус ложится. Днем Клаус выходит из гостиницы, обедает в одном из людных кафе города, где в любое время дня подают горячую пищу.

Небо затянуто облаками. Клаус возвращается на спортивную площадку, садится на берегу реки. Он сидит там, пока не начинает темнеть и первые капли дождя не капают на землю. Когда Клаус возвращается на Главную площадь, книжный магазин закрыт. Клаус звонит во входную дверь. Петер высовывается из окна:

— Дверь не закрыта. Я ждал вас. Поднимайтесь.

Клаус застаёт Петера на кухне. На плите дымятся кастрюли. Петер говорит:

— Ужин еще не готов. У меня есть водка. Хотите?

— Да. Я прочел тетради. Что случилось потом? После смерти мальчика?

— Ничего. Лукас продолжал работать. Он открывал магазин утром, закрывал вечером. Он обслуживал покупателей молча. Он почти перестал говорить. Некоторые думали, что он немой. Я часто навещал его, мы молча играли в шахматы. Он играл плохо. Он перестал читать, писать. Думаю, он ел очень мало и почти не спал. В его комнате свет горел всю ночь, но его там не было. Он бродил по темным улицам города и по кладбищу. Он говорил, что идеальное место для сна — это могила какого-нибудь любимого человека.

Петер встает, разливает водку. Клаус говорит:

— А что было потом? Продолжайте, Петер.

— Хорошо. Пять лет спустя, во время строительства спортивной площадки, мне стало известно, что обнаружили труп женщины, зарытый на берегу реки, около дома Бабушки. Я предупредил об этом Лукаса. Он поблагодарил меня и на следующий день исчез. С тех пор никто его не видел. Он положил на письменный стол письмо, в котором оставлял мне дом и книжный магазин. Видите ли, Клаус, самое грустное в этой истории то, что тело Ясины так и не было идентифицировано. Власти закрыли дело. Со времени революции и войны в земле этой несчастной страны полно трупов, и этот труп мог принадлежать любой женщине, которая попыталась перейти границу и подорвалась на mine. Лукаса бы не стали допрашивать.

Клаус говорит:

— Теперь он мог бы вернуться. За истечением срока давности.

— Да, я думаю, двадцать лет считаются сроком давности.

Петер смотрит Клаусу в глаза:

— Вот именно, Клаус. Теперь Лукас мог бы вернуться.

Клаус выдерживает взгляд Петера:

— Да, Петер. Возможно, Лукас вернется.

— Говорят, он скрывается в лесу и после наступления ночи приходит и бродит по улицам города. Но это только слухи.

Петер качает головой:

— Пойдемте ко мне в комнату, Клаус. Я покажу вам записку Лукаса.

Клаус читает:

Я оставляю дом и книжный магазин в том же доме Петеру Н. - при условии, если они будут сохраняться е, — до моего возвращения или, если его не произойдет, до возвращения моего брата Клауса Т.

Подпись: Лукас Т.

Петер говорит:

— Это он подчеркнул слова «в том же виде». Теперь, кто бы вы ни были: Клаус или Лукас, этот дом принадлежит вам.

— Ну что вы, Петер, я приехал ненадолго, у меня виза только на тридцать дней. Я гражданин другой страны, а, как вы знаете, ни один иностранец не может иметь здесь собственность.

Петер говорит:

— Но вы можете принять деньги, являющиеся доходом от книжного магазина, — уже двадцать лет я ежемесячно откладываю их в банк.

— На что же вы живете?

— Я получаю пенсию как чиновник и сдаю дом Виктора. Я занимаюсь книжным магазином только ради вас двоих. Я тщательно веду счета, вы можете проверить.

Клаус говорит:

— Спасибо, Петер. Мне не нужны деньги и мне совершенно не хочется проверять ваши счета. Я приехал только для того, чтобы увидеть брата.

— Почему вы ему никогда не писали?

— Мы решили расстаться. Разлука должна была быть полной. Границы было недостаточно, нужно было еще молчание.

— И все же вы вернулись. Зачем?

— Испытание длилось достаточно. Я усталый, больной человек. Я хочу снова увидеть Лукаса.

— Вы прекрасно знаете, что вы его не увидите.

Из соседней комнаты раздается женский голос:

— У нас кто-то есть? Кто это, Петер? Клаус смотрит на Петера:

— У вас есть жена? Вы женились?

— Нет, это Клара.

— Клара? Она не умерла?

— Да, все думали, что она погибла. Но она просто была в тюрьме. Вскоре после исчезновения Лукаса она вернулась. У нее не было ни денег, ни работы. Она искала Лукаса, я взял ее к себе, то есть сюда. Она живет в маленькой комнате, в комнате мальчика. Я забочусь о ней. Вы хотите ее увидеть?

— Да, я хотел бы ее увидеть.

Петер открывает дверь в комнату. Клара сидит в кресле-качалке около окна, ноги ее укрыты одеялом, на плечах шаль. Она держит книгу, но не читает. Ее взгляд затерялся в открытом окне. Она раскачивается.

Клаус говорит:

— Добрый вечер, Клара.

Клара не смотрит на него, она декламирует ровным голосом:

— Как всегда идет дождь. Мелкий холодный дождь, он падает на дома, на деревья, на могилы. Когда они ко мне приходят, дождь струится по их бесплотным лицам. Они смотрят на меня, и холод становится сильнее. Стены не защищают меня от него. Стены никогда не могли меня защитить. Их надежность — только иллюзия, их белизна — сплошная грязь.

Ее голос внезапно меняется:

— Я голодна, Петер! Когда мы будем есть? Вы вечно опаздываете с едой.

Петер возвращается на кухню, Клаус говорит:

— Это я, Клара.

— Это ты?

Она смотрит на Клауса, протягивает ему руки. Он встает перед ней на колени, обнимает ее ноги, кладет голову ей на колени. Клара гладит его по волосам. Клаус берет ладонь Клары, прижимает ее к своей щеке, к губам. Ладонь высохшая, худая, она покрыта старческими пятнами.

Она говорит:

— Ты оставил меня одну надолго, слишком надолго, Томас.

Слезы текут у нее по щекам. Клаус вытирает их своим носовым платком:

— Я не Томас. Вы совершенно не помните Лукаса?

Клара закрывает глаза, качает головой:

— Ты не изменился, Томас. Ты немного постарел, но ты все тот же. Поцелуй меня.

Она улыбается, обнажая беззубый рот.

Клаус отступает назад, встает. Он идет к окну, смотрит на улицу.

Главная площадь пуста и темна под дождем. Только освещенный вход в Большую Гостиницу выступает из темноты.

Клара снова начинает раскачиваться:

— Уходите. Кто вы такой? Что вы делаете у меня в комнате? Почему Петер не идет? Мне нужно поесть и ложиться спать. Уже поздно.

Клаус выходит из комнаты Клары, приходит к Петеру на кухню:

— Клара просит есть.

Петер относит Кларе поднос с едой. Когда он возвращается, то говорит:

— Она очень внимательно относится к еде. Я отношу ей поднос с едой три раза в день. К счастью, благодаря лекарствам она много спит.

— Она для вас тяжелая обуза.

Петер раскладывает по тарелкам рагу с макаронами:

— Нет, не очень. Она мне не мешает. Она обращается со мной, как со слугой, но мне это безразлично. Ешьте, Клаус.

— Я не голоден. Она никогда не выходит на улицу?

— Клара? Нет. Ей не хочется и, в любом случае, она бы заблудилась. Она много читает и любит смотреть на небо.

— А полуночник? Он должен был жить напротив, там, где сейчас находится гостиница.

Петер встает:

— Да, как раз там. Я тоже не голоден. Давайте выйдем на улицу.

Они идут по улице. Петер показывает на один дом:

— Я в то время жил здесь. На втором этаже. Если вы не устали, я могу вам также показать дом, где жила Клара.

— Я не устал.

Петер останавливается перед одноэтажным домом на Вокзальной улице:

— Вот здесь. Этот дом скоро снесут, как почти все дома на этой улице. Они слишком старые, в них нет удобств.

Клаус вздрагивает:

— Давайте вернемся. Я замерз.

Они расстаются перед входом в гостиницу. Клаус говорит:

— Я несколько раз ходил на кладбище, но не нашел могилы Бабушки.

— Я завтра покажу вам ее. Приходите в книжный магазин в шесть часов вечера. Еще будет светло.

В заброшенной части кладбища Петер втыкает в землю зонтик:

— Вот здесь эта могила.

— Как вы можете знать наверняка? Здесь одни сорняки, нет даже креста. Ничего нет. Вы можете ошибиться.

— Ошибиться? Знали бы вы сколько раз я приходил сюда за вашим братом Лукасом. И позже, когда его уже не было. Это место стало для меня целью почти ежедневной прогулки.

Они возвращаются в город. Петер занимается Кларой, потом они пьют водку в бывшей комнате Лукаса. Дождь падает на подоконник, капает в комнату. Петер идет за тряпкой, чтобы подтереть воду.

— Расскажите мне о себе, Клаус.

— Мне нечего сказать.

— Там у вас жизнь проще?

Клаус пожимает плечами:

— Это общество, основанное на деньгах. Там нет места вопросам, касающимся жизни. Я прожил тридцать лет в смертельном одиночестве.

— У вас никогда не было жены, детей?

Клаус смеется:

— Женщины были. Много женщин. Детей не было. — Помолчав, он спрашивает: — Что вы сделали со скелетами, Петер?

— Повесил их назад. Вы хотите их увидеть?

— Не нужно беспокоить Клару.

— Мы не будем заходить к ней в комнату. Есть другая дверь. Вы не помните об этом?

— Как я могу об этом помнить?

— Вы могли бы заметить ее, когда проходили мимо. Это первая дверь слева на площадке второго этажа.

— Нет, я ее не заметил.

— Правда, эта дверь сливается с обивкой стены.

Они вошли в небольшое помещение, отделенное от комнаты Клары тяжелым занавесом.

Петер зажигает карманный фонарик, освещает скелеты.

Клаус шепотом говорит:

— Их трое. Петер говорит:

— Вы можете говорить обычным голосом. Клара не проснется. Она принимает сильное снотворное. Я забыл сказать вам, что Лукас вырыл тело Матиаса через два года после погребения. Он объяснил мне, что так для него проще, он устал ночевать на кладбище, чтобы мальчику не было страшно.

Петер освещает тюфяк, лежащий под скелетами:

— Он спал здесь.

Кlaus дотрагивается до тюфяка и лежащего сверху серого армейского одеяла:

— Здесь тепло.

— Что вы надумали, Klaus?

— Я хотел бы, если вы не против, Петер, поспать здесь хотя бы одну ночь.

— Вы у себя дома

.

Протокол допроса, составленный властями города К. и направленный в посольство Д.

Содержание: Запрос о репатриации вашего гражданина Клауса Т., в настоящий момент пребывающего в тюрьме города К.

Клаус Т., пятидесяти лет, обладает действительным заграничным паспортом с тридцатидневной туристической визой, прибыл в наш город второго апреля настоящего года. Он снял комнату в единственной гостинице города, Большой Гостинице, расположенной на Главной площади.

Клаус Т. провел три недели в гостинице, вел себя как турист, гулял по городу, посещал исторические места, питался в ресторане гостиницы или в одном из людных кафе города.

Клаус Т. часто заходил в книжный магазин напротив гостиницы за бумагой и карандашами. Зная язык нашей страны, он охотно беседовал с хозяйкой книжного магазина, мадам В., а также с другими лицами в общественных местах.

По истечении трех недель Клаус Т. попросил у мадам В. сдать ему две комнаты над книжным магазином, на месяц. Поскольку он предложил солидную сумму, госпожа В. уступила ему свою квартиру, а сама поехала жить к своей дочери, проживающей неподалеку.

Клаус Т. трижды запрашивал о продлении визы, и получал его без затруднений. На четвертый же его запрос о продлении визы в августе месяце последовал отказ. Клаус Т. совершенно с этим не посчитался, и из-за халатности наших служащих так продолжалось до октября месяца. 30

октября в ходе обычной проверки документов сотрудники нашей местной полиции констатировали, что документы Клауса Т. недействительны.

К этому моменту у Клауса Т. кончились деньги. Он задолжал госпоже Б. квартплату за два месяца, почти ничего не ел, ходил по бистро и играл на губной гармошке. Пьяницы давали ему выпить, госпожа Б. каждый день приносила ему немного супа.

В ходе допроса Клаус Т. заявил, что родился в нашей стране, что провел детство в нашем городе, у бабушки, и заявил, что хочет остаться здесь до возвращения своего брата Лукаса Т. Вышеуказанный Лукас Т. не значится ни в одной домовоей книге города К. Клаус Т. тоже.

Мы просим вас оплатить прилагающийся счет (штраф, судебные издержки, квартплата госпожи Б.) и репатриировать Клауса Т. под вашу ответственность.

Подпись

по поручению властей города К.: И. С.

Post- scriptum:

Естественно, в целях безопасности мы изучили рукопись, находящуюся в распоряжении Клауса Т. Он утверждает, что эта рукопись доказывает существование его брата Лукаса, который будто бы написал ее большую часть, тогда как он, Клаус, добавил только последние страницы, главу восемь. Но почерк совершенно одинаковый от начала до конца, и листы бумаги не обнаруживают признаков старения. Весь текст написан одновременно, одним и тем же человеком, в период времени, не превышающий шести месяцев, то есть самим Клаусом Т. во время его пребывания в нашем городе.

Что касается содержания текста, то речь идет о вымысле, так как ни описанные события, ни действующие лица никогда не существовали в городе К., за исключением одного лица, а именно так называемой бабушки Клауса Т., следы которой мы обнаружили. Эта женщина действительно владела домом на месте теперешней спортивной площадки. Она умерла тридцать пять лет назад, не оставив наследников, и фигурирует в наших архивах под именем Марии З., в замужестве В.

Возможно, в годы войны ей назначалось опекуновство над одним или двумя детьми.

ТРЕТЯ ЛОЖЬ

Часть первая

Я нахожусь в тюрьме в Маленьком Городе, где прошло мое детство.

Тюрьма не настоящая, это просто камера в здании местной полиции, в таком же двухэтажном доме, как и все остальные дома в городе.

В моей камере, видимо, раньше находилась котельная, дверь и окно выходят во двор. Оконная решетка приварена изнутри так, что невозможно дотянуться до окна и разбить его. Унитаз скрыт за занавеской. Возле одной из стен стоят прибитые к полу стол и четыре стула, на противоположной стене четыре откидные койки. Три из них подняты к стене.

Я в камере один. В городе случается очень мало преступлений, и как только кого-нибудь ловят, сразу везут в соседний город — столицу области, находящуюся в двадцати километрах отсюда.

Я не преступник. Я здесь только потому, что мои документы не в порядке, истек срок визы. И еще я наделал долгов.

Утром сторож приносит мне завтрак — молоко, кофе, хлеб. Я пью кофе и иду принимать душ. Сторож доедает мой завтрак и убирает у меня в камере. Дверь остается открытой, при желании я могу выйти во двор. Двор окружен высокими стенами, поросшими плющом и диким виноградом. За одной из стен, слева от моей камеры, находится двор школы. Я слышу, как на переменах дети смеются, играют и кричат. Когда я был ребенком, там уже находилась школа, я это помню, хотя никогда в школу не ходил, зато тюрьма тогда была в другом месте, это я тоже помню, потому что один раз побывал в ней.

В течение часа, утром и вечером, я гуляю по двору. Эта привычка у меня с детства, с тех пор как в пятилетнем возрасте мне пришлось заново учиться ходить.

Прогулки раздражают сторожа, потому что в это время я молчу и не отвечаю на вопросы.

Сложив руки за спиной и глядя в землю, я иду вперед, потом поворачиваю, дойдя до угла стены. Двор вымощен булыжником, но между камнями пробивается трава.

Форма двора почти квадратная. Пятнадцать шагов в длину, тринадцать в ширину. Если предположить, что мой шаг равен метру, то площадь двора составляет сто девяносто пять квадратных метров. Но мои шаги наверняка короче.

Посреди двора стоит круглый стол с двумя садовыми стульями, к дальней стене прислонена деревянная скамья.

Сев на эту скамью, я могу увидеть самый большой кусок неба моего детства.

В первый же день хозяйка книжного магазина навестила меня и принесла мои вещи и овощной суп. С тех пор она приходит каждый день, около полудня, и приносит суп. Я говорю ей, что меня хорошо кормят, сторож два раза в день приносит из ближайшего ресторана поднос с едой, но она продолжает носить мне суп. Я из вежливости немного съедаю, потом отдаю кастрюлю сторожу, который доедает остальное.

Я прошу у хозяйки книжного магазина прощения за оставленный у нее в квартире беспорядок.

Она говорит:

— Какое это имеет значение? Мы с дочкой уже все прибрали. Больше всего там было бумаги. Я сожгла скомканные листы бумаги и то, что было в мусорной корзине. Остальное я сложила на стол, но полиция все забрала.

Помолчав, я говорю:

— Я должен вам еще за два месяца. Она смеется:

— Я с вас слишком дорого брала за такую маленькую квартиру. Но если вы обязательно хотите рассчитаться со мной, можете это сделать, когда приедете в следующий раз. Может быть, через год.

Я говорю:

— Вряд ли я смогу вернуться. Вам заплатит мое посольство.

Она спрашивает, нужно ли мне что-нибудь, я отвечаю:

— Да, бумага и карандаши. Но у меня совсем нет денег.

Она говорит:

— Как я сама не догадалась?

Назавтра она опять приносит суп, пачку бумаги в клетку и карандаши. Я говорю ей:

— Спасибо. Посольство вернет вам деньги за все.

Она говорит:

— Вы все время говорите о деньгах. Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом. Например, что вы пишете?

— Это совершенно неинтересно. Она настаивает:

— Мне только хочется знать, пишете ли вы о том, что было в действительности, или выдумываете.

Я отвечаю ей, что пытаюсь писать, как все было в действительности, но в какой-то момент рассказ становится невыносимым именно в силу своей правдивости, и тогда приходится исправлять. Я говорю, что пытаюсь

рассказывать свою жизнь, но не получается, не хватает мужества, мне слишком больно. Тогда я начинаю приукрашивать, описываю вещи не так, как они происходили, а так, как мне хотелось бы, чтобы они произошли.

Она говорит:

— Да. Бывает, что жизнь грустнее самых грустных книг.

Я говорю:

— Вот именно. Какой бы грустной ни была книга, она не может быть такой же грустной, как жизнь.

Помолчав, она спрашивает:

— Вы хромаете после какого-то несчастного случая?

— Нет, это из-за перенесенной в детстве болезни.

Она добавляет:

— Хромота почти незаметна.

Я смеюсь.

* * *

Мне снова есть чем писать, но нечего пить и курить, кроме тех двух-трех сигарет, которые дает мне сторож после обеда. Я прошу свидания с офицером полиции, он сразу же меня принимает. Его кабинет на втором этаже. Я поднимаюсь по лестнице. Сажусь на стул напротив офицера. У него рыжие волосы, и лицо покрыто веснушками. На столе перед ним незаконченная шахматная партия. Офицер смотрит на доску, выдвигает пешку, записывает ход в блокнот и переводит на меня свой бледно-голубой взгляд:

— Что вам нужно? Следствие еще не закончено. Пройдет еще несколько недель, может быть, месяц.

Я говорю:

— Я не спешу. Мне здесь очень хорошо. Только не хватает некоторых мелочей.

— Например?

— Не могли бы вы добавить к расходам на мое содержание литр вина и две пачки сигарет в день? Посольство не станет возражать.

Он говорит:

— Не станет. Но это повредит вашему здоровью.

Я говорю:

— Вы знаете, что может случиться с алкоголиком, которого внезапно лишили спиртного?

Он говорит:

— Не знаю. И знать не хочу. Я говорю:

— Я могу впасть в белую горячку. Я могу с минуты на минуту умереть.

— Вы шутите.

Он опускает взгляд на доску. Я говорю ему:

— Черный конь.

Он продолжает пристально смотреть на доску:

— Почему? Я не вижу.

Я выдвигаю коня. Он записывает ход к себе в блокнот. Долго думает. Берется за ладью.

— Нет!

Он ставит ладью на место, смотрит на меня:

— Вы хорошо играете?

— Не знаю. Давно не пробовал. Но все равно я играю лучше вас.

Он становится краснее своих веснушек:

— Я начал учиться всего три месяца назад. И меня некому учить. Вы не могли бы давать мне уроки?

Я говорю:

— С удовольствием. Только не сердитесь, если я буду выигрывать.

Он говорит:

— Выигрывать для меня не главное. Больше всего я хочу научиться.

Я встаю:

— Приходите ко мне, когда хотите, и приносите шахматы. Лучше всего утром. В это время суток ум яснее, чем днем или вечером.

Он говорит:

— Спасибо.

Он снова опускает взгляд на доску, я жду, кашляю.

— А как же вино и сигареты?

Он говорит:

— Никаких проблем. Я распоряжусь. Вы получите сигареты и вино.

Я выхожу из кабинета офицера. Спускаюсь вниз, выхожу во двор. Я сажусь на скамью. В этом году осень очень теплая. Солнце садится, небо окрашивается в оранжевый, желтый, фиолетовый, красный и в другие цвета, для которых нет названий.

Почти каждый день я часа по два играю в шахматы с офицером. Партии затягиваются надолго, офицер много думает, записывает все ходы и

всегда проигрывает.

Днем я еще играю в карты со сторожем, после того как хозяйка книжного магазина собирает свое вязанье и идет открывать книжный магазин. Карточные игры в этой стране не похожи ни на какие другие. Хотя они и просты по сути, и рассчитаны в основном на везение, я постоянно проигрываю. Мы играем на деньги, но поскольку у меня денег нет, сторож записывает мой долг на доску. После каждой партии он громко смеется и повторяет:

— У меня рога! У меня рога!

Он недавно женился, его жена через несколько месяцев родит. Он часто говорит:

— Если родится мальчик, а вы еще не выйдете, я прощу вам долг.

Он часто говорит о своей жене, о том, какая она красивая, особенно теперь, когда она располнела, и грудь и задница у нее стали почти в два раза больше. Он также подробно рассказывает мне про их знакомство, «жениховство», прогулки по лесу, о том, как она противилась, о том, как он одержал верх, о спешной свадьбе, которую нельзя было отложить из-за наметившегося ребенка.

Но еще с большими подробностями и с еще большим удовольствием он рассказывает про вчерашний ужин. О том, как жена его готовила, что она положила, как и сколько времени варила, потому что «чем наваристей, тем вкусней».

Офицер не разговаривает, ничего не рассказывает. Поделился он со мной лишь тем, что, вернувшись к себе в кабинет, он по записям повторяет наши шахматные партии и потом проигрывает их еще раз вечером у себя дома. Я спросил у него, женат ли он, и он, пожав плечами, ответил:

— Кто женат? Я?

Хозяйка книжного магазина тоже ничего не рассказывает. Она говорит, что ей нечего мне рассказать, она растит двух детей, шесть лет как овдовела, и все. Когда она спрашивает меня о жизни в другой стране, я отвечаю, что мне тем более не о чем говорить, потому что я не воспитываю ни одного ребенка и у меня никогда не было жены.

Однажды она мне сказала:

— Мы почти ровесники.

Я возразил:

— Вряд ли. Вы выглядите гораздо моложе меня.

Она краснеет:

— Не надо. Я не напрашиваюсь на комплименты. Я хотела только сказать, что если вы провели детство в этом городе, то мы наверняка

ходили в одну школу.

Я говорю:

— Конечно, только я не ходил в школу.

— Этого не может быть. Уже в то время школа была обязательна для всех.

— Кроме меня. В то время я был умственно отсталым.

Она говорит:

— С вами невозможно говорить серьезно. Вы все время шутите.

Я серьезно болен. Сегодня ровно год, как я об этом знаю.

Это началось в другой стране, в стране, которую я выбрал, однажды ноябрьским утром. В пять часов утра.

На улице темно. Мне больно дышать. Резкая боль не дает вдохнуть. Эта боль идет из груди, охватывает ребра, спину, руки, грудь, затылок, челюсти. Как будто огромная рука сдавливает все мое туловище.

Нужно протянуть руку и медленно зажечь лампу возле кровати.

Сесть на постели. Подождать. Встать. Добраться до письменного стола, до телефона. Сесть на стул. Вызвать «скорую помощь». Нет! Только не «скорую помощь». Подождать.

Пойти на кухню, сварить кофе. Не спешить. Не делать глубоких вдохов. Дышать медленно, легко, спокойно.

Выпить кофе, принять душ, побриться, почистить зубы. Вернуться в комнату, одеться. Дождаться восьми утра и позвонить, но не в «скорую помощь», а в таксопарк своему обычному врачу.

Он принимает меня сразу же. Он выслушивает меня, делает рентгеновский снимок легких, слушает сердце, измеряет давление.

— Одевайтесь.

Теперь мы сидим друг против друга у него в кабинете.

— Вы по-прежнему курите? Сколько сигарет? И пьете? Сколько?

Я отвечаю правду. Кажется, я никогда ему не врал. Я знаю, что ему абсолютно наплевать на мое здоровье.

Он что-то записывает в мою карточку, смотрит на меня:

— Вы делаете все, чтобы себя погубить. Как хотите. Это касается только вас. Еще десять лет назад я вам строго запретил пить и курить. Вы продолжаете. Но если вы хотите прожить еще несколько лет, вам надо немедленно бросить.

Я спрашиваю:

— Что со мной?

— Вероятно, грудная жаба. Этого следовало ожидать. Но я не

специалист по болезням сердца.

Он протягивает мне лист бумаги:

— Я дал вам направление к известному кардиологу. Идите с этой бумагой в больницу и пройдите более детальное обследование. Чем раньше, тем лучше. А пока при болях принимайте эти лекарства.

Он дает мне рецепт. Я спрашиваю:

— Меня будут оперировать? Он говорит:

— Если еще не поздно.

— А если поздно?

— С вами в любой момент может случиться инфаркт.

Я иду в ближайшую аптеку, мне дают две упаковки лекарств. В одной из них обычное успокаивающее средство, на другой упаковке написано: «Тринитрин. Показания: грудная жаба. Состав: Нитроглицерин».

Я возвращаюсь домой, беру по таблетке из каждой пачки, ложусь на кровать. Боль быстро стихает, я засыпаю.

* * *

Я иду по улицам города, где прошло мое детство. Это мертвый город, окна и двери домов закрыты, стоит полная тишина.

Я оказываюсь на старой улице с деревянными домами и ветхими сараями. Земля пыльная, мне приятно идти босиком по этой пыли.

Однако кругом странная и напряженная атмосфера.

Я оглядываюсь и вижу на другой стороне улицы пуму. Это великолепный зверь золотисто-бежевого цвета, его гладкая шерсть переливается под ярким солнцем.

Вдруг все вспыхивает. Горят дома, сараи, но мне приходится идти вперед по охваченной пламенем улице, потому что пума тоже начинает идти за мной на определенном расстоянии, царственно и неторопливо.

Где укрыться? Спасения нет. Или пламя, или клыки.

Может быть, на том конце улицы?

Где-нибудь эта улица должна кончиться, все улицы когда-нибудь кончаются, выходят на площадь или на другую улицу, или в поле, или за город, кроме тупиков, — наверно, так оно и есть, да, это тупик.

Я слышу дыхание пумы за спиной, совсем близко. Мне страшно оглянуться, я не могу идти вперед, ноги врастают в землю. Я со страхом

жду, что пума наконец прыгнет мне на спину, разорвет мое тело от плеч до бедер, вонзит когти в голову, в лицо.

Но пума обгоняет меня, продолжает невозмутимо идти вперед и наконец ложится у ног ребенка, который стоит в конце улицы, раньше его там не было, а теперь он стоит и гладит лежащую у его ног пуму.

Мальчик говорит мне:

— Она не злая, она моя. Не надо ее бояться. Она не ест людей, она не ест мяса, она ест только души.

Огня больше нет, пожар потух, на улице только мягкий остывший пепел. Я спрашиваю у мальчика:

— Ты мой брат, правда? Ты ждал меня? Мальчик качает головой:

— Нет, у меня нет братьев, я никого не жду. Я сторож вечной молодости. Тот, кто ждет своего брата, сидит на скамейке на Главной Площади. Он очень стар. Может быть, он ждет именно тебя.

Я нахожу своего брата — он сидит на Главной Площади. Увидев меня, он встает:

— Ты опоздал, пойдем скорее.

Мы идем на кладбище, мы садимся на желтую траву. Все вокруг старое и гнилое — кресты, деревья, кусты, цветы. Мой брат ковыряет тростью землю, оттуда выползают белые черви.

Брат говорит:

— Не все умерло. Они — живы.

Черви копошатся. От их вида меня охватывает тошнота. Я говорю:

— Если подумать, жизнь любить нельзя.

Брат тростью поднимает мне подбородок:

— Не думай. Смотри! Видел ли ты такое прекрасное небо?

Я поднимаю глаза. Над городом садится солнце.

Я отвечаю:

— Нет, не видел. Нигде, никогда.

Мы идем рядом с ним к замку, останавливаемся во дворе, рядом с крепостными стенами. Брат лезет на стену и, взобравшись на самый верх, начинает танцевать под музыку, которая словно идет из-под земли. Он танцует, поднимая руки к небу, к звездам, к восходящей полной луне. В своем длинном черном пальто он похож на тонкую тень, он идет вперед по краю стены и танцует, я бегу за ним по земле и кричу:

— Нет! Не надо! Остановись! Спускайся вниз! Ты упадешь!

Он останавливается надо мной:

— Разве ты не помнишь? Мы бегали по крышам и никогда не боялись упасть.

— Мы были молоды, у нас не кружилась голова. Спускайся оттуда!

Он смеется:

— Не бойся, я не упаду, я умею летать. Каждую ночь я кружу над городом.

Он поднимает руки, спрыгивает, разбивается о каменные плиты двора прямо у моих ног. Я склоняюсь над ним, я поднимаю его лысую голову, обхватываю ладонями морщинистое лицо, я плачу.

Лицо расплзается, глаза исчезают, и вот уже у меня в руках остается только безымянный хрупкий череп, который тонким песком утекает у меня сквозь пальцы.

Я просыпаюсь в слезах. В комнате темнота, я проспал почти весь день. Я снимаю мокрую от пота рубашку, мою лицо. Глядя на себя в зеркало, я пытаюсь вспомнить, когда я плакал в последний раз. Я не могу вспомнить.

Я зажигаю сигарету, сажусь к окну, смотрю, как ночь спускается на город. У меня под окном пустой сквер с единственным уже облетевшим деревом. Дальше дома, окна, их зажигается все больше и больше. Тихая, нормальная, спокойная жизнь. Мужья и жены, дети, семьи. Я слышу вдалеке шум моторов. Интересно, почему люди ездят на машинах даже ночью? Куда они едут? Зачем?

Скоро смерть все сотрет.

Мне страшно умереть.

Я боюсь смерти, но не пойду в больницу.

* * *

Большая часть моего детства прошла в больнице. Мои воспоминания об этом очень подробны. Я помню свою кровать в окружении двадцати других кроватей, мой шкафчик в коридоре, мое кресло на колесиках, костыли, комнату пыток с бассейном и физкультурными снарядами. Движущиеся дорожки, по которым надо было бесконечно долго идти, держась за ремни, кольца, на которых надо было висеть, неподвижные велосипеды, педали которых надо было крутить, даже когда кричишь от боли.

Я помню эту боль, помню запахи — запах лекарств, к которому примешивался запах крови, пота, мочи, кала.

Еще я помню уколы, белые халаты медсестер, вопросы, остававшиеся без ответов, и особенно отчетливо помню ожидание. Ожидание чего? Может, выздоровления, а может, чего-то другого.

Потом мне рассказали, что я поступил в больницу в тяжелом состоянии, в коме. Мне было четыре года, начиналась война.

То, что было до больницы, я помню уже неотчетливо.

Белый дом с зелеными ставнями на тихой улице, кухня, где пела моя мать, двор, где отец колол дрова, совершенно счастливая жизнь в белом домике — было ли это в действительности или только приснилось мне, и только выдуманно за долгие ночи тех пяти лет, что я провел в больнице?

А мальчик, спавший во второй кровати в маленькой спальне, дыша в одном ритме со мной, — тот брат, имя которого я, кажется, помню и теперь, что с ним стало — умер или никогда не существовал?

Однажды мы переехали в другую больницу. Она называлась «Восстановительный центр», но все равно это была больница. Палаты, кровати, шкафы, медсестры были те же, мучительные тренировки продолжались.

Вокруг Центра лежал огромный парк. Мы могли выходить из здания и барахтаться в бассейне из грязи. Чем больше грязи мы на себя намазывали, тем больше радовались медсестры. Еще мы могли влезать на лохматых пони, которые медленно возили нас по парку.

В шесть лет я начал учиться в маленьком зале больницы. Нас было человек восемь или двенадцать, и посещение занятий, которые вела учительница, зависело от состояния нашего здоровья.

На учительнице не было белого халата, она носила короткие узкие юбки, яркие блузки и туфли на высоких каблуках. Она не надевала на голову белый колпак, волосы ее свободно лежали на плечах, цвет их напоминал каштаны, которые падали с деревьев парка в сентябре.

Мои карманы были набиты этими блестящими плодами. Я кидал ими в медсестер и в нянечек. Вечером я бросал каштаны в кровать к тем, кто стонал и плакал, чтобы они замолчали. Еще я швырял их в стекла оранжереи, где старик-садовник выращивал салат, который нас заставляли есть. Однажды, очень рано утром, я положил штук двадцать каштанов под дверь директрисе, чтобы она свалилась с лестницы, но она только плюхнулась на свою толстую задницу и ничего себе не сломала.

В то время я уже не ездил в инвалидном кресле, а ходил на костылях и мне говорили, что я делаю большие успехи.

Я занимался в классе с восьми до полудня. После обеда был тихий час, но вместо сна я читал книги, принесенные мне учительницей или взятые

тайком в кабинете у директрисы. Днем я, как все, занимался физическими упражнениями, вечером делал уроки.

Уроки я делал быстро, потом писал письма. Учительнице. Я их никогда ей не отдавал. Родителям, брату. Я никогда их не посылал. Я не знал их адреса.

Так прошло почти три года. Я уже не нуждался в костылях, мог ходить, опираясь на палку. Я умел читать, писать, считать. Нам не ставили оценок, но я часто получал позолоченную звезду, которую приклеивали на стенку напротив моей фамилии. Особенно легко мне давался устный счет.

У учительницы была своя комната в больнице, но она не всегда в ней ночевала. Она уходила вечером в город и возвращалась только утром. Я спросил у нее, не возьмет ли она меня с собой, она ответила, что это невозможно, мне нельзя выходить из Центра, но пообещала принести мне шоколада. Она давала мне шоколад тайком, потому что на всех его не хватило бы.

Однажды вечером я сказал ей:

— Мне надоело спать с мальчиками. Я хотел бы спать с женщиной.

Она засмеялась:

— Ты хочешь спать в палате девочек?

— Нет. Не с девчонками. А с женщиной.

— С какой женщиной?

— С вами, например. Я хотел бы спать в вашей комнате, у вас в кровати.

Она поцеловала меня в глаза:

— Такие маленькие мальчики, как ты, должны спать одни.

— А вы тоже спите одна?

— Да, и я тоже.

Однажды днем она пришла к моему тайному укрытию на вершине орешника, ветви которого образовывали удобное сиденье, где я мог читать и смотреть на город.

Учительница сказала мне:

— Сегодня вечером, когда все заснут, ты можешь прийти ко мне в комнату.

Я не стал ждать, пока они все заснут. Так я мог прождать хоть до утра. Никогда не бывало так, чтобы они все спали. Одни плакали, другие бегали в туалет по десять раз за ночь, третьи залезали друг к другу в кровать, чтоб заниматься всякими мерзостями, четвертые болтали до рассвета.

Я, как обычно, дал по оплеухе тем, кто хныкал, потом пошел проведать светловолосого малыша-паралитика, который не двигается и не

разговаривает. Он только смотрит в потолок или в небо, когда его вывозят на улицу, и улыбается. Я взял его руку, прижал к своему лицу, потом взял его лицо в свои ладони. Он улыбнулся, глядя в потолок.

Я вышел из спальни и пошел в комнату учительницы. Ее там не было. Я лег на кровать. Она приятно пахла. Я заснул. Когда я проснулся посреди ночи, учительница лежала рядом, скрестив руки перед лицом. Я разомкнул ее руки, обнял себя ими, прижался к ней и лежал так, без сна, до утра.

* * *

Некоторые из нас получают письма, которые медсестры раздают им или читают, если они не могут сделать это сами. Потом для тех, кто не знает букв, письма стал читать я, если они меня об этом просили. Обычно я читал в точности противоположное тому, что было написано. Вот, что например, получалось: «Дорогой наш мальчик, только не выздоравливай. Нам без тебя очень хорошо. Мы по тебе совершенно не скучаем. Надеемся, что ты там и останешься, потому что нам совершенно не хочется иметь дома калеку. Все-таки мы тебя поцелуем, веди себя хорошо, потому что те, кто о тебе заботится, очень терпеливые люди. Мы так с тобой церемониться не будем. Нам очень повезло, что кто-то вместо нас занимается тобой, потому что в нашей семье, среди здоровых людей, тебе нет больше места. Твои родители, сестры, братья».

Тот, кому я прочитал его письмо, говорил:

— Медсестра читала мне письмо по-другому.

Я говорил:

— Она читала тебе его по-другому, потому что не хотела тебя огорчать. Я читаю то, что написано. Думаю, ты имеешь право знать правду.

Он говорил:

— Да, имею право. Но я не люблю правду. И хорошо, что медсестра читала мне письмо по-другому.

И плакал.

Многие из нас, кроме писем, получали посылки. Пирожные, бисквиты, ветчину, колбасу, варенье, мед. Директриса сказала, что посылки нужно делить на всех. Однако находились дети, которые прятали еду у себя в кровати или в шкафу.

Я подходил к такому ребенку и спрашивал:

— Ты не боишься, что еда отравлена?
— Отравлена? Зачем?
— Для родителей лучше мертвый ребенок, чем ребенок-калека. Ты никогда об этом не думал?

— Нет, никогда. Ты лгун. Уходи.
Потом я видел, как этот ребенок выбрасывает посылку в помойку Центра.

Некоторые родители приезжали навестить своих детей. Они ждали у входа в Центр. Я спрашивал у них, зачем они приехали, как фамилия ребенка. Когда они отвечали, я говорил им:

— К сожалению, ваш ребенок умер два дня назад. Вы не получали письма?

После этого я быстро уходил и прятался. Директриса вызвала меня. Она спросила:

— Почему ты такой злой?
— Я? Злой? Не понимаю, о чем вы говорите.
— Нет, прекрасно понимаешь. Ты сообщил родителям о смерти их ребенка.

— Ну и что? Он не умер?
— Нет. И ты прекрасно это знаешь.
— Должно быть, я спутал фамилию. У них у всех фамилии похожи одна на другую.

— Кроме твоей, правда? Но ни один ребенок не умер на этой неделе.
— Нет? Значит, я спутал с прошлой неделей.
— Видимо, да. Но советую тебе больше не путать ни фамилий, ни имен. И я запрещаю тебе разговаривать с родителями и с посетителями. Еще я запрещаю тебе читать письма детям, которые не умеют читать.

Я сказал:
— Я просто хотел оказать им услугу. Она сказала:
— Я запрещаю тебе оказывать кому-либо услуги. Ты понял?
— Да, госпожа директор, я понял. Но пусть не жалуются, что я не помогаю идти вверх по лестнице, не поднимаю, когда падают, не объясняю задач по математике, не исправляю орфографию писем. Если вы запрещаете мне оказывать услуги, запретите тогда им просить меня о помощи. Она долго смотрит на меня и говорит:

— Хорошо. Уходи.
Я вышел из ее кабинета, я увидел мальчика, который плакал потому, что уронил яблоко и не мог его поднять. Я прошел мимо него и сказал:
— Плачь, плачь, все равно яблоко само не поднимется, растяпа.

Он стал просить меня, со своего инвалидного кресла:

— Пожалуйста, принеси мне яблоко...

Я ответил:

— Сам выпутывайся, дурак.

Вечером директриса пришла в столовую, произнесла речь и в конце сказала, что не надо просить ни о чем никого, кроме медсестер, учительницы и, в крайнем случае, ее самой, если нет другого выхода.

В результате всего этого мне пришлось два раза в неделю ходить в маленькую комнату рядом с перевязочной, где в большом кресле сидела очень старая женщина, ноги у нее были укрыты толстым одеялом. Мне уже про нее рассказывали. Другие дети, побывавшие в этой комнате, говорили, что старая женщина очень добрая, как бабушка, и что у нее хорошо, или ты лежишь на раскладушке, или сидишь за столом и рисуешь что хочешь. Еще можно рассматривать книги с картинками и говорить о чем хочешь.

В первый раз, когда я туда пришел, мы ни о чем не говорили, только поздоровались, потом мне стало скучно, ее книжки мне были неинтересны, рисовать не хотелось, тогда я стал ходить от двери к окну и от окна к двери.

Через некоторое время она меня спросила:

— Почему ты все время ходишь?

Я остановился на минуту и ответил ей:

— Мне нужно тренировать больную ногу. Я хожу, как только появляется такая возможность и нет другого дела.

Она улыбнулась, морщины раздвинулись:

— По-моему, с ногой у тебя все в полном порядке.

— Не в полном.

Я бросил палку на кровать, сделал несколько шагов и упал возле окна:

— Видите, что не все в порядке?

Я на четвереньках добрался до трости и поднял ее:

— Когда я смогу обойтись без нее, все будет в порядке.

В следующий раз, когда мне полагалось туда идти, я не пошел. Меня всюду искали, но не находили. Я сидел в ветвях орехового дерева в конце сада. Только учительница знала про это убежище.

В последний раз сама директриса отвела меня в маленькую комнату, сразу после обеда. Она втокнула меня туда, я упал на кровать. И остался лежать. Старая женщина стала меня спрашивать:

— Ты помнишь своих родителей?

Я отвечал ей:

— Нет, совершенно не помню. А вы?

Она опять продолжала задавать свои вопросы:

- О чем ты думаешь вечером, пока не заснешь?
- О сне. А вы что, не об этом думаете? Она спрашивала меня:
- Ты сказал родителям о том, что их ребенок умер. Зачем?
- Чтоб им было приятно.
- Почему?
- Потому что лучше знать, что твой ребенок умер, но не калека.
- Откуда ты это знаешь?
- Знаю, и все.

Старая женщина еще спросила у меня:

— Ты все это делаешь потому, что твои собственные родители никогда не приезжают?

Я сказал ей:

— Какое вам дело? Она продолжала:

— Они никогда тебе не пишут. Не присылают посылков. Поэтому ты мстишь другим детям.

Я встал с кровати и сказал:

— Да, и вам тоже.

Я ударил ее палкой и упал.

Она заорала.

Она все орала, а я все бил ее тростью, лежа на земле, куда я упал. Удары попадали ей только по ногам, по коленям.

На крики явились медсестры. Они схватили меня и отвели в другую маленькую комнату, похожую на первую, только там не было письменного стола, книжного шкафа, только кровать и все. Еще там были решетки на окнах, и дверь запиралась снаружи.

Я ненадолго уснул.

Когда я проснулся, стал стучать в дверь, пинать ее, кричать. Я требовал принести мои вещи, тетради, книги.

Никто мне не отвечал.

Посреди ночи учительница пришла ко мне в комнату, легла рядом со мной на узкую кровать. Я зарылся лицом в ее волосы, и вдруг меня охватила сильная дрожь. Все мое тело тряслось, изо рта вырывались всхлипы, у меня текло из глаз и из носа. Я рыдал и не мог остановиться.

У нас в Центре было все меньше еды, пришлось превратить парк в огород. Все, кто мог, работали там под руководством старого садовника. Мы сажали картошку, фасоль, морковь. Я жалел о том, что больше не сижу в инвалидном кресле.

Все чаще нам приходилось из-за воздушных налетов прятаться в

подвале, они случались почти каждую ночь. Медсестры несли на руках тех, кто не мог ходить. За кучами картошки и мешками с углем я отыскивал учительницу, прижимался к ней и говорил ей, что не надо бояться.

Когда в Центр попала бомба, мы были в классе, и сигнала воздушной тревоги не было. Вокруг нас стали падать бомбы, ученики прятались под столами, а я продолжал стоять, я как раз рассказывал стихотворение. Учительница бросилась на меня, прижала меня к земле, я ничего не видел, мне было тесно. Я попробовал оттолкнуть ее, но она становилась все тяжелее. Что-то густое, теплое, соленое текло мне в глаза, в рот, на шею, и я потерял сознание.

Я очнулся в спортивном зале. Какая-то монахиня протирала мне лицо мокрой тканью и говорила кому-то:

— Этот, кажется, не ранен.

Меня стало тошнить.

По всему спортивному залу на циновках лежали люди. Дети и взрослые. Некоторые из них кричали, другие не двигались и было непонятно, умерли они или живы. Среди них я стал искать учительницу, но не нашел. Светловолосого мальчика-паралитика тоже не было.

Назавтра меня допрашивали, спрашивали фамилию, кто родители, какой у меня адрес, но я закрыл уши, не отвечал на вопросы, ничего не говорил. Тогда они решили, что я глухонемой и оставили меня в покое.

Мне выдали новую палку, и однажды утром монахиня взяла меня за руку. Мы пошли на вокзал, сели в поезд, приехали в другой город. Мы прошли этот город пешком до самого последнего дома, возле леса. Монахиня оставила меня там у старой крестьянки, которую потом я научился называть «Бабушка».

Она называла меня «сукин сын».

* * *

Я сижу на вокзальной скамье. Я жду поезда. Я пришел почти за час. Отсюда мне виден весь город. Город, где я прожил почти сорок лет.

Раньше, когда я сюда приехал, это был очаровательный городок с озером, лесом, старыми низенькими домами, в нем было много парков.

Теперь от озера город отрезает шоссе, лес загублен, парки исчезли, город обезображен новыми высотными домами. Старые узкие улицы

загромождены машинами, которые стоят даже на тротуарах. Старые быстро заменены ресторанами без всякого стиля или столовыми самообслуживания, где едят наскоро, часто даже стоя.

Я смотрю на этот город в последний раз. Я не вернусь в него, я не хочу умереть здесь.

Я ни с кем не простился. У меня здесь не осталось друзей ни среди мужчин, ни тем более среди женщин. Мои многочисленные любовницы, должно быть, вышли замуж, народили детей, и теперь уже не слишком молоды. Давно уже я перестал их узнавать на улицах.

Мой лучший друг Петер, который в молодости был моим опекуном, умер два года назад от инфаркта. Его жена Клара, посвятившая меня в тайны любви, покончила с собой гораздо раньше, она не могла смириться с наступлением старости.

Я ухожу, не оставляя за собой никого и ничего. Я все продал. Ничего особенно и не было. Мебель моя ничего не стоила, книги и того меньше. Я получил немного денег за свое старое пианино и несколько картин, вот и все.

Подходит поезд, я сажусь. У меня всего один чемодан. Я уезжаю отсюда почти с таким же количеством вещей, что и прибыл. В этой богатой и свободной стране я не разбогател.

Я получил туристическую визу на родину сроком только на месяц, но ее можно продлить. Надеюсь, моих денег хватит на то, чтобы прожить там несколько месяцев, может быть, год. Я также беру с собой запас лекарств.

Через два часа я прибываю на большой международный вокзал. Придется снова немного подождать, потом я сяду на ночной поезд, где у меня заказано спальное место. Нижнее, потому что я знаю, что не буду спать и часто буду выходить курить.

Пока я один.

Вагон медленно заполняется. Старая женщина, две девушки, мужчина примерно моего возраста. Я выхожу в коридор, курю, смотрю в темноту. Около двух я ложусь и, кажется, ненадолго засыпаю.

Рано утром прибытие на другой крупный вокзал. Ждать нужно три часа, я провожу их в буфете, за несколькими чашками кофе.

На этот раз я сажусь в поезд своей родной страны. В нем очень мало пассажиров. Сиденья неудобные, окна грязные, пепельницы переполнены окурками, пол черный и липкий, туалетом пользоваться почти невозможно. Нет ни вагона-ресторана, ни буфета. Пассажиры достают пакеты с едой, едят и оставляют жирные бумажки, пустые бутылки на столике у окна или бросают их на пол под сиденья.

Только двое из пассажиров говорят на языке моей страны. Я слушаю их, но не разговариваю.

Я смотрю в окно. Пейзаж меняется. Мы покидаем гористую местность, начинается равнина.

Я снова чувствую боль.

Я, не запивая, глотаю лекарства. Я не подумал о том, что надо взять с собой питье, и мне неприятно просить попить у кого-нибудь из пассажиров.

Я закрываю глаза. Я знаю, что мы подъезжаем к границе.

Вот и она. Поезд останавливается, входят пограничники, таможенники, полицейские. У меня спрашивают документы и с улыбкой их возвращают. Зато двух пассажиров, которые говорят на местном языке, долго допрашивают и обыскивают их багаж.

Поезд снова трогается, и теперь при каждой остановке садятся только местные жители.

В мой Маленький Город не заходят поезда из-за границы. Я прибываю в соседний город, он находится дальше в глубь страны, он крупнее. Я мог бы сразу пересечь, мне показывают маленький красный поезд, состоящий из трех вагонов, который раз в час отходит от платформы номер один в Маленький Город. Я смотрю, как поезд уходит.

Я выхожу из вокзала, сажусь в такси, еду в гостиницу. Я поднимаюсь в номер, ложусь и тут же засыпаю.

Проснувшись, я раздвигаю занавески на окне. Оно выходит на запад. Там, за горой моего Городка, садится солнце.

Каждый день я хожу на вокзал, смотрю, как приходит и уходит красный поезд. Потом я гуляю по городу. Вечером я выпиваю несколько стаканов в баре гостиницы или в каком-нибудь другом бистро города, с незнакомыми людьми.

У меня комната с балконом. Я часто сижу на нем, тем более что становится теплее. Оттуда я вижу такое огромное небо, какого не видел сорок лет.

Я все дольше брожу по городу, я даже выхожу из него и гуляю за городом.

Я иду вдоль стены из камней и металла. За стеной поет птица, и я вижу голые ветки каштанов.

Кованные железные ворота открыты. Я вхожу внутрь, сажусь на большой замшелый камень около ворот. Этот большой камень мы называли «черной скалой», но он никогда не был черным, он, скорее, был серо-голубым, а теперь он весь зеленый.

Я смотрю на парк, я узнаю его. И я узнаю большое здание в глубине

парка. Может быть, деревья все те же, птицы наверняка другие. Прошло столько лет. Как долго живет дерево? Как долго живет птица? Понятия не имею.

А сколько живут люди? Кажется, что вечность, потому что я вижу, как ко мне приближается директриса Центра.

Она спрашивает:

— Что вы здесь делаете? Я встаю, говорю ей:

— Я просто смотрю, госпожа директор. В детстве я провел здесь пять лет.

— Когда это?

— Примерно сорок лет назад. Сорок пять. Я узнал вас. Вы были директором Центра восстановления.

Она кричит:

— Какая наглость! Вы знаете, что сорок лет назад меня еще на свете не было, зато извращенцев я с первого взгляда могу определить. Убирайтесь, или я вызову полицию.

Я ухожу, возвращаюсь в гостиницу, выпиваю несколько стаканов с незнакомым человеком. Я рассказываю ему свое приключение с директрисой:

— Конечно, это не она. Та, должно быть, умерла.

Мой новый знакомый поднимает стакан:

— Вывод: либо все директрисы похожи в разные времена, либо они очень долго живут. Завтра поедем вместе в твой Центр. Сможешь посмотреть его сколько захочешь.

Назавтра незнакомец приезжает за мной в гостиницу. Он отвозит меня на машине до Центра. Перед самым входом он говорит:

— Знаете, та старая женщина, которую вы видели, это действительно та самая. Только она больше не директриса — ни в этом доме, ни в каком другом. Я узнавал. Ваш Центр — это теперь приют для стариков.

Я говорю:

— Мне хотелось бы только посмотреть на спальни. И на сад.

Ореховый куст на месте, но он кажется мне сильно скрюченным. Скоро он умрет. Я говорю своему спутнику:

— Мое дерево скоро умрет. Он говорит:

— Не будьте сентиментальны. Все умирает. Мы входим в здание. Мы идем по коридору,

входим в комнату, в которой спал я и спали другие дети сорок лет назад. Я останавливаюсь на пороге, смотрю. Ничего не изменилось. Дюжина кроватей, белые стены, белые пустые кровати. В это время дня

кровати всегда пусты.

Я бегом поднимаюсь на второй этаж, открываю дверь комнаты, где я просидел взаперти несколько дней. Кровать по-прежнему стоит на том же месте. Может быть, это та же кровать.

Нас сопровождает молодая женщина, она говорит:

— Здесь все было разрушено бомбами. Но все отстроили. Как раньше. Здесь все как было. Это очень красивое здание, его переделывать не надо.

Днем боль возникает снова. Я возвращаюсь в гостиницу, принимаю лекарства, собираю чемоданы, расплачиваюсь за номер, вызываю такси.

— На вокзал.

Такси останавливается перед вокзалом, я говорю шоферу:

— Сходите купите билет до города К. Я болен. Шофер говорит:

— Это не моя работа. Я довез вас до вокзала. Выходите. Мне не нужен в машине больной.

Он ставит мой чемодан на тротуар, открывает дверцу с моей стороны:

— Вылезайте. Выходите из моей машины.

Я достаю из бумажника иностранные деньги, протягиваю ему:

— Пожалуйста.

Шофер входит в здание вокзала, возвращается с билетом, помогает мне выйти из машины, берет меня под руку, несет мой чемодан, доводит меня до перрона номер один, ждет поезд вместе со мной. Когда поезд прибывает, он помогает мне сесть в него, ставит чемодан рядом и предупреждает обо мне проводника.

Поезд трогается. В вагоне почти никого нет. Это вагон для некурящих.

Я закрываю глаза, боли стихают. Поезд останавливается почти каждые десять минут. Я знаю, что сорок лет назад я ехал так же.

Перед прибытием в Маленький Город поезд остановился. Монахиня стала тянуть меня за руку, трясти, но я не двигался. Она спрыгнула с поезда, побежала, легла в поле. Я был один в купе. Над нами пролетали самолеты, они расстреливали поезд. Когда снова наступила тишина, вернулась монахиня. Она дала мне пощечину, поезд тронулся.

Я открываю глаза. Мы скоро будем на месте. Я уже вижу серебряное облако над горой, потом появляются башни замка и колокола многочисленных церквей.

Двадцать второго апреля, после сорока лет отсутствия, я снова в Маленьком Городе моего детства.

Вокзал не изменился. Он только стал чище и украшен клумбами цветов — это цветы местные, я не знаю, как они называются и нигде в

другом месте их не встречал.

Я вижу автобус, отъезжающий с остановки, в нем немногие прибывшие пассажиры с поезда и рабочие близлежащего завода. Я не сажусь в автобус. Я продолжаю стоять перед вокзалом, передо мной на земле стоит мой чемодан, и я смотрю на аллею каштанов Вокзальной улицы, которая ведет в город.

— Хотите, я понесу ваш чемодан?

Передо мной стоит мальчик лет двенадцати. Он говорит:

— Вы пропустили автобус. Следующий теперь только через полчаса.

Я говорю ему:

— Ничего страшного. Я пойду пешком.

Он говорит:

— У вас тяжелый чемодан.

Он поднимает мой чемодан и продолжает его держать. Я смеюсь:

— Да, тяжелый. Я знаю, ты не сможешь нести его долго. Я занимался этим до тебя.

Мальчик ставит чемодан на место:

— Правда? А когда?

— Когда мне было столько, сколько тебе. Давно.

— А где?

— Здесь. У этого вокзала.

Он говорит:

— Я вполне могу нести этот чемодан.

Я говорю:

— Ладно, только дай мне уйти на десять минут раньше. Я хочу идти один. И не торопись, мне некуда спешить. Я буду ждать тебя в «Черном саду». Если он еще существует.

— Да, он еще существует.

«Черный сад» — это маленький сквер в конце каштановой аллеи, в нем нет ничего черного, кроме чугунной ограды. Я сажусь на скамейку и жду мальчика. Он вскоре появляется, ставит чемодан на скамейку напротив меня и садится перевести дыхание.

Я, зажигая сигарету, спрашиваю:

— Зачем ты делаешь эту работу?

Он говорит:

— Хочу купить себе велосипед. Гоночный велосипед. Вы не дадите мне сигарету?

— Нет, сигарету я тебе не дам. Я сам вот-вот умру из-за сигарет. Ты что, тоже хочешь умереть из-за сигарет?

Он отвечает:

— Умереть от одного или от другого... Все равно ученые говорят...

— Что они говорят, эти ученые?

— Что Земле скоро крышка. И что тут ничего не поделаешь. Слишком поздно.

— Где это ты такое слышал?

— Везде. В школе, и особенно часто по телевизору.

Я бросаю свою сигарету:

— Все равно не получишь сигареты.

Он говорит мне:

— Вы недобрый.

Я говорю:

— Да, я недобрый. Ну и что с того? Есть у вас в городе какая-нибудь гостиница?

— Конечно. Несколько гостиниц. Вы не знаете? А кажется, что вы хорошо знаете город.

Я говорю:

— Когда я здесь жил, здесь не было гостиницы. Ни одной.

Он говорит:

— Тогда, наверно, это было очень давно. На Главной Площади есть совсем новая гостиница. Она называется Гранд Отель, потому что она самая большая.

— Пошли туда.

Перед гостиницей мальчик ставит мой чемодан:

— Я не могу войти в гостиницу. Меня знает горничная. Она скажет моей маме.

— Что скажет? Что ты нес чемодан?

— Да. Моя мама не хочет, чтоб я носил чемоданы.

— Почему?

— Не знаю. Она не хочет, чтоб я этим занимался. Она хочет, чтоб я только учился.

Я спрашиваю:

— Твои родители чем занимаются?

Он говорит:

— У меня нет родителей. Только мать. Отца нет. У меня его никогда не было.

— А мать твоя чем занимается?

— Она работает как раз в этой гостинице. Два раза в день моет пол. Но она хочет, чтобы из меня вышел ученый.

— Какой ученый?

— Этого она не может знать, потому что не знает, какие бывают профессии у ученых. Думаю, она имеет в виду учителя или доктора.

Я говорю:

— Хорошо. Сколько ты берешь за чемодан?

Он говорит:

— Сколько дадите, сударь. Я даю ему две монеты:

— Так хватит?

— Да, сударь.

— Нет, сударь. Совсем не хватит. Не за такие же деньги ты нес этот тяжелый чемодан от самого вокзала!

Он говорит:

— Я беру то, что мне дают, сударь. Я не имею права требовать больше, и потом бывают бедные люди. Иногда я бесплатно ношу чемоданы. Я люблю эту работу. Люблю ждать на вокзале. Люблю смотреть на приехавших людей. Людей из нашего города я всех знаю в лицо. Я люблю смотреть, как приезжают другие люди. Как вы. Вы издалека приехали, правда?

— Да, издалека. Из другой страны.

Я даю ему банкноту и вхожу в гостиницу.

Я выбираю угловую комнату, из которой видна вся площадь, церковь, бакалейный магазин, лавочки, книжный магазин.

Девять часов вечера, на площади пусто. В домах зажглись огни. Опускаются шторы, закрываются ставни, задергиваются занавески, площадь закрывается.

Я устраиваюсь у одного из окон своего номера, смотрю на площадь, на дома до поздней ночи.

В детстве я часто мечтал жить в доме на Главной Площади, в любом доме, но особенно хотелось в синем, где был и теперь еще есть книжный магазин.

Но в этом городе я жил только в лачуге Бабушки, далеко от центра, в самом конце города, почти у границы.

У Бабушки я работал с утра до вечера, как и она. Она кормила меня и давала мне кров, но никогда не давала мне денег. Однако деньги мне были нужны на покупку мыла, зубной пасты, одежды и обуви. Тогда вечером я шел в город, играл на губной гармошке в кафе. Я продавал дрова, которые собирал в лесу, грибы, каштаны. Еще я продавал яйца, которые воровал у Бабушки, и рыбу, которую быстро научился ловить. Еще я оказывал всем

разные услуги. Носил записки, письма и посылки, меня не боялись, потому что считали глухонемым.

Вначале я не разговаривал, даже с Бабушкой, но вскоре мне пришлось, чтобы торговаться, называть цифры.

Часто я болтался на Главной Площади. Я смотрел на витрину книжно-канцелярского магазина, на белые листы бумаги, школьные тетради, резинки, карандаши. Все это было для меня слишком дорого.

Чтобы заработать немного денег, я каждый раз, когда получалось, ходил на вокзал ждать пассажиров. Я носил их чемоданы.

Так я смог купить бумагу, карандаш, резинку и толстую тетрадь, в которую я записывал свою первую ложь.

Через несколько месяцев после смерти Бабушки в дом без стука вошли люди. Их было трое, один из них в форме пограничника. Двое других в штатском. Один из них ничего не говорил, только записывал. Он был молодой, почти такой же молодой, как я. У другого были седые волосы. Он меня и расспрашивал.

— Вы давно здесь живете? Я говорю:

— Не знаю. С тех пор, как разбомбили госпиталь.

— Какой госпиталь?

— Не знаю. Центр. Вмешивается человек в форме:

— Когда я стал командовать этим участком, он уже был здесь.

Гражданский спрашивает:

— Это значит как давно?

— Три года назад. Но он был тут и раньше.

— Откуда вы знаете?

— Это заметно. Он работал вокруг дома, как будто всегда этим занимался.

Седой человек поворачивается ко мне:

— Вы родственник госпожи В., в девичестве Марии З.?

Я говорю:

— Это моя Бабушка.

Он спрашивает:

— У вас есть бумаги, подтверждающие это родство?

Я говорю:

— Нет, никаких бумаг у меня нет. У меня только те листы, которые я купил в книжном магазине.

Он говорит:

— Так, достаточно. Запишите!

Молодой человек в штатском принимается писать:

— Госпожа Мария В., урожденная Мария З., умерла, не оставив наследников, поэтому ее дом и земельный участок переходят в государственную собственность, принадлежащую коммуне города К., которая распорядится ими по своему усмотрению.

Люди встают, я их спрашиваю:

— Что мне нужно делать?

Они переглядываются. Человек в форме говорит:

— Вы должны отсюда уйти.

— Почему?

— Потому что здесь все не ваше.

Я спрашиваю:

— Я должен уйти когда?

— Не знаю.

Он смотрит на седого мужчину в штатском, который говорит:

— Мы вас заранее предупредим. Сколько вам лет?

— Скоро пятнадцать. Я не могу уйти, пока помидоры не созреют.

Он говорит:

— Конечно, помидоры. Вам всего пятнадцать лет? Тогда нет никаких проблем.

Я спрашиваю:

— Куда мне нужно ехать?

Он минуту молчит, смотрит на мужчину в форме, мужчина в форме смотрит на него, штатский опускает глаза:

— Не беспокойтесь. О вас позаботятся. Только не беспокойтесь.

Трое мужчин уходят. Я иду за ними по траве, чтобы не шуметь.

Пограничник говорит:

— Что вы не можете оставить его в покое? Он славный паренек и здорово работает.

Человек в штатском говорит:

— Не в этом вопрос. Есть закон. Участок госпожи В. принадлежит коммуне. Ваш паренек уже почти два года проживает здесь без всяких прав.

— Ну и кому от этого плохо?

— Никому. Нет, вы скажите! С чего это вы защищаете этого хулигана?

— Я три года смотрю, как он занимается садом и скотиной. Никакой он не хулиган, по крайней мере, не больше вас.

— Вы смеее называть меня хулиганом?

— Я этого никогда не говорил. Я только сказал, что он хулиган не больше вас. А вообще, мне плевать. На вас, на него. Через три недели демобилизуюсь и буду заниматься своим садом. А у вас будет одна

загубленная душа на совести, если выгоните этого мальчишку на улицу. Спокойной ночи, спите спокойно.

Гражданский говорит:

— Мы его не выставим на улицу. Мы о нем позаботимся.

Они уходят. Через несколько дней они возвращаются. Тот же седоволосый человек, молодой, и с ними женщина. Пожилая женщина в очках, она похожа на директрису Центра.

Она говорит мне:

— Слушай меня хорошенько. Мы не хотим причинить тебе зла, мы хотим заботиться о тебе. Ты поедешь с нами в красивый дом, где будут такие же дети, как ты.

Я говорю ей:

— Я не ребенок. Мной не надо заниматься. И я не хочу еще раз в госпиталь.

Она говорит:

— Это не госпиталь. Ты сможешь там учиться. Мы в кухне. Женщина говорит, я ее не слушаю.

Человек с седыми волосами тоже говорит. Я его тоже не слушаю.

Только молодой человек, который все записывает, не говорит ничего, он даже не смотрит на меня.

Уходя, женщина говорит:

— Не беспокойся. Мы с тобой. Вскоре все образуется. Мы не оставим тебя одного, мы позаботимся о тебе. Мы спасем тебя.

Мужчина добавляет:

— На это лето тебя оставят еще здесь. Сносить начнут в конце августа.

Я боюсь, боюсь ехать в дом, где обо мне позаботятся, где меня спасут. Мне нужно уехать отсюда. Я думаю о том, куда я могу уехать.

Я покупаю карту страны и карту столицы. Я каждый день хожу на вокзал, смотрю расписание. Я узнаю стоимость билета в тот или другой город. Денег у меня очень мало, и я не хочу пользоваться Бабушкиным наследством. Она предупредила меня:

— Никто не должен знать, что у тебя все это есть. Тебя начнут расспрашивать, посадят в тюрьму, все отберут. И никогда не говори правду. Делай вид, что не понимаешь вопроса. Если тебя сочтут идиотом, тем лучше.

Наследство Бабушки зарыто под скамейкой возле дома в холщовом мешке: там драгоценности, золотые и серебряные монеты. Если бы я попытался все это продать, меня обвинили бы в краже.

С человеком, который хотел пересечь границу, я познакомился на вокзале.

Вечер. Человек стоит перед вокзалом, засунув руки в карманы. Другие пассажиры уже разошлись. Вокзальная площадь пуста.

Человек знаком подзывает меня, я иду к нему. У него нет багажа.

Я говорю:

— Обычно я ношу чемоданы пассажиров. Но я вижу, у вас их нет.

Он говорит:

— Нет, нету.

Я говорю:

— Если я могу оказать вам какую-нибудь услугу... Я вижу, вы приезжий.

— А почему ты заметил, что я приезжий?

Я говорю:

— Никто в нашем городе не носит одежду вроде вашей. У жителей нашего города у всех одни и те же лица. Знакомые, привычные лица. Людей из нашего города, даже если их не знаешь по имени, можно узнать. Когда приезжает незнакомый человек, его сразу заметно.

Человек оглядывается по сторонам:

— Думаешь, меня уже заметили?

— Наверняка. Но это не очень важно, если у вас документы в порядке. Вы предъявите их завтра утром в отделении полиции и можете оставаться здесь сколько хотите.

Гостиницы нет, но я могу показать вам дома, где сдают комнаты.

Человек говорит мне:

— Иди за мной.

Он идет в сторону города, но вместо того чтобы пойти по Главной улице, сворачивает вправо, в маленькую пыльную улочку и садится между двумя кустами. Я сажусь рядом с ним и спрашиваю:

— Вы пытаетесь спрятаться? Почему? Он спрашивает:

— Ты знаешь город?

— Да, прекрасно знаю.

— А границу?

— Тоже.

— Но здесь, для такого паренька, как ты, они стоят много.

Я кидаю деньги в огонь:
— Знаете, мне деньги не так уж нужны. У меня здесь есть все необходимое.
Мы смотрим, как горят деньги. Я говорю:
— Вы не можете перейти границу, не рискуя жизнью.
Мужчина говорит:
— Знаю. Я говорю:
— Знайте также, что я могу на вас немедленно донести. Напротив дома есть база пограничников, с которыми я сотрудничаю. Я наводчик.
Мужчина сильно бледнеет и говорит:
— Наводчик? В твоём возрасте?
— Возраст тут ни при чём. Я донес на нескольких человек, которые хотели перейти границу. Все, что происходит в лесу, я знаю и докладываю об этом.
— Но зачем?
— Потому что мне иногда посылают провокаторов, чтобы посмотреть, донесу я на них или нет. До сих пор я вынужден был на них доносить, провокаторы они или не провокаторы.
— Почему до сих пор?
— Потому что завтра я перейду границу вместе с вами. Я тоже хочу отсюда уехать.
На следующий день, незадолго до полудня, мы переходим границу.
Мужчина идёт впереди, и ему не везет. Около второго заграждения он подрывается на mine. Я иду за ним, поэтому мне нечего опасаться.

* * *

Я смотрю на пустую площадь до поздней ночи. Когда я наконец ложусь спать, мне снится сон.
Я спускаюсь к речке, там, на берегу, сидит мой брат, он удит рыбу удочкой. Я сажусь с ним рядом:
— Много наловил?
— Нет. Я ждал тебя.
Он встает, складывает удочку:
— Здесь давно уже нет рыбы. Даже больше нет воды.
Он берет камень, бросает его к другим камням на дне пересохшей

реки.

Мы идем к городу. Я останавливаюсь перед домом с зелеными ставнями. Мой брат говорит:

— Да, это был наш дом. Ты его узнал? Я говорю:

— Я узнал его. Но он раньше был не здесь. Он был в другом городе.

Брат поправляет меня:

— В другой жизни. А теперь он здесь, и он пуст. Мы приходим на Главную Площадь.

Перед дверью книжного магазина, на лестнице, которая ведет в квартиру, сидят два мальчика.

Брат говорит:

— Это мои сыновья. Их мать уехала.

Мы входим в большую кухню. Брат готовит ужин. Дети едят молча, не поднимая глаз. Я говорю:

— Твои дети счастливы.

— Очень счастливы. Я уложу их спать. Когда он возвращается, то говорит:

— Пойдем ко мне в комнату.

Мы входим в большую комнату, брат достает из-за книг в книжном шкафу спрятанную бутылку:

— Все, что осталось. В бочках пусто.

Мы пьем. Брат гладит красный бархат на столе:

— Видишь, ничего не изменилось. Я все сохранил. Даже эту жуткую скатерть. Завтра ты можешь переехать жить домой.

Я говорю:

— Мне не хочется. Я лучше поиграю с твоими детьми.

Брат говорит:

— Мои дети не играют.

— Что они делают?

— Они готовятся прожить жизнь. Я говорю:

— Я прожил жизнь и ничего не нашел. Брат говорит:

— Нечего там находить. Что ты искал?

— Тебя. Я вернулся из-за тебя. Брат смеется:

— Из-за меня? Ты же знаешь, я только сон. С этим нужно смириться.

Нигде ничего нет.

Мне холодно, я встаю:

— Поздно, мне пора возвращаться.

— Возвращаться? Куда?

— В гостиницу.

— Какую гостиницу? Ты у себя дома. Я познакомлю тебя с нашими родителями.

— С родителями? Где они?

Брат показывает на коричневую дверь, ведущую в другую комнату.

— Здесь. Они спят.

— Вместе?

— Как всегда. Я говорю:

— Не нужно их будить. Брат говорит:

— Почему? Они будут счастливы увидеть тебя после стольких лет.

Я отступаю к двери:

— Я не хочу, не хочу их видеть. Брат хватает меня за руку:

— Ты не хочешь, ты не можешь. А я вижу их каждый день. Ты должен увидеть их хотя бы один-единственный раз!

Брат тащит меня к коричневой двери, свободной рукой я хватаю со стола тяжелую стеклянную пепельницу и бью ею брата по затылку.

Брат ударяется лбом о дверь, падает, вокруг его головы на полу кровь.

Я выхожу из дома, сажусь на скамейку. Огромная луна освещает пустую площадь.

Передо мной останавливается старик, он просит сигарету. Я даю ему сигарету и огня.

Он стоит передо мной, курит.

Через некоторое время он спрашивает:

— Так ты убил его? Я говорю:

— Да.

Старик говорит:

— Ты выполнил свой долг. Это хорошо. Немногие делают то, что надо.

Я говорю:

— Все потому, что он хотел открыть дверь.

— Ты правильно сделал. Хорошо, что ты ему помешал. Надо было тебе его убить. Так все встает на свои места, все как полагается.

Я говорю:

— Но его больше не будет. Неважно, что полагается, если его больше никогда не будет.

Старик говорит:

— Напротив. Отныне он будет рядом с тобой каждое мгновение и где бы ты ни был.

Старик отходит, звонит в дверь маленького дома, входит внутрь.

Когда я просыпаюсь, площадь уже давно живет. Люди ходят по ней

пешком и ездят на велосипедах. Машин очень мало. Лавочки открыты, книжный магазин тоже. В коридоре гостиницы работает пылесос.

Я открываю дверь, подзываю горничную:

— Вы не могли бы принести мне кофе?

Она оборачивается, это молодая женщина с очень черными волосами.

— Я не могу обслуживать жильцов, сударь, я только занимаюсь уборкой. Мы не обслуживаем номера. Есть ресторан и бар.

Я возвращаюсь в комнату, чищу зубы, принимаю душ, потом снова ложусь под одеяло. Мне холодно.

В дверь стучат, входит горничная, она ставит на ночной столик поднос:

— Вы заплатите за кофе в баре, когда захотите.

Она ложится рядом со мной на кровать, подставляет мне губы. Я отворачиваюсь:

— Нет, милая. Я старый больной человек. Она встает, говорит:

— У меня очень мало денег. За работу, которую я делаю, очень мало платят. Я хотела бы подарить гоночный велосипед сыну на день рождения. И у меня нет мужа.

— Я понимаю.

Я даю ей банкноту, не зная, мало это или много, я еще не привык к местным ценам.

Около трех часов дня я выхожу.

Я иду медленно. Через полчаса я все же дохожу до конца города. Там, на месте Бабушкиного дома, находится ухоженная спортивная площадка. На ней играют дети.

Я долго сижу на берегу реки, потом возвращаюсь в город. Я прохожу через старый город, по улочкам замка, поднимаюсь на кладбище, но не нахожу могилы Бабушки.

Так я гуляю каждый день, часами, по всем улицам города. Особенно по узким улочкам, где дома вросли в землю, и окна на уровне тротуара. Иногда я сажусь в сквере или на низких стенах замка, или на какой-нибудь могиле на кладбище. Когда мне хочется есть, я иду в маленькое бистро, ем то, что дают. Потом я пью с рабочими, с простыми людьми. Никто меня не узнает, никто меня не помнит.

Однажды я вхожу в книжный магазин, чтобы купить бумаги и карандашей. Толстого человека, сидевшего там, когда я был ребенком, уже нет, теперь в магазине работает женщина. Она сидит в кресле около балконной двери, выходящей в сад, и вяжет. Она улыбается мне:

— Я вас заметила. Я видела, как вы каждый день входите и выходите из гостиницы. Только иногда вы возвращаетесь слишком поздно, и я уже

сплю. Я живу над книжным магазином и люблю по вечерам смотреть на площадь.

Я говорю:

— Я тоже.

Она спрашивает:

— Вы здесь в отпуске? Надолго?

— Да, в отпуске. В какой-то степени. Я хотел бы пробыть здесь как можно дольше. Это зависит от моей визы, и еще от денег.

— От визы? Вы иностранец? Никогда не подумаешь.

— Я провел детство в этом городе. Я родился в этой стране. Но я давно живу за границей.

Она говорит:

— Теперь, когда страна стала свободной, приезжает много иностранцев. Те, что уехали после революции, приезжают посетить родные места, но особенно много просто любопытных, туристов. Вы увидите, с наступлением лета поедут целыми автобусами. И тогда — прощай спокойствие.

И действительно, гостиница все наполняется. По субботам организуют танцы. Они длятся иногда до четырех часов утра. Я не могу выносить музыку, крики и смех развлекающихся людей. Поэтому я остаюсь на улице, сижу на скамейке с бутылкой вина, купленной заранее днем, и жду.

Однажды рядом со мной усаживается мальчик:

— Можно я побуду с вами? Мне немного страшно в темноте.

Я узнаю его голос. Это мальчик, который, когда я приехал, нес мой чемодан. Я спрашиваю у него:

— Что ты здесь делаешь так поздно?

Он говорит:

— Я жду маму. Когда танцы, она должна оставаться допоздна, чтобы помогать обслуживать и мыть посуду.

— Ну и что? Ты бы оставался дома и спал спокойно.

— Я не могу спать спокойно. Я боюсь, как бы с мамой чего-нибудь не случилось. Мы живем далеко отсюда, я не могу дать ей одной ходить ночью. Есть мужчины, которые нападают на женщин, если они ходят одни ночью. Я это видел по телевизору.

— А на детей не нападают?

— Нет, не так часто. Только на женщин, особенно на красивых. Я смог бы за себя постоять. Я очень быстро бегаю.

Мы ждем. Постепенно внутри гостиницы все стихает. Изнутри выходит женщина, это та, которая по утрам приносит мне кофе. Мальчик

бежит к ней, они уходят вдвоем, держась за руки.

Другие служащие выходят из гостиницы и быстро расходятся.

Я поднимаюсь к себе в комнату.

На следующий день я иду в книжный магазин:

— Я не могу больше оставаться в гостинице. Там слишком много народа, слишком шумно. Вы не знаете кого-нибудь, кто сдал бы мне комнату?

Она говорит:

— Живите у меня. Здесь, наверху.

— Я вас стесню.

— Вовсе нет. Я перееду жить к дочери. Она живет неподалеку. У вас будет весь второй этаж. Две комнаты, кухня, ванная.

— За сколько?

— Сколько вы платите за гостиницу?

Я говорю ей. Она улыбается:

— Это цены для туристов. У меня вы будете жить за половину этой суммы. Я даже буду у вас прибирать после закрытия книжного магазина. В это время вы всегда гуляете, я вам не помешаю. Хотите посмотреть квартиру?

— Нет, я уверен, что она мне подойдет. Когда я смогу въехать?

— С завтрашнего дня, если хотите. Я только унесу свою одежду и личные вещи.

На следующий день я собираю чемодан, расплачиваюсь в гостинице. Я прихожу в книжный магазин перед самым закрытием. Хозяйка протягивает мне ключ:

— Это ключ от входной двери. В квартиру можно подняться прямо из магазина, но вы пользуйтесь другой дверью, которая выходит на улицу. Я вам покажу.

Она закрывает магазин. Мы поднимаемся по узкой лестнице, выходим на площадку с двумя окнами, выходящими в сад. Хозяйка книжного магазина объясняет:

— Левая дверь ведет в спальню, напротив — ванная. Вторая дверь — это дверь гостиной, откуда вы можете пройти в спальню. В глубине кухни. Там есть холодильник. Я оставила в нем немного еды.

Я говорю:

— Мне нужны только кофе и вино. Я ем в бистро.

Она говорит:

— Это нездоровая пища. Кофе на полке, в холодильнике есть бутылка вина. Я ухожу. Надеюсь, вам здесь понравится.

Она уходит. Я сразу открываю бутылку вина: завтра надо будет купить еще. Я захожу в гостиную. Это большая, просто обставленная комната. Между окнами стоит большой стол, покрытый красным бархатом. Я сразу же раскладываю на нем бумаги и карандаши. Потом я иду в спальню. Это узкая комната с одним окном, или, вернее, со стеклянной дверью, ведущей на балкончик.

Я ставлю чемодан на кровать, складываю вещи в пустой шкаф.

В этот вечер я не выхожу на улицу. Я допиваю бутылку вина, устроившись в старом кресле у одного из окон гостиной. Я смотрю на площадь, потом ложусь в кровать, от которой пахнет мылом.

Когда я назавтра встаю, около десяти часов, я нахожу на кухонном столе две газеты и на плите кастрюлю с овощным супом. Я сначала готовлю себе кофе и пью его, читая газеты. Суп я съедаю позже, перед выходом, около четырех часов дня.

Хозяйка книжного магазина не беспокоит меня. Я вижу с ней только, когда хожу ее навестить вниз. В мое отсутствие она убирает в квартире и уносит мое грязное белье, потом она возвращает его чистым и выглаженным.

Время идет быстро. Я должен съездить в соседний город, столицу области, чтобы продлить визу. Штамп на мой паспорт ставит молодая женщина: «ПРОДЛЕНО НА МЕСЯЦ». Я плачу, говорю ей спасибо. Она улыбается мне:

— Сегодня вечером я буду в баре Гранд Отеля. Там очень весело. Много иностранцев, вы могли бы там встретить соотечественников.

Я говорю:

— Да, может быть, я приду.

Я сразу же сажусь на красный поезд, чтобы вернуться к себе, в свой город.

На следующий месяц молодая женщина менее любезна, она молча ставит штамп на мой паспорт, а в третий раз сухо предупреждает меня, что в четвертый раз продления визы не будет.

К концу лета у меня почти не остается денег, приходится экономить. Я покупаю себе гармонику и, как в детстве, хожу играть в бистро. Посетители подносят мне выпить. Что касается еды, то я довольствуюсь овощным супом, который оставляет хозяйка книжного магазина. В сентябре и октябре я даже не могу заплатить за квартиру. Хозяйка не спрашивает денег, она продолжает убирать, стирать мое белье, приносит мне суп.

Я не знаю, как мне быть, но я не могу вернуться в другую страну, я

должен остаться здесь, я должен умереть здесь, в этом городе.

Боли с момента моего приезда не возобновлялись, несмотря на чрезмерное потребление алкоголя и табака.

* * *

30 октября я праздную свой день рождения в одном из самых людных бистро города вместе с собутыльниками. Все подносят мне выпить. Пары танцуют под мою игру на гармонике. Женщины обнимают меня. Я пьян. Я начинаю говорить о своем брате, как бывает каждый раз, когда я слишком много выпил. Все в городе знают мою историю: я ищу своего брата, с которым я жил здесь, в этом городе, до пятнадцати лет. И здесь я должен встретиться с ним, я знаю, что он придет, когда узнает, что я вернулся из-за границы.

Все это только ложь. Я прекрасно знаю, что в этом городе, у Бабушки, я уже был один, что даже в это время я только воображал, что нас двое, брат и я, чтобы вынести невыносимое одиночество.

К полуночи зал бистро немного успокаивается. Я перестаю играть, я только пью.

Напротив меня садится оборванный старик. Он пьет из моего стакана. Он говорит:

— Я прекрасно помню вас обоих. И тебя, и брата.

Я ничего не говорю. Другой человек, помоложе, приносит бутылку вина ко мне на стол. Я прошу чистый стакан. Мы пьем.

Человек помоложе спрашивает:

— Что ты мне дашь, если я найду тебе брата? Я говорю ему:

— У меня не осталось денег. Он смеется:

— Но тебе могут прислать денег из-за границы. Все иностранцы богатые.

— Кроме меня. Я даже не могу заплатить тебе за выпивку.

Он говорит:

— Ничего страшного. Еще бутылку за мой счет.

Подавальщица приносит вино и говорит:

— Это последняя бутылка. Я вас больше не обслуживаю. Если мы не закроемся, то будут неприятности с полицией.

Старик продолжает пить около нас, время от времени приговаривая:

— Да, я вас знал, вы оба были отличными ребятами уже тогда. Да, да.

Самый молодой говорит:

— Я знаю, что твой брат прячется в лесу. Время от времени я вижу его издали. Он живет, как дикий зверь. Он сделал себе одежду из армейских одеял и ходит босиком даже зимой. Он питается травами, корнями, каштанами и мелкой дичью. У него длинные седые волосы, и борода у него тоже седая. У него есть нож и спички, он курит сигареты, которые сам себе скручивает, что доказывает, что он иногда ночью заходит в город. Может, девки, которые живут за кладбищем и торгуют собой, знают его. По крайней мере, одна из них. Может быть, она принимает его тайком и дает то, что ему нужно. Можно было бы организовать облаву. Если всем взяться за дело, то можно его прижать.

Я встаю, бью его:

— Лжец! Это не мой брат. И если ты хочешь кого-нибудь прижать, не рассчитывай на меня.

Я снова бью его, он падает со стула. Я опрокидываю стол, я воплю:

— Это не мой брат!

Подавальщица кричит на улицу:

— Полиция! Полиция!

Наверно, кто-то позвонил, потому что полиция прибывает быстро. Двое полицейских. Пешком. В кабачке наступает тишина. Один из полицейских спрашивает:

— Что здесь происходит? Давно должно быть закрыто.

Человек, которого я ударил, стонет:

— Он ударил меня.

Несколько человек показывают на меня:

— Это он.

Полицейский поднимает того, кого я ударил:

— Перестань хныкать. Ничего с тобой не случилось. Ты, как всегда, напился. Лучше бы шел домой. Вам всем лучше разойтись.

Он оборачивается ко мне:

— А вас я не знаю. Покажите ваши документы.

Я пытаюсь убежать, но окружающие люди удерживают меня. Полицейский обшаривает мои карманы, находит паспорт. Он долго рассматривает его и говорит своему коллеге:

— Срок визы истек. Много месяцев назад. Придется его забрать.

Я вырываюсь, но они надевают мне наручники и выводят на улицу. Я спотыкаюсь, мне трудно идти, и они несут меня до полицейского участка.

Там они снимают с меня наручники, укладывают на кровать и уходят, закрыв за собой дверь.

На следующее утро меня допрашивает офицер полиции. Он молод, у него русые волосы и лицо, покрытое веснушками.

Он говорит мне:

— Вы не имеете права пребывать в нашей стране. Вы должны уехать.

Я говорю:

— У меня нет денег на поезд. У меня вообще больше нет денег.

— Я предупрежу посольство. Они вас репатрируют.

Я говорю:

— Я не хочу отсюда уезжать. Я должен найти своего брата.

Офицер пожимает плечами:

— Вы можете вернуться, когда хотите. Вы даже можете окончательно здесь поселиться, но на это есть свои правила. Вам их разъяснят в посольстве. Что касается вашего брата, то я предприму соответствующие поиски. У вас есть о нем сведения, которые могли бы быть полезны?

— Да, у меня есть рукопись, написанная его собственной рукой. Она находится на столе гостиной в моей квартире, над книжным магазином.

— А как вы получили эту рукопись?

— Ее оставили на мое имя у администратора гостиницы.

Он говорит:

— Странно, очень странно.

Однажды ноябрьским утром меня вызывают в кабинет офицера. Он предлагает мне сесть, протягивает рукопись:

— Вот, я вам ее возвращаю. Это только вымысел, художественное произведение, и ваш брат тут совершенно ни при чем.

Мы молчим. Окно открыто. Идет дождь, холодно. Наконец офицер говорит:

— Даже о вас нет никаких сведений в архивах города.

Я говорю:

— Естественно. Бабушка так меня и не зарегистрировала. И я никогда не ходил в школу. Но я знаю, что родился в столице.

— Архивы столицы были полностью разрушены в результате бомбардировки. За вами придут в четырнадцать часов.

Он добавляет это очень быстро.

Я прячу руки под стол, потому что они дрожат.

— В четырнадцать? Сегодня?

— К сожалению, да. Все так внезапно. Повторяю, вы можете

вернуться, когда захотите. Вы можете переехать сюда окончательно. Так поступают многие эмигранты. Наша страна теперь часть свободного мира. Скоро вам не понадобится виза.

Я говорю ему:

— Для меня это будет слишком поздно. У меня болезнь сердца. Я вернулся, потому что хотел умереть здесь. А брата моего, может быть, и вообще никогда не было.

Офицер говорит:

— Да, так оно и есть. Если вы будете рассказывать истории о своем брате, все сочтут вас сумасшедшим.

— Вы тоже так думаете? Он качает головой:

— Нет, я просто думаю, что вы смешиваете реальность и литературу. Вашу литературу. И еще я думаю, что вам надо поехать в вашу страну, немного подумать и потом вернуться. Может быть, навсегда. Этого я желаю вам и себе.

— Из-за партий в шахматы?

— Нет, не только.

Он встает, протягивает мне руку:

— Когда вы уйдете, меня здесь не будет. Я прощаюсь с вами сейчас. Возвращайтесь к себе в камеру.

Я возвращаюсь в камеру. Охранник говорит мне:

— Говорят, вы сегодня выходите.

— Да, вроде бы.

Я ложусь на койку, жду. В полдень приходит со своим супом хозяйка книжного магазина. Я говорю ей, что должен уехать. Она плачет. Она достает из сумки свитер и говорит:

— Я связала вам этот свитер. Наденьте его. Холодно.

Я надеваю свитер, говорю:

— Спасибо. Я вам еще должен плату за два месяца. Надеюсь, что посольство за них заплатит.

Она говорит:

— Да какая разница! Вы вернетесь, ведь правда?

— Я попытаюсь.

Она уходит в слезах. Ей пора открывать магазин.

Мы с охранником сидим у меня в камере. Он говорит:

— У меня не укладывается в голове, что завтра вас здесь не будет. Но вы наверняка вернетесь. А пока я стираю ваши долги.

Я говорю:

— Нет, не делайте этого. Ничего не стирайте. Я вам заплачу свой долг,

как только приедут из посольства.

Он говорит:

— Нет, нет, это была просто шутка. И я часто жульничал.

— Ах вот почему вы все время выигрывали!

— Не сердитесь на меня, я не могу не жульничать.

Он шмыгает носом, сморкается:

— Знаете, если у меня родится сын, я назову его вашим именем.

Я говорю ему:

— Лучше назовите его именем моего брата — Лукас. Мне это будет еще приятней.

Он задумывается:

— Лукас? Да, красивое имя. Поговорю об этом с женой. Может, она будет не против. В любом случае, она возражать не станет. В доме команду я.

— Я в этом не сомневаюсь.

За мной в камеру приходит полицейский. Мы с охранником выходим во двор. Там стоит хорошо одетый человек в шляпе, с галстуком и зонтом. Бульжник двора блестит под дождем.

Человек из посольства говорит:

— Нас ждет машина. Я уже заплатил ваши долги.

Он говорит на языке, который я не должен был знать, но который я, однако, понимаю. Я указываю на охранника:

— Я должен этому человеку некоторую сумму. Это долг чести.

Он спрашивает:

— Сколько?

Он платит, берет меня под руку, ведет меня к большой машине, стоящей перед домом. Шофер в форменной фуражке открывает дверцы.

Машина трогается с места. Я спрашиваю у человека из посольства, нельзя ли на минуту оста новиться перед книжным магазином, на Глав ной Площади, но он смотрит на меня, не понимая, и я осознаю, что заговорил с ним на моем старом языке, на языке этой страны. Шофер ведет машину быстро, мы проезжаем площадь, мы уже едем к вокзалу, и скоро мой Маленький Город остается позади. В машине тепло. За окном мелькают деревни, поля, тополя и акации, пейзажи моей страны под ветром и дождем. Вдруг я оборачиваюсь к человеку из посольства:

— Это не дорога к границе. Мы едем в другую сторону.

Он говорит:

— Мы сначала везем вас в посольство, в столицу. Вы пересечете границу через несколько дней, на поезде.

Я закрываю глаза.

* * *

Мальчик переходит границу.

Впереди идет мужчина, мальчик ждет. Взрыв. Мальчик подходит ближе. Мужчина лежит около второго заграждения. Тогда мальчик бросается вперед. Он идет по следам, потом по неподвижному телу мужчины, переходит на ту сторону границы, прячется в кустах.

На джипе приезжает отряд пограничников.

Там сержант и несколько солдат. Один из них го ворит:

— Вот мудак!

Другой:

— Да просто не повезло. Он почти прошел.

Сержант кричит:

— Хватит зубы скалить. Нужно принести тело.

Солдаты говорят:

— Да что там от него осталось.

— Зачем?

Сержант говорит:

— Для опознания. Таков приказ. Нужно приносить тела на опознание.

Добровольцы есть?

Солдаты переглядываются:

— Мины. Можно там и остаться.

— Ну и что? Это ваш долг. Трусы!

Один солдат поднимает руку:

— Я.

— Молодец. Иди, парень. Остальные — шаг назад.

Солдат медленно доходит до изуродованного тела, потом бросается бежать. Он минует мальчика, не заметив.

Сержант вопит:

— Сволочь! Стреляйте! Огонь!

Солдаты не стреляют.

— Он на той стороне. На ту сторону стрелять запрещено.

Сержант поднимает ружье. Напротив показываются два иностранных пограничника. Сержант опускает оружие, протягивает его солдату. Он идет

к труп, берет его на спину, возвращается и сбрасывает тело на землю. Он вытирает лицо рукавом мундира:

— Вы мне заплатите за это, сукины дети, вы просто куча дерьма.

Солдаты заворачивают труп в брезент и кладут его в заднюю часть машины. Они уезжают. Два иностранных пограничника тоже уходят.

Мальчик продолжает лежать не двигаясь, он засыпает. Рано утром его будят птицы. Он прижимает к себе пальто, резиновые сапоги и идет в деревню. Он встречает двух пограничников, которые спрашивают у него:

— А ты откуда?

— С той стороны границы.

— Ты перешел границу? Когда?

— Вчера. С отцом. Но он упал, после взрыва он остался лежать, и те пограничники потом его забрали.

— Да, мы там были. Но тебя мы не видели. Сбежавший солдат тоже тебя не видел.

— Я спрятался. Мне было страшно.

— Откуда ты научился говорить по-нашему?

— Я выучился у военных во время войны. Как вы думаете, они вылечат моего отца?

Пограничники опускают глаза:

— Конечно вылечат. Пойдем с нами. Наверно, ты голоден.

Пограничники доводят мальчика до деревни и передают жене одного из них.

— Накорми его, а потом отведи в участок. Скажи там, что мы зайдем в одиннадцать, напишем рапорт.

Женщина — толстая и светловолосая, у нее красное улыбающееся лицо. Она спрашивает у мальчика:

— Любишь молоко и сыр? Обед еще не готов.

— Да, сударыня, я все люблю. Я ем все равно что.

Женщина дает ему еду:

— Нет, погоди. Иди сначала вымойся. Хотя бы лицо и руки. Я бы постирала твою одежду, но, думаю, что у тебя нет ничего на смену.

— Нет, сударыня.

— Я дам тебе рубашку мужа. Она будет тебе велика, но ничего. Просто закатай рукава. Вот, держи полотенце. Ванная там.

Мальчик берет с собой в ванную пальто и сапоги. Он умывается, идет назад в кухню, ест хлеб и сыр, пьет молоко. Он говорит:

— Спасибо, сударыня. Она говорит:

— Ты вежливый и воспитанный мальчик. И хорошо говоришь на

нашем языке. Твоя мама осталась там?

— Нет, она умерла в войну.

— Бедняжка. Пойдем, нам надо сходить в комиссариат. Не бойся, полицейский добрый, он друг моего мужа.

В участке она говорит полицейскому:

— Вот сын того человека, который вчера пытался перейти границу. Муж зайдет к вам в одиннадцать. Я с удовольствием оставила бы паренька у себя, пока не будет принято решение. Может быть, придется отсылать его назад, он несовершеннолетний.

Полицейский говорит:

— Посмотрим. В любом случае, я отпущу его к вам на обед.

Женщина уходит, и полицейский протягивает мальчику анкету:

— Вот, заполни. Если не поймешь вопрос, спросишь у меня.

Когда мальчик возвращает анкету, полицейский перечитывает ее вслух:

— Имя и фамилия: Клаус Т. Возраст: восемнадцать лет. Ты выглядишь помоложе.

— Это из-за того, что болел в детстве.

— У тебя есть паспорт?

— Нет, ничего нет. Мы с отцом сожгли все документы перед тем, как выйти.

— Зачем?

— Чтобы не установили, кто мы. Отец сказал, что так нужно сделать.

— Твой отец подорвался на mine. Если бы ты шел рядом с ним, ты бы тоже подорвался.

— Я не шел рядом с ним. Он мне сказал дожждаться, пока он перейдет на ту сторону, и идти за ним на расстоянии.

— Почему вы ушли за границу?

— Отец этого хотел. Его все время сажали в тюрьму, следили за ним. Он не хотел там жить. Он взял меня с собой, потому что не хотел оставлять меня одного.

— А твоя мать?

— Она умерла в войну, во время бомбардировки. Потом я жил у Бабушки, но она тоже умерла.

— Значит, у тебя там больше никого нет. Никто не может тебя затребовать назад. Кроме властей, если ты совершил преступление.

— Я никакого преступления не совершал.

— Ну, тогда просто придется подождать решения начальства. Пока тебе запрещено покидать деревню. Вот. Подпиши это.

Мальчик подписывает протокол, в котором содержится тройная ложь.

Человек, с которым он перешел границу, не был ему отцом.
Мальчику не восемнадцать лет, а пятнадцать.
Его зовут не Клаус.

* * *

Через несколько дней в дом пограничника приезжает человек из города. Он говорит мальчику:

— Меня зовут Петер Н. Теперь вами буду заниматься я. Вот ваш паспорт. Здесь только нет вашей подписи.

Мальчик рассматривает паспорт. Дата его рождения поставлена на три года раньше, его зовут Клаус и в графе «подданство» стоит прочерк.

В тот же день Петер и Клаус отправляются на автобусе в город. По дороге Петер задает вопросы:

— Чем вы занимались раньше, Клаус? Учились?

— Учился? Нет. Я работал в саду, ухаживал за домашними животными, играл на гармошке в бистро, носил чемоданы пассажирам.

— Чем бы вы хотели заниматься в будущем?

— Не знаю. Ничем. Почему нужно обязательно чем-нибудь заниматься?

— Нужно зарабатывать на жизнь.

— Это я знаю. Я всегда зарабатывал на жизнь. Я с удовольствием займусь любой работой, чтобы заработать немного денег.

— Немного денег? Любой работой? Вы можете получить стипендию и учиться.

— Я не хочу учиться.

— Однако вам придется позаниматься, чтобы правильно выучить язык. Вы довольно хорошо говорите, но нужно научиться читать и писать. Вы будете жить в молодежном общежитии с другими студентами. У вас будет своя комната. Вы пройдете курсы языка, а потом посмотрим.

Петер и Клаус ночуют в гостинице Большого Города. Утром они отправляются на поезде в город поменьше, расположенный между озером и лесом. Молодежное общежитие расположено на наклонной улице, посреди сада, недалеко от центра города.

Их встречает пара — директор и директриса общежития. Они отводят Клауса в его комнату. Окно выходит в сад.

Клаус спрашивает:

— Кто занимается садом?

Директриса отвечает:

— Я сама, но дети очень мне помогают.

Клаус говорит:

— Я тоже буду вам помогать. У вас очень красивые цветы.

Директриса говорит:

— Спасибо, Клаус. Здесь ты будешь совершенно свободен, но надо будет возвращаться по вечерам не позже одиннадцати часов. Комнату ты будешь убирать сам. Можешь попросить пылесос у привратника.

Директор говорит:

— Если у тебя возникнут проблемы, обращайся ко мне.

Петер говорит:

— Правда, вам здесь будет хорошо, Клаус?

Еще Клаусу показывают столовую, душевые и общий зал. Его знакомят с находящимися там девушками и юношами. Потом Петер показывает Клаусу город и отводит его к себе домой.

— Вы можете найти меня здесь, если я вам понадобится. Вот моя жена Клара.

Они обедают вместе, втроем, потом во второй половине дня ходят по магазинам, чтобы купить одежду и обувь.

Клаус говорит:

— У меня за всю мою жизнь не было столько одежды и обуви.

Петер улыбается:

— Можете выбросить ваше пальто и сапоги. Каждый месяц вам будут выдавать определенную сумму на школьные принадлежности и карманные расходы. Если вам понадобится что-нибудь сверх того, скажите мне. Естественно, за ваше проживание, питание и учебу заплачено.

Клаус спрашивает:

— Кто дает мне все эти деньги? Вы?

— Нет, я просто ваш опекун. Деньги дает государство. У вас нет родителей, государство должно заботиться о вас до тех пор, пока вы сами не сможете зарабатывать на жизнь.

Клаус говорит:

— Надеюсь, это будет очень скоро.

— Через год вы решите, будете ли вы продолжать учебу или поступите учеником на производство.

— Мне не хочется учиться.

— Посмотрим, посмотрим. Неужели у вас совершенно нет

честолюбия, Клаус?

— Честолюбия? Не знаю. Я просто хочу, чтобы я мог спокойно писать.

— Писать? Что? Вы хотите стать писателем?

— Да. Чтобы стать писателем, не нужно учиться. Просто нужно уметь писать, не делая слишком много ошибок. Я с удовольствием научусь правильно писать на вашем языке, но этого мне достаточно.

Петер говорит:

— Писательским трудом на жизнь не заработаешь.

Клаус говорит:

— Да, я знаю. Но я мог бы работать днем и спокойно писать ночью. Так я делал, когда жил с Бабушкой.

— Как? Вы уже писали?

— Да. Я заполнил много тетрадей. Они завернуты в мое старое пальто. Когда я выучусь писать на вашем языке, я переведу их и покажу вам.

Они находятся в комнате молодежного общежития. Клаус развязывает веревку, которой перевязано его старое пальто. Он выкладывает на стол пять школьных тетрадей. Петер одну за другой открывает их:

— Мне очень любопытно узнать, что написано в этих тетрадях. Это что-то вроде дневника?

Клаус говорит:

— Нет, это ложь.

— Ложь?

— Да. Выдумки. Истории, которые не произошли, но могли случиться.

Петер говорит:

— Скорее учитесь писать на нашем языке, Клаус.

* * *

Мы приезжаем в столицу около семи часов вечера. Погода испортилась, холодно и капли дождя превратились в снежинки.

Здание посольства окружено большим садом. Меня ведут в хорошо натопленную комнату, с двуспальной кроватью и ванной комнатой. Она похожа на номер в гостинице высшего класса.

Официант приносит мне ужин. Я ем немного. Этот ужин непохож на то, к чему я привык в Маленьком Городе. Я ставлю поднос возле двери. В нескольких метрах от меня в коридоре сидит человек.

Я принимаю душ, чищу зубы новой зубной щеткой, которая лежит в ванной. Я нахожу там еще халат, а на кровати пижаму. Я ложусь спать.

Воли возникают снова. Я немного жду, но боль становится невыносимой. Я встаю, роюсь в чемодане, нахожу свои лекарства, принимаю две таблетки и снова ложусь в кровать. Вместо того чтобы стать меньше, боль усиливается. Я доползаю до двери, открываю ее, человек по-прежнему сидит на своем месте. Я говорю ему:

— Пожалуйста, врача. Я болен. Сердце.

Он снимает трубку висящего рядом с ним на стене телефона. Дальше я ничего не помню, я теряю сознание. Я просыпаюсь на больничной койке.

Я провожу в больнице три дня. Мне делают всякого рода обследования. Наконец ко мне приходит кардиолог:

— Вы можете встать и одеться. Вас отвезут назад в посольство.

Я спрашиваю:

— Вы не будете меня оперировать?

— В операции нет нужды. Ваше сердце в прекрасном состоянии. Эти боли были вызваны состоянием тревоги, беспокойством, глубокой депрессией. Не принимайте больше тринитрина, только принимайте то сильное успокаивающее средство, которое я вам прописал. Он протягивает мне руку:

— Не бойтесь, вы можете прожить еще долго.

— Я не хочу жить долго.

— Как только вы вылечитесь от депрессии, вы передумаете.

Машина отвозит меня в посольство. Улыбающийся молодой человек с кудрявыми волосами предлагает мне сесть в кожаное кресло.

— Садитесь. Я рад, что в больнице все прошло хорошо. Но я вас вызвал не за этим. Вы ищете родственников, и в частности брата, не правда ли?

— Да, брата-близнеца. Но без особой надежды. Неужели вы что-нибудь обнаружили? Мне сказали, что архивы утрачены.

— Мне не понадобились архивы. Я просто открыл телефонный справочник. В этом городе живет человек, у которого та же фамилия, что и у вас. Та же фамилия, но и то же имя.

— Клаус?

— Да. Клаусс Т., с двумя «с». Очевидно, что речь не может идти о вашем брате. Но все же, может быть, он состоит в родстве с вашей семьей, и возможно, даст нам какие-нибудь сведения. Вот его адрес и номер телефона на случай, если вы захотите с ним связаться.

Я беру адрес и говорю:

— Не знаю. Я хотел бы сначала посмотреть на улицу и на дом, в котором он живет.

— Я понимаю вас. Мы можем заехать туда посмотреть около семнадцати часов. Я отвезу вас. Вы не можете выходить на улицу один без документов.

Мы проезжаем город. Уже почти темно. В машине кудрявый человек говорит мне:

— Я навел справки о вашем однофамильце. Это один из ведущих поэтов этой страны.

Я говорю:

— Хозяйка книжного магазина, у которой я снимал квартиру, никогда мне о нем не говорила. А ведь она должна была его знать.

— Не обязательно. Клаусс Т. пишет под псевдонимом. Он публикуется под именем Клаусс Лукас. Говорят, он нелюдим. Его никогда не видят на людях, о его личной жизни ничего неизвестно.

Машина останавливается на узкой улице с двумя рядами одноэтажных домов, окруженных садами.

Кудрявый человек говорит:

— Вот. Дом номер восемнадцать. Это здесь. Это один из лучших районов города. Самый тихий, правда, и самый дорогой.

Я ничего не отвечаю. Я смотрю на дом. Он немного в глубине. Из сада к входной двери ведут несколько ступенек. На четырех выходящих на улицу окнах еще не закрыты ставни. На кухне горит свет, вскоре оба окна гостиной зажигаются голубым светом. Кабинет пока остается неосвещенным. Другая часть дома, та, что выходит во двор, отсюда не видна. Там еще три комнаты. Спальня родителей, детская и комната для гостей, в которой чаще всего Мама занималась рукоделием.

Во дворе было что-то вроде сарая для дров, велосипедов и громоздких игрушек. Я помню красные трехколесные велосипеды и деревянные самокаты. Еще я помню обручи, которые мы прутиком гоняли по улице. К одной из стен был прислонен огромный воздушный змей. Еще во дворе были качели с двумя сиденьями, подвешенными рядом. Мама толкала нас, и мы взлетали до веток орешника, который, может быть, еще растет за домом.

Человек из посольства спрашивает меня:

— Все это вам о чем-нибудь напоминает? Я говорю:

— Нет, ни о чем. В то время мне было всего четыре года.

— Вы хотите войти внутрь сейчас?

— Нет. Я позвоню сегодня вечером.

— Да, так будет лучше. Это такой человек, к которому попасть нелегко. Может быть, вам не удастся его увидеть.

Мы возвращаемся в посольство. Я поднимаюсь к себе в комнату. Кладу бумажку с номером рядом с телефоном. Я беру успокаивающее средство, открываю окно. Идет снег. Хлопья влажно падают на желтую траву сада, на черную землю. Я ложусь на кровать.

Я иду по улицам незнакомого города. Идет снег, становится все темнее и темнее. Улицы, по которым я иду, освещены все хуже и хуже. Дом, в котором мы раньше жили, находится на самой последней улице. За ним город кончается. Ночь без единого огня. Напротив дома — бистро. Я захожу в него, заказываю бутылку вина. Я — единственный посетитель.

Окна дома зажигаются все одновременно. Я вижу, как за занавесками двигаются тени. Я допиваю бутылку, выхожу из бистро, пересекаю улицу и звоню у калитки. Никто не отвечает, звонок не работает. Я открываю чугунную дверь ограды, она не закрыта на ключ. Я поднимаюсь по пяти ступенькам, ведущим на веранду. Снова звоню. Два, три раза. Из-за двери мужской голос спрашивает:

— Что такое? Что вам нужно? Кто вы такой? Я говорю:

— Это я, Клаусс.

— Клаусс, какой Клаусс?

— У вас ведь есть сын по имени Клаусс?

— Наш сын здесь, в доме. С нами. Уходите. Мужчина отходит от двери. Я снова звоню, потом стучу, я кричу:

— Отец, Отец, впустите меня. Я ошибся. Мое имя Лукас. Я ваш сын, Лукас.

Женский голос произносит:

— Впусти его.

Дверь открывается. Старик говорит мне:

— Ну, входите.

Он идет впереди меня в гостиную, садится в кресло. Очень старая женщина сидит в другом кресле.

Она говорит мне:

— Так вы утверждаете, что вы — наш сын Лукас? Где вы были до сих пор?

— Заграницей. Мой отец говорит:

— Вот именно, за границей. А почему ты теперь вернулся?

— Чтобы увидеть вас, Отец. Вас обоих, и еще Клауса.

Моя мать говорит:

— Клаус от нас не уезжал.
Отец говорит:
— Мы искали тебя долгие годы.
Мать продолжает:
— Потом мы тебя забыли. Не надо было тебе возвращаться. Ты всем мешаешь, мы живем спокойно, мы не хотим, чтоб нам мешали.
Я спрашиваю:
— Где Клаус? Я хочу увидеть его.
Мать говорит:
— Он у себя в комнате. Как всегда. Он спит. Не надо его будить. Ему всего четыре года, ему нужно спать.
Отец говорит:
— Ничто не доказывает, что вы Лукас. Уходите.
Я их больше не слушаю, выхожу из гостиной, открываю дверь детской, зажигаю верхний свет. Маленький мальчик, сидящий на кровати, смотрит на меня и начинает плакать. Прибегают мои родители. Мать берет мальчика на руки, укачивает его.
— Не надо бояться, малыш.
Отец хватая меня за руку, тащит меня через гостиную и веранду, открывает дверь и сталкивает меня с лестницы.
— Ты его разбудил, грубиян, чудовище. Вон отсюда!
Я падаю, стучаюсь головой о ступеньку, льется кровь, я остаюсь лежать на снегу.

* * *

Я просыпаюсь от холода. Ветер и снег врываются в мою комнату, пол перед окном мокрый.

Я закрываю окно, иду в ванную за полотенцем, вытираю лужу. Я дрожу, у меня стучат зубы. В ванной тепло, я сажусь на край ванны, принимаю еще одну таблетку транквилизатора, жду, пока стихнет дрожь.

Семь часов вечера. Мне приносят ужин. Я спрашиваю официанта, могу ли я получить бутылку вина.

Он говорит мне:

— Я узнаю.

Через несколько минут он приносит бутылку. Я говорю:

— Вы можете унести поднос.

Я пью. Шагаю по комнате. От окна к двери, от двери к окну.

В восемь часов я сажусь на кровать и набираю номер моего брата.

Часть вторая

В восемь часов вечера раздается телефонный звонок. Мама уже в кровати. Я смотрю по телевизору детектив, как всегда по вечерам.

Я выплевываю в бумажную салфетку недожеванное печенье. Можно будет потом дожевать.

Снимаю телефонную трубку. Я не называю своего имени, просто говорю:

— Алло, я слушаю.

Мужской голос на другом конце провода произносит:

— Это Лукас Т. Я хотел бы поговорить со своим братом Клауссом Х Я молчу. По спине у меня течет пот. Наконец

я говорю:

— Это ошибка. У меня нет братьев.

Голос произносит:

— Есть. Брат-близнец. Лукас.

— Мой брат давно умер.

— Нет, я не умер. Я жив, Клаусс, и хотел бы с тобой увидеться.

— Где вы? Откуда вы приехали?

— Я долго жил за границей. В настоящий момент я нахожусь здесь, в столице, в посольстве Д.

Я делаю глубокий вдох и выпаливаю:

— Не думаю, что вы мой брат. Я никого не принимаю, я не хочу, чтобы меня беспокоили.

Он настаивает:

— Пять минут, Клаусс. Я прошу у тебя только пять минут. Через два дня я уеду из страны и никогда больше не приеду.

— Приходите завтра. Но не раньше восьми вечера.

Он говорит:

— Спасибо. Я буду дома, то есть у тебя, в полдевятого.

Он вешает трубку.

Я вытираю лоб. Возвращаюсь к телевизору. Я не могу понять, о чем фильм. Сейчас я выкину остаток печенья в помойку. Я не хочу больше есть. «Дома». Да, раньше это был наш дом, но это было давно. Теперь это мой дом, все здесь только мое.

Я неслышно открываю дверь в комнату Матери. Она спит. Она такая

маленькая, словно ребенок. Я убираю с ее лица седые волосы, целую в лоб, глажу сморщенные руки, лежащие поверх одеяла. Она улыбается во сне, сжимает мне руку, шепчет:

— Мальчик мой. Это ты.

Потом она добавляет имя моего брата:

— Лукас, мальчик мой, Лукас.

Я выхожу из комнаты, беру бутылку крепкого вина на кухне, и, как каждую ночь, сажусь к столу работать, писать. Этот письменный стол принадлежал отцу, я все сохранил: и старую пишущую машинку, и неудобное деревянное кресло, и лампу, и подставку для карандашей. Я пытаюсь писать, но я могу только плакать, думая об «этом», о том, что испортило нам всем жизнь.

Завтра придет Лукас. Я знаю, что это он. Как только раздался телефонный звонок, я понял, что это он. Мой телефон почти никогда не звонит. Я установил его для Матери, на случай необходимости, или чтобы заказать продукты по телефону, когда у меня нет сил дойти до универсама, или в те дни, когда состояние Матери не позволяет мне выйти на улицу.

Завтра придет Лукас. Как сделать так, чтобы Мать об этом не узнала? Чтоб она не проснулась во время посещения Лукаса? Увезти ее? Скрыться? Где? Как? Как объяснить это Матери? Мы никогда отсюда не уезжали. Мать не хочет отсюда уезжать. Она думает, что это единственное место, где Лукас сможет найти нас, когда вернется.

И действительно, он нас нашел здесь.

Если это он.

Это точно он.

Мне не нужно никаких доказательств, чтобы убедиться в этом. Я знаю. Я знал, я всегда знал, что он не умер, что он вернется.

Но почему теперь? Почему так поздно? Почему после пятидесяти лет отсутствия?

Мне надо защищаться. Я должен защитить Мать. Я не хочу, чтобы Лукас разрушил наше спокойствие, привычки, счастье. Я не хочу потрясений в нашей жизни. Ни Мать, ни я не потерпим, чтоб Лукас рылся в прошлом, ворошил воспоминания, задавал Матери вопросы.

Я должен любой ценой устранить Лукаса, не дать ему открыть ужасную рану.

Стоит зима. Мне нужно экономить уголь. Я немного обогреваю комнату Матери электрическим радиатором, который я включаю за час до того, как она ляжет, и выключаю, когда она заснет, потом я снова включаю

его за час до того, как она встанет.

Мне же самому хватает тепла от кухонной плиты и угольной печки в гостиной. Я встаю рано, чтобы сначала развести огонь в плите, а когда достаточно угля, я переносу часть их в печь гостиной. Я добавляю несколько брикетов и через полчаса там тоже становится тепло.

Поздно вечером, когда Мать уже спит, я открываю дверь кабинета, и туда сразу же начинает идти тепло из гостиной. Это маленькая комната, она согревается очень быстро. Там я переодеваюсь в пижаму и халат и начинаю писать. Поэтому, закончив, я могу прямо идти к себе в комнату и ложиться спать.

Сегодня вечером я слоняюсь по квартире. Я несколько раз захожу на кухню и останавливаюсь. Потом иду в детскую. Смотрю в сад. Голые ветки орехового дерева касаются стекла. Мелкий снег ложится на ветки, на землю тонким ледяным покровом.

Я брожу из одной комнаты в другую. Я уже открыл дверь в кабинет, я приму своего брата там. Как только брат придет, я закрою дверь, ничего, что будет холодно, я не хочу, чтобы Мать нас услышала или чтобы наш разговор разбудил ее.

Что я скажу, если это случится?

Скажу:

— Ложись в кровать, Мама, это просто журналист.

А что я скажу ему, брату?

— Это просто Антония, моя теща, мать жены. Она живет с нами уже несколько лет, с тех пор как овдовела. У нее не все в порядке с головой. Она все путает, все забывает. Иногда она воображает, что она моя настоящая мать, просто оттого что она меня воспитала.

Мне надо помешать им увидеться, иначе они узнают друг друга. А если Лукас не узнает мать, она узнает его и скажет:

— Лукас, сынок!

Я не хочу слышать это «Лукас, сынок!» Теперь уже не хочу. Так было бы слишком просто.

Сегодня, когда Мать спала после обеда, я перевел наручные и настенные часы в доме на час вперед. К счастью, в это время года солнце садится рано, около пяти часов дня уже совсем темно.

Я готовлю Матери ужин на час раньше. Морковное пюре, несколько картофеля, тушеное мясо, и на третье — карамельный крем.

Я накрываю стол на кухне, иду за Матерью к ней в комнату. Она входит в кухню и говорит:

— Я еще не проголодалась. Я говорю:

— Ты никогда не голодна, Мама. Нужно есть. Она говорит:

— Я поем потом. Я говорю:

— Потом все остынет. Она говорит:

— Возьмешь и погреешь. Или я вообще есть не буду.

Я говорю:

— Я приготовил тебе отвар для возбуждения аппетита.

В отвар я бросил пакетик того снотворного, которое она обычно принимает. Рядом с чашкой я положил еще одну порцию.

Через десять минут Мать засыпает, сидя перед телевизором. Я беру ее на руки, уношу в ее комнату, раздеваю, укладываю в постель.

Я возвращаюсь в гостиную. Я убавляю звук телевизора, оставляю меньше света. Я переставляю стрелки на час назад только на будильнике в кухне и на настенных часах гостиной.

До прихода брата я еще успеваю поесть. Я съедаю на кухне немного морковного пюре и тушеного мяса. Мать плохо пережевывает пищу, хотя я и заказал ей недавно новую искусственную челюсть. Еще у нее не очень хорошо с пищеварением.

Закончив есть, я мою посуду, убираю оставшуюся еду в холодильник, хватит как раз завтра на обед.

Я перехожу в салон. Я ставлю на столик возле кресла две рюмки и бутылку водки. Я пью и жду. Ровно в восемь я захожу посмотреть в комнату Матери. Она крепко спит. Начинается детектив, я пытаюсь смотреть его. Около восьми двадцати я отказываюсь от мысли смотреть фильм и встаю у окна кухни. Здесь свет не горит, и невозможно увидеть меня снаружи.

Ровно в двадцать тридцать к дому подъезжает большая черная машина, останавливается на тротуаре. Из нее выходит человек, подходит к ограде, звонит.

Я возвращаюсь в салон, говорю в переговорное устройство:

— Входите. Дверь открыта.

Я зажигаю лампу веранды, снова сажусь в свое кресло, входит мой брат. Он худ и бледен, он идет мне навстречу хромая, под мышкой у него папка. На глазах у меня наворачиваются слезы, я встаю, протягиваю ему руку:

— Добро пожаловать. Он говорит:

— Я не отниму у тебя много времени. Меня ждет машина.

Я говорю:

— Пройдите в мой кабинет. Там нам будет спокойнее.

Я оставляю звук телевизора. Если Мать проснется, она, как всегда, услышит звук детектива.

Брат спрашивает:

— Ты не выключаешь телевизор?

— Нет. А что? Из кабинета мы его не услышим.

Я беру бутылку и две рюмки, сажусь за письменный стол, показываю ему на противоположное кресло:

— Садитесь.

Я поднимаю бутылку:

— Налить?

— Да.

Мы пьем. Брат говорит:

— Это кабинет нашего отца. Ничего не изменилось. Я помню эту лампу, пишущую машинку, шкаф, стулья.

Я улыбаюсь:

— Что еще вы вспомнили?

— Все. Веранду и гостиную. Я знаю, где находятся кухня, детская и спальня родителей.

Я говорю:

— Это нетрудно. Тут все дома построены по одному образцу.

Он продолжает:

— Перед окном детской рос орех. Его ветки касались стекла, и к ним были привязаны качели. С двумя сиденьями. В глубине двора, под навесом, мы складывали самокаты и трехколесные велосипеды.

Я говорю:

— Под навесом и сейчас лежат игрушки, только другие. Это игрушки моих внуков.

Мы молчим. Я снова наполняю рюмки. Поставив рюмку на место, Лукас говорит:

— Скажи, Клаусс, где наши родители?

— Мои родители умерли. Что с вашими — я не знаю.

— Почему ты не говоришь мне «ты», Клаусс? Я — твой брат Лукас. Почему ты не хочешь мне поверить?

— Потому что мой брат умер. Я с удовольствием взглянул бы на ваши документы, если вы не возражаете.

Мой брат достает из кармана иностранный паспорт, протягивает мне. Он говорит:

— Не слишком на него полагайтесь. В нем есть ряд ошибок.

Я рассматриваю паспорт:

— Значит, ваше имя Клаус, с одним «с». Ваша дата рождения отличается от моей, а ведь мы с Лукасом близнецы. Вы на три года старше меня.

Я возвращаю ему паспорт. У брата дрожат руки, дрожит голос:

— Когда я перешел границу, мне было пятнадцать. Я сказал неправильную дату рождения, чтобы казаться старше, то есть совершеннолетним. Я не хотел, чтобы надо мной установили опеку.

— А имя? Почему вы изменили имя?

— Из-за тебя, Клаусс. Когда я заполнял анкету в кабинете у пограничников, я думал о тебе, о твоём имени, об имени, которое было со мной рядом все детство. И тогда вместо Лукаса я написал Клаус. Ты сделал то же, печатая свои стихи под именем Клаусса Лукаса. Почему Лукас? В память обо мне?

Я говорю:

— Действительно, в память о моем брате. Но откуда вы знаете, что я печатаю стихи?

— Я тоже пишу, только не стихи.

Он открывает портфель, вытаскивает оттуда толстую школьную тетрадь и кладет на стол.

— Вот моя последняя рукопись. Она не закончена. Я не успею ее дописать. Я оставляю ее тебе, ты ее допишешь. Нужно, чтоб ты ее дописал.

Я открываю тетрадь, но он жестом останавливает меня:

— Нет, не сейчас. Когда я уйду. Я хочу узнать одну важную вещь. Как я был ранен?

— Ранен?

— Шрам рядом с позвоночником. След от пули. Откуда он?

— Откуда мне знать? У моего брата Лукаса шрама не было. У него была детская болезнь. Кажется, полиомиелит. Мне было всего четыре или пять лет, когда он умер, я не могу с точностью это помнить. Я знаю только то, что мне рассказали потом.

Он говорит:

— Да, так оно и есть. Я тоже долго думал, что в детстве перенес какую-то болезнь. Так мне говорили. Но позже я узнал, что в меня попала пуля. Где? Как? Война тогда только началась.

Я молчу, пожимаю плечами, Лукас продолжает:

— Если твой брат умер, должна существовать могила. Его могила. Где она? Ты можешь мне ее показать?

— Нет, не могу. Мой брат похоронен в общей могиле в городе С.

— Вот как? А могила Отца, могила Матери? Ты можешь мне их

показать?

— Нет, тоже не могу. Отец не вернулся с войны, а Мать похоронена вместе с братом Лукасом в городе С.

Он спрашивает:

— Значит, я не умер от полиомиелита?

— Мой брат — нет. Он умер во время воздушного налета. Моя Мать отвезла его в город С где его должны были лечить в Восстановительном Центре. Центр был разбомблен, и ни мой брат, ни Мать не вернулись домой.

Лукас говорит:

— Если тебе так сказали, то солгали. Мать не поехала со мной в город С. и никогда меня там не навещала. Я несколько лет прожил в Центре с моей будто бы детской болезнью, пока его не разбомбили. И я не умер во время той бомбардировки, я выжил.

Я опять пожимаю плечами:

— Вы — да. Мой брат — нет. И моя Мать тоже. Мы смотрим друг другу прямо в глаза, я выдерживаю его взгляд:

— Речь идет, как вы видите, о двух разных судьбах. Вам нужно продолжать поиски в другом направлении.

Он качает головой:

— Нет, Клаусс, ты это прекрасно знаешь. Ты ведь знаешь, что я твой брат Лукас, но отрицаешь это. Чего ты боишься? Скажи мне, Клаусс, чего?

Я отвечаю:

— Ничего. Чего мне бояться? Если бы я был убежден, что вы мой брат, я был бы счастливейшим из людей, оттого что наглел вас.

Он спрашивает:

— Если бы я не был твоим братом, чего ради я бы к тебе пришел?

— Понятия не имею. И потом, ваша внешность.

— Внешность?

— Взгляните на меня и взгляните на вас: есть ли между нами хоть малейшее физическое сходство? Мы с Лукасом были настоящими близнецами, мы были совершенно неразличимы. Вы ниже меня на голову и на тридцать килограммов легче.

Лукас говорит:

— Ты забыл про мою болезнь, про увечье. Чудо, что я снова научился ходить.

Я говорю:

— Оставим это. Расскажите, что стало с вами после бомбардировки.

Он говорит:

— Поскольку родители меня не разыскивали, меня поместили жить к старой крестьянке в город К. Я жил и работал у нее до ухода за границу.

— А за границей чем вы занимались?

— Самыми разными делами, писал книги. А ты, Клаусс, как жил после смерти Матери и Отца? Судя по твоему рассказу, ты осиротел в очень раннем возрасте?

— Да, в очень раннем. Но мне повезло. Я провел в приюте только несколько месяцев. Меня взяла к себе семья друзей. В этой семье я был очень счастлив. Это была большая семья, четверо детей, потом я женился на их старшей дочери, Саре. У нас родилось двое детей, девочка и мальчик. Теперь я дедушка, счастливый дедушка.

Лукас говорит:

— Странно. Когда я вошел сюда, мне показалось, что ты живешь один.

— Сейчас я один, это правда. Но только до Рождества. Мне нужно закончить срочную работу. Готовлю подборку новых стихотворений. Потом я поеду к Саре, своей супруге, к своим детям и внукам в город К. Там мы проведем вместе зимние каникулы. У нас там дом, оставшийся в наследство от родителей жены. Лукас говорит:

— Я жил в городе К. Я очень хорошо знаю этот город. Где расположен ваш дом?

— На Главной Площади, напротив Гранд Отеля, рядом с книжным магазином.

— Я только что провел несколько месяцев в городе К. Я как раз жил над книжным магазином.

Я говорю:

— Какое совпадение. Красивый город, правда? В детстве я часто проводил там каникулы, и моим внукам очень там нравится. Особенно близнецам, сыновьям дочери.

— Близнецам? Как их зовут?

— Клаусс и Лукас, конечно.

— Конечно.

— У моего сына пока только одна дочка, которую зовут Сара, как бабушку, то есть мою жену. Сын еще молод, у него могут родиться другие дети.

Лукас говорит:

— Ты счастливый человек, Клаусс.

Я отвечаю:

— Да. Очень. У вас тоже, я полагаю, есть семья.

Я говорю:

— Нет. Я всегда жил, один.

— Почему?

Лукас говорит:

— Не знаю. Может быть, потому, что никто не научил меня любить.

Я говорю:

— Жаль, дети приносят много радости. Я не могу представить свою жизнь без них.

Брат встает:

— Меня ждут в машине. Я не хочу больше тебя беспокоить.

Я улыбаюсь:

— Вы меня не побеспокоили. Так вы возвращаетесь на вашу вторую родину?

— Конечно. Мне больше нечего здесь делать. Прощай, Клаусс.

Я встаю:

— Я провожу вас.

У двери, ведущей в сад, я протягиваю ему руку:

— До свидания. Надеюсь, в конце концов вы найдете свою настоящую семью. Желаю вам удачи.

Он говорит:

— Ты выдержал свою роль до конца. Если бы я знал, что у тебя такое жестокое сердце, я никогда не пытался бы тебя найти. Я искренне сожалею о том, что приехал.

Брат садится в большую черную машину, она трогается и увозит его.

Когда я поднимаюсь по ступеням веранды, моя нога скользит по обледенелым ступенькам, я падаю, ударяюсь лбом о каменный выступ, кровь заливает мне глаза, смешиваясь со слезами. Мне хочется остаться лежать, пока я не замерзну и не умру, но я не могу, завтра утром мне нужно заботиться о Матери.

Я вхожу в дом, иду в ванную, промываю рану, дезинфицирую ее, заклеиваю пластырем, потом возвращаюсь в кабинет, чтобы прочесть рукопись брата.

На следующее утро Мать спрашивает:

— Где ты поранился, Клаусс?

Я говорю:

— На лестнице. Я спустился вниз проверить, хорошо ли заперта дверь. Я поскользнулся на корке льда.

Мать говорит:

— Наверняка ты слишком много выпил. Ты пьяница, неудачник и

неряха. Ты еще не заварил мне чай? Это просто невероятно! И кроме того, в доме холодно. Неужели ты не можешь встать на полчаса раньше, чтобы я могла проснуться в теплом доме и чай уже был готов? Ты просто лентяй, ты ни на что не годен.

Я говорю:

— Вот чай. Через несколько минут будет тепло, ты увидишь. На самом деле я вовсе не ложился, я писал всю ночь.

Она говорит:

— Опять? Ему удобней писать всю ночь, вместо того чтобы заняться отоплением и чаем. Мог бы писать днем, а не ночью, работать, как все.

Я говорю:

— Да, Мама. Лучше было бы работать днем. Но в типографии я привык работать по ночам. Я ничего не могу с этим поделать. Все равно днем слишком многое мешает. Нужно идти в магазин, готовить обед, и особенно мешает шум с улицы.

Мать говорит:

— И я, правда? Скажи, скажи мне это прямо в глаза, днем тебе мешаю я. Ты можешь писать, только когда твоя мать лежит и спит, правда? Ты всегда так спешишь вечером уложить меня в постель. Я поняла. Я давно все поняла.

Я говорю:

— Действительно, Мама, мне обязательно нужно быть одному, когда я пишу. Мне нужна тишина и одиночество.

Она говорит:

— Я не слишком шумлю и занимаю не много места, насколько я знаю. Тебе стоит только сказать, я перестану выходить из своей комнаты. Не буду больше тебе мешать, не надо будет тебе ходить по магазинам, готовить обед, только будешь сидеть и писать, когда я буду в могиле. Там по крайней мере я встречусь со своим сыном Лукасом, который никогда меня не обижал, никогда не желал мне смерти, никогда не хотел, чтоб меня не было. Там я буду счастлива, никто меня не будет ни в чем упрекать.

Я говорю:

— Мама, я тебя ни в чем не упрекаю, и ты мне совершенно не мешаешь. Я с удовольствием хожу по магазинам и готовлю обед, но мне нужна ночь для работы. С тех пор как я ушел из типографии, мои стихи — единственный наш доход.

Она говорит:

— Вот именно. Нечего было уходить из типографии. Типография — это нормальная, приличная работа.

Я говорю:

— Мама, ты же знаешь, уйти с работы меня заставила болезнь. Я не мог больше так подрывать свое здоровье.

Мать больше не отвечает, она садится к телевизору, но за ужином начинает снова:

— Дом разваливается. Водосточная труба покосилась, вода течет по саду как хочет, скоро дождь польет с потолка. В саду все заросло сорняками, в комнатах черно от дыма, он, видите ли, сигареты курит. Из-за этого дыма кухня пожелтела, шторы в гостиной тоже. О кабинете и о детской комнате нечего говорить, там дым все пропитал. В этом доме невозможно дышать, и даже в саду цветы умирают от той вони, которая идет из дома.

Я говорю:

— Да, Мама. Успокойся, Мама. В саду нет цветов, потому что зима. Я отремонтирую комнаты и кухню. Хорошо, что ты мне напомнила. К весне я все покрашу и починю водосточную трубу.

Приняв снотворное, Мать успокаивается, идет спать.

Я сажусь перед телевизором, как обычно по вечерам, смотрю детектив, пью. Потом я иду к себе в кабинет, перечитываю последние страницы рукописи брата и начинаю писать.

* * *

За столом нас всегда было четверо. Отец, Мать и нас двое.

Мать пела весь день напролет. На кухне, в саду, во дворе. Она пела вечером в нашей комнате, когда укладывала нас спать.

Отец не пел. Иногда он насвистывал, когда рубил дрова для кухонной плиты, и мы слышали стук его пишущей машинки, на которой он печатал по вечерам и даже до поздней ночи.

Это был приятный, надежный шум, похожий на музыку, на звук швейной машинки Матери, на звяканье посуды, на пение дроздов в саду, на шум ветра в листьях дикого винограда на веранде или в ветках орешника во дворе.

Солнце, ветер, ночь, луна, звезды, облака, дождь, снег — все было чудом. Мы ничего не боялись. Ни теней, ни тех историй, которые рассказывали взрослые. Историй про войну. Нам было по четыре года.

Однажды вечером Отец приходит в военной форме. Он вешает шинель и пояс на вешалку около двери в гостиную. На поясе у него висит револьвер.

Во время ужина Отец говорит:

— Я должен ехать в другой город. Объявлена война, меня призвали.

Мы говорим:

— Мы не знали, что вы военный, Отец. Вы журналист, а не солдат.

Он говорит:

— Во время войны все мужчины солдаты, даже журналисты. Особенно журналисты. Я должен наблюдать и описывать то, что происходит на фронте. Это называется быть военным корреспондентом.

Мы спрашиваем:

— Почему у вас револьвер?

— Потому что я офицер. У солдат винтовка, а у офицеров револьвер.

Отец говорит Матери:

— Уложи детей. Мне нужно с тобой поговорить.

Мать говорит нам:

— Идите в постель. Я приду расскажу вам сказку. Попрощайтесь с папой.

Мы целуем Отца, потом идем в нашу комнату, но сразу же тихо оттуда выходим. Мы садимся в коридоре, прямо за дверью в гостиную.

Отец говорит:

— Я буду жить с ней. Война, мне нельзя терять времени. Я люблю ее.

Мать спрашивает:

— Ты не думаешь о детях? Отец говорит:

— Она тоже ждет ребенка. Поэтому я не могу больше молчать.

— Ты хочешь развода?

— Сейчас не время. После войны посмотрим. Пока что я признаю будущего ребенка. Возможно, я не вернусь. Ничего неизвестно.

Мать спрашивает:

— Ты нас больше не любишь? Отец говорит:

— Не в этом дело. Я люблю вас. Я всегда буду заботиться о мальчиках и о тебе. Но я люблю и другую женщину. Ты можешь это понять?

— Нет. Я не могу, я не хочу это понять.

Мы слышим выстрел. Мы открываем дверь гостиной. Стреляла Мать. Она держит отцовский револьвер. Она продолжает стрелять. Отец лежит на полу. Мать снова стреляет. Рядом со мной Лукас тоже падает на пол. Мать бросает револьвер, она кричит, становится на колени возле Лукаса.

Я выбегаю из дома на улицу, кричу: «На помощь!» Люди ловят меня,

приводят в дом, пытаются успокоить. Еще они пытаются успокоить Мать, но она продолжает кричать: «Нет, нет, нет!»

В гостиной много людей. Приезжают полицейские и две машины «скорой помощи». Нас всех отвозят в больницу.

В больнице мне делают укол, чтобы я спал, потому что я продолжаю кричать. На завтра врач говорит:

— С ним все в порядке. Он не ранен. Он может идти домой.

Медсестра говорит:

— Куда домой? У него никого нет. И ему всего четыре года.

Врач говорит:

— Сообщите ответственной по делам несовершеннолетних.

Медсестра отводит меня в кабинет. Ответственная по делам несовершеннолетних — старая женщина с высокой прической. Она задает мне вопросы:

— У тебя есть бабушка? Тетя? Соседка, которая тебя очень любит?

Я спрашиваю:

— Где Лукас?

Она говорит:

— Он здесь, в больнице. Он ранен.

Я говорю:

— Я хочу его видеть.

Она говорит:

— Он без сознания.

— Что это значит?

— Он сейчас не может разговаривать.

— Он мертвый?

— Нет, но ему надо отдохнуть.

— А Мама?

— Твоя Мама чувствует себя хорошо. Но ты ее тоже не можешь видеть.

— Почему? Она тоже ранена?

— Нет, она спит.

— А мой Папа тоже спит?

— Да, твой Папа тоже спит. Она гладит меня по голове. Я спрашиваю:

— Почему они все спят, а я нет? Она говорит:

— Так вышло. Так иногда бывает. Вся семья засыпает, а тот, кто не заснул, остается один.

— Я не хочу оставаться один. Я тоже хочу спать, как Лукас, как Мама,

как Папа.

Она говорит:

— Кто-то должен не спать и ждать их, чтобы заботиться о них, когда они вернутся, когда проснутся.

— А они проснутся?

— Некоторые — да. По крайней мере, надо надеяться.

Мы немного молчим. Она спрашивает:

— Ты не знаешь кого-нибудь, кто пока мог бы о тебе позаботиться?

Я спрашиваю:

— Пока что?

— Пока не вернется кто-нибудь из твоих.

Я говорю:

— Нет, никого не знаю. И я не хочу, чтобы обо мне заботились. Я хочу вернуться домой.

Она говорит:

— Ты не можешь в твоём возрасте жить один дома. Если у тебя никого нет, мне придется передать тебя в приют.

Я говорю:

— Мне все равно. Если мне нельзя жить дома, все равно куда меня отправят.

В кабинет входит женщина и говорит:

— Я пришла за мальчиком. Я могу взять его к себе. У него никого больше нет. Я знаю его семью.

Ответственная по делам несовершеннолетних говорит мне погулять в коридоре. В коридорах люди. Они сидят на скамейках и беседуют. Почти все одеты в халаты. Они говорят:

— Ужасно.

— Жаль, такая хорошая семья.

— Правильно она сделала.

— Мужчины, всё мужчины.

— Все эти девицы — просто позор.

— И все это именно сейчас, когда началась война.

— У людей полно других забот. Женщина, которая сказала «Я хочу
взять

мальчика к себе», выходит из кабинета. Она говорит мне:

— Ты можешь пойти со мной. Меня зовут Антония. А тебя? Ты Лукас или Клаусс?

Я даю руку Антонии:

— Я Клаусс.

Мы едем на автобусе, идем пешком. Мы входим в маленькую комнату, где стоит большая кровать и детская кроватка с сеткой.

Антония говорит мне:

— Правда, ты еще поместишься в этой кроватке?

Я говорю: — Да.

Я ложусь в детскую кроватку. Мне едва хватает места, у меня ноги касаются спинки. Антония говорит:

— Кроватка для моего будущего ребенка. Это будет твой брат или твоя сестра.

Я говорю:

— У меня уже есть брат. Я не хочу другого брата. И сестры тоже не хочу.

Антония ложится на большую кровать и говорит:

— Иди ко мне поближе.

Она берет мою руку, кладет ее себе на живот:

— Чувствуешь? Он шевелится. Скоро он будет снами.

Она притягивает меня к себе на кровати, баюкает меня:

— Только бы он был такой же красивый, как ты.

Потом она кладет меня назад в кроватку.

Каждый раз, когда Антония меня баюкала, я чувствовал, как двигается ребенок, я думал, что это Лукас. Я ошибался. Из живота Антонии вышла маленькая девочка.

Я сижу на кухне. Две старые женщины сказали мне не выходить из кухни. Я слышу крики Антонии. Я не двигаюсь. Две старые женщины время от времени приходят, греют воду и говорят мне:

— Сиди спокойно.

Потом одна из старух говорит:

— Можешь войти.

Я захожу в спальню, Антония протягивает мне руку, целует меня, смеется:

— Это девочка. Смотри. Хорошенькая девочка, твоя сестра.

Я смотрю в кроватку. Там лежит что-то фиолетовое и кричит. Я беру руку, считаю, глажу ее пальцы один за другим, у нее десять пальцев. Я засовываю ей в рот большой палец ее левой руки, она перестает плакать.

Антония улыбается мне:

— Мы назовем ее Сара. Тебе нравится это имя?

Я говорю:

— Да, имя не важно. Имя может быть любое. Она моя сестричка,

правда?

— Да, твоя сестричка.

— И Лукаса тоже?

— Да, и Лукаса тоже.

Антония плачет. Я спрашиваю у нее:

— А где я буду спать теперь, когда кровать занята?

Она говорит:

— В кухне. Я попросила мою маму приготовить тебе кровать в кухне.

Я спрашиваю:

— Мне больше нельзя спать у вас в комнате?

Антония говорит:

— Лучше тебе спать в кухне. Ребеночек будет часто плакать и будить всех несколько раз за ночь.

Я говорю:

— Если она заплачет и будет тебе мешать, просто засунь ей ее палец в рот. Палец левой руки, как я делаю.

Я возвращаюсь на кухню. Осталась только одна старая женщина, мать Антонии. Она кормит меня хлебом с медом. Она поит меня молоком. Потом она мне говорит:

— Ложись, малыш. Ты можешь выбрать любую кровать.

На полу лежат два матраса с подушками и одеялами. Я выбираю матрас у окна, так я могу смотреть на небо и на звезды.

Мать Антонии ложится на другой матрас и, перед тем как уснуть, молится:

— Боже Всемогуций, помоги мне. У ребенка нет отца. У моей дочери ребенок без отца! Знал бы это мой муж! Я ему солгала. А второй ребенок вообще не ее! Какое несчастье случилось. Что мне сделать, как спасти эту грешницу?

Бабушка бормочет, я засыпаю, я счастлив, что я с Антонией и с Сарой.

Мать Антонии встает рано утром. Она купает ребеночка и переодевает его несколько раз в день. Она стирает белье и развешивает его над нами в кухне. Все это время она бормочет себе под нос. Может быть, молитвы.

Она не задерживается у нас надолго. Через десять дней после рождения Сары она уезжает с чемоданом и молитвами.

Мне хорошо одному на кухне. Утром я встаю рано и иду за хлебом и за молоком. Когда Антония просыпается, я вхожу в спальню с рожком молока для Сары и, чашкой кофе для Антонии. Иногда я даю Саре рожок, а потом я могу смотреть, как Сару моют, пытаюсь рассмешить ее, показываю ей игрушки, которые мы купили ей вместе с Антонией.

Сара становится все красивее. У нее вырастают волосы и зубы, она умеет смеяться, она научилась хорошо сосать палец.

К сожалению, Антония должна снова выйти на работу, потому что родители больше не посылают ей денег.

Антония уходит каждый вечер. Она работает в кабаре, поет и танцует. Она возвращается поздно ночью, утром она усталая и не может заниматься Сарой.

Каждое утро приходит соседка, она купает Сару, потом ставит ее в манеже с игрушками на кухне. Я играю с ней, пока соседка готовит обед и стирает. Помыв посуду, соседка уходит, и если Антония еще спит, то всем занимаюсь я сам.

Днем я гуляю с Сарой, она сидит в коляске. Мы останавливаемся в скверах, где есть детские площадки, я даю Саре побегать по траве, поиграть в песок, качаю ее на подвесной перекладине.

Когда мне исполняется шесть лет, меня отправляют в школу. В первый раз со мной идет Антония. Она говорит с учителем и оставляет меня одного. После уроков я бегу домой, чтобы посмотреть, все ли в порядке, и погулять с Сарой.

Мы ходим все дальше и дальше, и вот так, совершенно случайно, я оказываюсь на той улице, где я жил с родителями.

Я не рассказываю об этом ни Антонии, никому другому. Но каждый день я устраиваю так, чтобы пройти мимо дома с зелеными ставнями, на минуту останавливаюсь там и плачу. Сара плачет вместе со мной.

В доме никто не живет. Ставни закрыты, из трубы не идет дым. Сад перед домом зарос сорняками, за домом, во дворе, орехи наверняка попадали с дерева и никто их не собрал.

Однажды вечером, когда Сара спит, я выхожу из дома. Я бегу по улицам бесшумно, в полной темноте. Из-за войны уличное освещение не горит, окна домов тщательно затемнены. Мне хватает света звезд, все улицы, все переулки запечатлены в моей памяти.

Я перелезаю через ограду, огибаю дом, сажусь под ореховым деревом. Мои руки нащупывают в траве крепкие и сухие орехи. Я набиваю ими карманы. На завтра я снова прихожу туда с мешком и собираю в него столько орехов, сколько могу унести. Увидев на кухне мешок орехов, Антония спрашивает:

— Откуда эти орехи? Я говорю:

— Из нашего сада.

— Из какого сада? У нас нет сада.

— Из сада того дома, где я жил раньше. Антония сажает меня к себе на

колени:

— Как ты его нашел? Как же ты его вспомнил? Ведь тебе тогда было всего четыре года.

Я говорю:

— Теперь мне восемь. Скажите, Антония, что случилось? Скажите, где они? Что с ними стало? С Отцом, с Матерью, с Лукасом?

Антония плачет и крепко прижимает меня к себе:

— Я надеялась, что ты все забудешь. Я ничего тебе об этом не говорила, чтобы ты все это забыл.

Я говорю:

— Я ничего не забыл. Каждый вечер, когда я смотрю на небо, я думаю о них. Они на небе, правда? Они все умерли.

Антония говорит:

— Нет, не все. Только твой Отец. Да, твой Отец умер.

— А где моя Мама?

— В больнице.

— А мой брат Лукас?

— В Восстановительном Центре. В городе С, около границы.

— Что с ним случилось?

— Его задело пулей, рикошетом.

— Какой пулей?

Антония отталкивает меня, встает:

— Оставь меня, Клаусс, пожалуйста, оставь меня.

Она идет в комнату, ложится на кровать, продолжает всхлипывать. Сара тоже начинает плакать. Я беру ее на руки, сажусь на край кровати, где лежит Антония.

— Не плачьте, Антония. Скажите мне все. Лучше мне все знать. Я теперь достаточно большой, чтобы знать правду. Задавать себе вопросы — это еще хуже, чем все знать.

Антония берет Сару, укладывает ее рядом с собой и говорит мне:

— Ляг с другой стороны, пусть она уснет. Она не должна слышать то, что я тебе скажу.

Мы лежим на большой кровати, вдвоем, долго лежим и молчим. Антония гладит по волосам то Сару, то меня. Когда мы слышим ровное дыхание Сары, мы знаем, что она заснула. Антония начинает говорить, глядя в потолок. Она говорит о том, как моя Мать убила моего Отца. Я говорю:

— Я помню выстрелы и машины «скорой помощи». И Лукаса. Мама стреляла и в Лукаса?

— Нет, Лукаса ранило случайной пулей. Она попала ему около позвоночника. Он несколько месяцев был без сознания, и думали, что он останется калекой. Теперь есть надежда, что его полностью вылечат.

Я спрашиваю:

— Мама тоже в городе С., как Лукас? Антония говорит:

— Нет, она здесь, в нашем городе. В психиатрической больнице.

Я спрашиваю:

— Психиатрической? Что это значит? Она больная или она сумасшедшая?

Антония говорит:

— Безумие — это такая же болезнь, как другие.

— Можно мне ее увидеть?

— Я не знаю. Не надо этого делать. Это слишком грустно.

Я немного думаю, потом спрашиваю:

— Почему моя Мама стала сумасшедшей? Почему она убила моего Отца?

Антония говорит:

— Потому что твой Отец любил меня. Он любил нас с Сарой.

Я говорю:

— Сара еще не родилась. Значит, это из-за вас. Все случилось из-за вас. Если б не вы, в доме с зелеными ставнями продолжали бы счастливо жить даже во время войны, и даже после войны. Если б не вы, Отец бы не умер. Мать не стала бы сумасшедшей, брат не стал бы калекой, а я не был бы один.

Антония молчит. Я выхожу из комнаты.

* * *

Я иду на кухню, беру деньги, которые Антония приготовила на покупки. Она каждый вечер оставляет на кухонном столе деньги, которые понадобятся на завтрашние покупки. Она никогда не спрашивает у меня отчета.

Я выхожу из дома. Иду до большой широкой улицы, где ходят автобусы и трамваи. Я спрашиваю у старой женщины, которая на углу улицы ждет автобуса:

— Скажите, пожалуйста, на каком автобусе можно доехать до вокзала?

Она спрашивает:

— До какого вокзала, мальчик? В городе три вокзала.

— До ближайшего.

— Садись на трамвай номер пять, потом на автобус номер три.

Кондуктор скажет тебе, где нужно пересестись.

Я приезжаю на огромный, многолюдный вокзал. Люди толкаются, кричат, ругаются. Я встаю в очередь, которая ждет у кассы. Мы продвигаемся медленно. Наконец подходит мой черед, и я говорю:

— Билет в город С.

Служащий говорит:

— Поезд до С. отсюда не идет. Ты должен поехать на Южный вокзал.

Я снова еду на автобусах и на трамваях. Когда я приезжаю на Южный вокзал, уже темно, и поездов до города С. до следующего утра нет. Я иду в зал ожидания, нахожу там место на скамейке. Вокруг много народа, плохо пахнет, глаза щиплет от дыма трубок и сигарет. Я пытаюсь спать, но как только я закрываю глаза, вижу: Сара одна в комнате, Сара идет на кухню, Сара плачет, оттого что меня нет. Она осталась одна ночью, потому что Антонии надо идти на работу, а я сижу в зале ожидания, чтобы уехать в другой город, в город, где живет мой брат Лукас.

Я хочу ехать в город, где живет мой брат, я хочу найти брата, потом мы вместе отыщем нашу Мать. Завтра утром я уеду в город С. Уеду.

Я не могу спать. У себя в кармане я нахожу продовольственные карточки, без этих карточек у Антонии и Сары будет нечего есть.

Мне нужно вернуться домой.

Я бегу. Я в спортивных тапках, поэтому бегу бесшумно. Утром я около нашего дома, я стою в очереди за хлебом, за молоком, потом иду домой.

Антония сидит на кухне. Она обнимает меня:

— Где ты был? Мы с Сарой проплакали всю ночь. Не надо больше оставлять нас одних.

Я говорю:

— Я больше вас не оставлю. Вот хлеб и молоко. Не хватает немного денег. Я ездил на вокзал. И на другой вокзал. Я хотел поехать в город С.

Антония говорит:

— Мы скоро поедem туда вместе. Мы найдем твоего брата.

Однажды в воскресенье, днем, мы идем в психиатрическую больницу. Антония и Сара остаются в приемной. Медсестра отводит меня в маленькую гостиную, в которой стоит стол и несколько кресел. Перед окном стоит подставка с комнатными растениями. Я сажусь и жду.

Медсестра возвращается, она ведет под руку женщину в халате, потом

помогает ей сесть в кресло.

— Поздоровайся с Мамой, Клаусс.

Я смотрю на женщину. Она толстая и старая. Ее волосы наполовину седые, они зачесаны назад и связаны на затылке шерстяной ниткой. Я это вижу, когда она оборачивается и долго смотрит на запертую дверь, наконец она спрашивает у медсестры:

— А Лукас где? Медсестра отвечает:

— Лукас не смог прийти, но пришел Клаусс. Поздоровайся с Мамой, Клаусс.

Я говорю:

— Здравствуй, Мама. Она спрашивает:

— Почему ты один? Почему с тобой нет Лукаса?

Медсестра говорит:

— Лукас тоже скоро придет.

Мать смотрит на меня. Из ее бледных голубых глаз начинают течь крупные слезы. Она говорит:

— Ложь. Все время ложь.

У нее течет из носа. Медсестра вытирает ей нос. Голова Матери падает на грудь, Мать больше ничего не говорит, она не смотрит на меня.

Медсестра говорит:

— Мы устали. Мы вернемся в постель. Хочешь поцеловать маму, Клаусс?

Я качаю головой, встаю. Медсестра говорит:

— Ты ведь найдешь сам дорогу к приемной?

Я ничего не говорю, выхожу из комнаты. Я молча прохожу мимо Антонии и Сары, выхожу из здания, жду у двери. Антония берет меня за плечо, Сара берет меня за руку, но я отворачиваюсь и засовываю руки в карманы. Мы молча доходим до автобусной остановки.

Вечером, перед тем как Антония уходит на работу, я говорю ей:

— Женщина, которую я видел — не моя Мать. Я больше к ней не пойду. Вы должны к ней пойти, чтобы понять, что вы с ней сделали.

Она спрашивает:

— Ты никогда не сможешь меня простить, Клаусс?

Я не отвечаю. Она добавляет:

— Если бы ты знал, как я тебя люблю. Я говорю:

— Вы не должны меня любить. Вы не моя Мать. Меня любить должна была моя Мать, но она любит только Лукаса. Из-за вас.

Фронт приближается. Город бомбят день и ночь. Мы много времени

проводим в подвале. Мы отнесли туда матрасы и одеяла. Наши соседи сначала тоже приходят в подвал, но однажды они исчезают. Антония говорит, что они депортированы.

У Антонии больше нет работы. Кабаре, в котором она пела, больше не существует. Школа закрыта. Очень трудно добыть пищу, даже по продовольственным карточкам. К счастью, у Антонии есть друг, который иногда приходит и приносит нам хлеб, сухое молоко, сухари и шоколад. Вечером друг остается у нас, потому что из-за комендантского часа не может вернуться к себе домой. В эти ночи Сара спит со мной на кухне. Я баюкаю ее, рассказываю ей про Лукаса, которого мы скоро найдем, и мы засыпаем, глядя на звезды.

Однажды утром Антония будит нас рано. Она говорит нам тепло одеться, надеть несколько рубашек и свитеров, пальто и несколько пар носков, потому что мы едем в дальнюю дорогу. Остальную нашу одежду она складывает в два чемодана.

Друг Антонии заезжает за нами на машине. Мы кладем чемоданы в багажник. Антония садится на переднее сиденье, мы с Сарой — на заднее.

Машина останавливается почти наизусть моего старого дома, у входа на кладбище. Друг остается в машине. Антония идет быстро и тащит нас с Сарой за руку.

Мы останавливаемся перед могилой с деревянным крестом, на котором написана фамилия моего Отца и двойное имя — мое и брата: Клаусс-Лукас Т.

На могиле несколько увядших букетов и один почти свежий — букет белой гвоздики.

Я говорю Антонии:

— Гвоздику Мама сажала повсюду в саду. Это были любимые цветы Отца.

Антония говорит: 424

— Я знаю. Попрощайтесь с Отцом, дети.

Сара говорит тоненьким голосом:

— До свидания, Папа.

Я говорю:

— Это не был отец Сары. Он был только нашим с Лукасом Отцом.

Антония говорит:

— Я тебе уже это объясняла. Ты не понял? Тем хуже. Пойдемте, у нас совсем нет времени.

Мы возвращаемся к машине, нас отвозят на Южный вокзал. Антония благодарит своего друга и прощается с ним.

Мы стоим в очереди к окошку. Только в этот момент я осмеливаюсь спросить у Антонии:

— Куда мы едем?

Она говорит:

— К моим родителям. Но сначала мы остановимся в городе С., чтобы взять с собой твоего брата Лукаса.

Я беру ее руку и целую:

— Спасибо, Антония.

Она отбирает свою руку:

— Не благодари меня. Я знаю только название города и название Восстановительного Центра, больше я ничего не знаю.

Когда Антония платит за билеты, я понимаю, что хозяйственных денег не хватило бы на покупку билетов до города С.

Ехать неудобно. Слишком много людей, все бегут дальше от фронта. У нас на троих только одно сидячее место; тот, кто сидит, берет на колени Сару, а другой стоит. Мы несколько раз меняемся местами во время этого путешествия, которое должно длиться пять часов, но из-за воздушных налетов длится около двенадцати часов. Поезд останавливается посреди поля, пассажиры выходят и ложатся на землю. Обычно, когда это происходит, я расстилаю на земле свое пальто, кладу на него Сару, а сам ложусь на нее, чтобы защитить ее от пуль, осколков и снарядов.

Поздно вечером мы приезжаем в город С. Мы снимаем номер в гостинице. Мы с Сарой сразу же ложимся в большую кровать, Антония спускается в бар, чтобы навести справки, и возвращается только утром.

Теперь у нее есть адрес Центра, где должен находиться Лукас. Мы идем туда на следующее утро.

Это здание, окруженное парком. Половина здания разрушена. В нем пусто. Мы видим почерневшие от дыма остатки стен.

Три недели назад Центр разбомбило.

Антония отправляется на поиски. Она спрашивает местные власти, пытается найти оставшихся в живых. Она находит адрес директрисы. Мы идем к ней домой.

Она говорит:

— Я прекрасно помню маленького Лукаса. Это был самый трудный ребенок в доме. Все время приставал, все время мучил всех. Совершенно невыносимый, неисправимый ребенок. Никто его никогда не навещал, никто им не интересовался. Если я правильно припоминаю, речь шла о какой-то семейной драме. Больше я ничего вам сказать не могу.

Антония настаивает:

— После бомбардировки вы его видели?

Директриса говорит:

— Я сама была ранена во время этой бомбардировки, но мной никто не интересуется. Много людей приходит со мной поговорить, расспрашивают меня о своих детях. Никто не интересуется мной. А ведь я после этой бомбардировки провела две недели в больнице. У меня был шок, понимаете? Я отвечала за всех этих детей.

Антония снова спрашивает:

— Подумайте. Что вы знаете о Лукасе? После бомбардировки вы видели Лукаса? Куда дели тех детей, кто остался в живых?

Директриса говорит:

— Я его больше не видела. Повторяю вам, я сама была ранена. Детей разослали по домам, тех, кто был жив. Мертвых детей похоронили на городском кладбище. Тех, кто не умер и адреса которых никто не знал, раздали в семьи. В деревни, на фермы, в маленькие городки. Все эти люди должны вернуть детей, когда кончится война.

Антония проверяет список погибших в городе. Она говорит мне:

— Лукас не умер. Мы его найдем.

Мы снова садимся на поезд. Мы прибываем на маленький вокзал, идем к центру города. Антония несет спящую Сару на руках, я несу чемоданы. На Главной Площади мы останавливаемся. Антония звонит, дверь открывает старая женщина. Эту старую женщину я уже знаю. Это мать Антонии. Она говорит:

— Слава Богу! Вы живы и здоровы. Я все время молилась за вас.

Она берет мое лицо в ладони:

— И ты приехал с ними?

Я говорю:

— Я не мог поступить иначе. Мне нужно заботиться о Саре.

— Конечно, ты должен заботиться о Саре. Она прижимает меня к себе, целует, потом берет Сару на руки:

— Какая ты красивая, какая ты большая.

Сара говорит:

— Я хочу спать. Я хочу спать с Клауссом.

Нас укладывают в одной комнате, в комнате, где спала Антония, когда она была ребенком.

Сара называет родителей Антонии Дедушка и Бабушка, я называю их тетя Матильда и дядя Андреас. Дядя Андреас пастор, и его не мобилизовали из-за болезни. У него голова все время трясется, как будто он

постоянно говорит «нет».

Дядя Андреас водит меня гулять по улицам Маленького Города, иногда до наступления темноты. Он говорит:

— Я всегда хотел, чтобы у меня был мальчик. Мальчик понял бы мою любовь к этому городу. Он понял бы красоту этих улиц, этих домов, этого неба. Да, красоту этого неба, такого неба нигде не увидишь. Посмотри, нет названия для красок этого неба.

Я говорю:

— Это как во сне.

— Как во сне, да. Но у меня родилась только одна девочка. Она ушла от нас рано, очень молодой. Она вернулась с девочкой и с тобой. Ты не ее сын, ты не мой внук, но ты тот мальчик, которого я ждал.

Я говорю:

— Но я должен вернуться к моей Маме когда она вылечится, и я должен найти своего брата Лукаса.

— Да, конечно. Надеюсь, что ты их найдешь, но если ты их не найдешь, ты можешь насовсем остаться у нас. Можешь учиться и выбрать себе подходящую профессию. Что бы ты хотел делать когда вырастешь?

— Я хотел бы жениться на Саре.

Дядя Андреас смеется:

— Ты не можешь жениться на Саре. Вы брат и сестра. Брак между вами невозможен. Он запрещен законом.

Я говорю:

— Тогда я просто буду жить вместе с ней Никто не может мне запретить продолжать жить вместе с ней.

— Ты встретишь много других девушек, на которых тебе захочется жениться.

Я говорю:

— Я так не думаю.

Вскоре становится опасно гулять по улицам и вечером запрещено выходить из дома. Что делать во время обстрелов и бомбежки? Днем я занимаюсь с Сарой. Я учу ее читать и писать, даю ей упражнения на счет. В доме много книг, мы даже находим на чердаке детские книги и учебники Антонии.

Дядя Андреас учит меня играть в шахматы Когда женщины ложатся, мы начинаем партию и играем до поздней ночи.

Сначала все время выигрывает дядя Андреас. Когда он начинает проигрывать, он теряет интерес к игре.

Он говорит мне:

— Ты слишком сильный игрок для меня, мой мальчик. Мне не хочется играть. Мне не хочется ничего, меня покинули все мои желания. Я даже перестал видеть интересные сны, мне снятся только обычные вещи.

Я пытаюсь научить Сару играть в шахматы, но ей это не нравится. Она устает, нервничает, ей больше нравятся игры попроще; а больше всего она любит, когда я ей читаю истории, неважно какие, даже читанные уже двадцать раз.

Когда война удаляется в другую страну, Антония говорит:

— Мы можем вернуться в столицу, к нам домой. Ее мать говорит:

— Вы умрете от голода. Оставьте Сару здесь на какое-то время. По крайней мере, пока не найдешь работу и приличную квартиру.

Дядя Андреас говорит:

— И мальчика тоже оставь у нас. В нашем городе есть хорошие школы. Когда мы найдем его брата, мы его тоже возьмем к себе.

Я говорю:

— Я должен вернуться в столицу, чтобы узнать, что стало с моей Матерью.

Сара говорит:

— Если Клаусс возвращается в столицу, я тоже туда возвращаюсь.

Антония говорит:

— Я еду одна. Как только я найду квартиру, я за вами приеду.

Она целует Сару, потом меня. Она говорит мне на ухо:

— Я знаю, ты о ней позаботишься. Я на тебя надеюсь.

Антония уезжает, мы остаемся у тети Матильды и дяди Андреаса. Мы чистые и хорошо едим, но мы не можем выходить из дома из-за иностранных солдат и царящего беспорядка. Тетя Матильда боится, как бы с нами чего не случилось.

Теперь у нас у каждого своя комната. Сара спит в бывшей комнате своей матери, я сплю в комнате для гостей.

Вечером я приставляю стул к окну и смотрю на площадь. Она почти пуста. Только несколько пьяниц и солдат проходят по ней. И иногда мальчик, хромя, переходит площадь. Кажется, он моложе меня. Он играет мелодию на губной гармошке, входит в одно бистро, выходит, заходит в другое. Около полуночи, когда все бистро закрываются, мальчик уходит в западную часть города, продолжая играть на гармошке.

Однажды вечером я показываю мальчика с гармошкой дяде Андреасу:

— Почему ему не запрещено ходить по улице поздно ночью?

Дядя Андреас говорит:

— Я наблюдаю за ним уже год. Он живет у бабушки на другом конце города. Это совсем бедная женщина. Ребенок, видимо, сирота. Он обычно играет в бистро, чтобы заработать немного денег. Люди привыкли видеть его рядом. Никто не сделает ему ничего плохого. Он под защитой этого города и под защитой Бога. Я говорю:

— Наверно, он счастлив.

Дядя говорит:

— Наверно.

Через три месяца за нами приезжает Антония. Тетя Матильда и дядя Андреас не хотят нас отпускать.

Тетя говорит:

— Пусть девочка побудет здесь еще. Ей здесь хорошо, у нее все есть.

Дядя Андреас говорит:

— Оставь хотя бы мальчика. Теперь, когда все налаживается, мы могли бы начать поиски его брата.

Антония говорит:

— Вы можете начать поиски без него, Отец. Я забираю их обоих, их место возле меня.

* * *

В столице у нас теперь большая четырехкомнатная квартира. Кроме спален, есть еще гостиная и ванная.

В день нашего приезда я рассказываю Саре историю, глажу ее по волосам, пока она не засыпает. Я слышу, как Антония и ее друг разговаривают в гостиной.

Я надеваю спортивные туфли, спускаюсь по лестнице, бегу по знакомым улицам. Теперь улицы, улочки и переулки освещены, война кончилась, кончилось затемнение и комендантский час.

Я останавливаюсь перед своим домом. На кухне горит свет. Сначала я думаю, что в доме поселились чужие. В гостиной тоже зажигается свет. Стоит лето, окна открыты. Я подхожу ближе. Кто-то говорит, это голос мужчины. Я осторожно заглядываю в окно. Моя Мать, сидя в кресле, слушает радио.

В течение недели, день за днем я хожу и смотрю на свою Мать. Она

делает свои дела, ходит из одной комнаты в другую, больше всего находится на кухне. Еще она занимается садом, сажает и поливает цветы. Вечером она долго читает в комнате родителей, окна которой выходят во двор. Раз в два дня на велосипеде приезжает медсестра, она остается в доме примерно двадцать минут, болтает с Матерью, измеряет ей давление, иногда делает укол.

Раз в день, по утрам, приходит девушка с полной корзиной и уходит с пустой корзиной. А я продолжаю ходить по магазинам для Антонии, хотя она вполне может делать это сама, и у нее даже есть друг, который может ей помочь.

Мать похудела. Она больше не похожа на ту старую неряшливую женщину, которую я видел в больнице. На лице у нее прежнее мягкое выражение, волосы такого же цвета, как раньше, и снова блестят. Они уложены в густой рыжий узел. Однажды утром Сара спрашивает меня: — Куда ты ходишь, Клаусс? Куда ты так часто ходишь? Даже ночью. Я сегодня ночью приходила в твою комнату, потому что мне приснился страшный сон. Тебя не было, а мне было очень страшно.

— Почему ты не идешь к Антонии, когда тебе страшно?

— Я не хочу туда идти. Из-за ее друга. Он почти каждую ночь спит у нас. Клаусс, куда ты ходишь так часто?

— Я просто хожу гулять. Гуляю по улицам. Сара говорит:

— Ты ходишь гулять к пустому дому, ты плачешь перед пустым домом, правда? Почему ты теперь не берешь меня с собой?

Я говорю ей:

— Этот дом теперь не пустой, Сара. Вернулась моя Мама. Она снова живет в нашем доме, и я тоже должен туда вернуться.

Сара начинает плакать:

— Ты пойдешь жить к своей Маме? Ты не останешься с нами? Как же я без тебя, Клаусс?

Я целую ее в глаза:

— А я? Как я буду без тебя, Сара?

Мы оба плачем, обнимаем друг друга, лежа на диване в гостиной. Мы все сильнее и сильнее сжимаем друг друга, обхватываем друг друга руками, ногами. Слезы текут по нашим лицам, по волосам, по шее, затекают в уши. Нас трясет от рыданий, от страха, от холода.

Я чувствую, что между ногами брюки у меня становятся мокрыми.

— Что вы делаете? Что тут происходит?

Антония отрывает нас друг от друга, расталкивает в разные стороны, садится между нами, трясет меня за плечи:

— Что ты сделал? Я кричу:

— Я не сделал Саре ничего плохого. Антония обнимает Сару:

— Господи Боже. А ведь этого следовало ожидать.

Сара говорит:

— Я, кажется, описалась. Она обнимает мать за шею:

— Мама, мама! Клаусс уходит жить к своей Маме.

Антония только повторяет:

— Что? Что? Я говорю:

— Да, Антония, мой долг — жить с ней. Антония кричит:

— Нет! Потом говорит:

— Да, ты должен вернуться к Матери.

На следующее утро Антония и Сара идут со мной. Мы останавливаемся на углу улицы — той улицы, где я живу. Антония целует меня, дает мне ключ:

— Вот ключ от квартиры. Ты можешь по-прежнему приходить, когда захочешь. Я ничего не трону в твоей комнате.

Я говорю:

— Спасибо, Антония. Я буду навещать вас, как только смогу.

Сара ничего не говорит. Она бледная, у нее красные глаза. Она смотрит в небо. Это безоблачное небо летнего утра. Я смотрю на Сару, на семилетнюю девочку, на мою первую любовь. Другой у меня не будет.

* * *

Я останавливаюсь перед домом, на другой стороне улицы. Я ставлю на землю чемодан, сажусь на него. Я вижу, как девушка приезжает с корзиной, потом уходит. Около полудня я начинаю чувствовать голод, головокружение, боли в животе.

Днем приезжает на велосипеде медсестра. Я бегу с чемоданом через дорогу, хватаю медсестру за руку до того, как она входит в сад:

— Пойдите, пожалуйста, пойдите. Я вас ждал.

Она спрашивает:

— Что с тобой? Ты болен? Я говорю:

— Нет, мне страшно. Я боюсь войти в дом.

— Почему ты хочешь войти в дом?

— Здесь мой дом, это моя Мать. Я боюсь своей Матери, я не видел ее

семь лет.

Я заикаюсь и дрожу. Медсестра говорит:

— Успокойся. Ты, наверно, Клаусс. Или ты Лукас?

— Я Клаусс. Лукаса нет. Я не знаю, где он. Никто не знает. Вот почему я боюсь увидеть Мать. Один. Без Лукаса.

Она говорит:

— Да, понимаю. Хорошо, что ты меня подождал. Твоя Мама считает, что она убила Лукаса. Мы с тобой войдем вместе. Иди за мной.

Медсестра звонит, Мама кричит из кухни:

— Входите. Открыто.

Мы проходим веранду, останавливаемся в гостиной.

Медсестра говорит:

— У меня для вас большой сюрприз.

На пороге кухни появляется моя Мать. Она вытирает руки о передник, смотрит на меня, широко раскрыв глаза, шепчет:

— Лукас?

Медсестра говорит:

— Нет, это Клаусс. Но Лукас тоже обязательно вернется.

Мать говорит:

— Нет, Лукас не вернется. Я его убила. Я убила своего мальчика, он никогда больше не придет назад.

Мать садится в кресло гостиной, она дрожит. Медсестра закатывает Матери рукав халата и делает укол. Мама не сопротивляется. Медсестра говорит:

— Лукас не умер. Его перевели в Восстановительный Центр, я вам уже говорила.

Я говорю:

— Да, в Центр, который находится в городе С. Я ездил его искать. Центр был разбомблен, но в списке погибших Лукаса нет.

Мать совсем тихо спрашивает:

— Ты правду говоришь, Клаусс?

— Да, Мама, я говорю правду.

Медсестра говорит:

— Но вы совершенно точно его не убили. Теперь

Мать спокойна. Она говорит:

— Нам нужно туда поехать. С кем ты туда ездил, Клаусс?

— С одной дамой из приюта. Она меня сопровождала. У нее семья живет около города С.

Мать говорит:

— Приюта? Мне говорили, что ты жил в семье. И что там очень хорошо о тебе заботились. Ты должен дать мне их адрес, я их поблагодарю.

Я начинаю путаться:

— Я не знаю их адреса. Я там пробыл совсем недолго. Потому что... потому что потом их депортировали. Потом меня отправили в приют. У меня все было, и все относились ко мне хорошо.

Медсестра говорит:

— Я ухажу. У меня еще много дел. Ты проводишь меня, Клаусс?

Я провожаю ее до ограды.

Она спрашивает:

— Где ты был, Клаусс?

Я отвечаю:

— Вы слышали, что я сказал Маме.

Она говорит:

— Да, я слышала. Только это неправда. Ты не умеешь лгать, мальчик. Мы вели розыски в приютах, тебя не было ни в одном из них. А как ты нашел дом? Откуда ты знаешь, что твоя Мама вернулась?

Я молчу. Она говорит:

— Ты можешь хранить свой секрет. У тебя, наверное, есть на это причина. Но не забывай, что я лечу твою Маму уже несколько лет. Чем больше я буду о ней знать, тем больше смогу ей помочь. И вдруг ты являешься с чемоданом, я имею право спросить тебя, откуда ты пришел.

Я говорю:

— Нет, не имеете. Я пришел, вот и все. Скажите, как мне поступать с Матерью?

Она говорит:

— Поступай как хочешь. Если можно, будь терпелив. Если у нее случится приступ, позвонишь мне.

— Приступ — это как?

— Не бойся. Это будет не хуже, чем сегодня. Она кричит, дрожит, вот и все. Вот мой номер телефона. Если что-то не так, позвонишь.

Мать спит в кресле в гостиной. Я беру чемодан и иду устраиваться в детской, в конце коридора. Там по-прежнему стоят две кровати, кровати для взрослых, которые наши родители купили прямо перед «этим». Я еще не подобрал слова, чтобы назвать то, что с нами случилось. Я мог бы сказать драма, трагедия, катастрофа, но в уме я все равно говорю просто «это», и названия для этого нет.

В детской чисто, кровати тоже чистые. Видно, что Мать ждала нас. Но больше всего она ждет моего брата Лукаса.

Мы молча едим на кухне, когда вдруг Мать говорит:

— Я совершенно не жалею, что убила твоего Отца. Если бы я знала ту женщину, к которой он хотел от нас уйти, я бы ее тоже убила. Это она виновата, что я ранила Лукаса, во всем она виновата, а не я.

Я говорю:

— Мама, не мучай себя. Лукас не умер от раны, он вернется.

Мать спрашивает:

— Как он сможет найти дом? Я говорю:

— Как я. Раз я его нашел, значит, он тоже его найдет.

Мать говорит:

— Ты прав. Нам не надо отсюда уезжать. Он будет искать нас здесь.

Мать принимает снотворное, рано ложится спать. Ночью я захожу в ее спальню. Она спит на спине, на краю большой кровати, лицом к окну, оставляя свободным место, где раньше лежал ее муж.

Я сплю очень мало. Я смотрю на звезды; и как у Антонии я каждый вечер думал о своей семье и о нашем доме, здесь то же самое, я думаю о Саре и о ее семье, о ее бабушке и дедушке, о городе К.

Проснувшись, я вижу за окном ветви орехового дерева. Я иду на кухню, целую Мать. Она улыбается мне. На столе кофе и чай. Девушка приносит свежий хлеб. Я говорю ей, что приходить больше не надо, я буду ходить за покупками сам.

Мать говорит:

— Нет, Вероника. Продолжайте приходить. Клаусс еще слишком маленький, чтобы ходить по магазинам.

Вероника смеется:

— Он не такой уж маленький. Но в магазинах он не найдет того, что нужно. Я работаю на кухне в больнице, и оттуда приношу все сюда, понимаешь, Клаусс? В приюте вы были на привилегированном положении. Ты не можешь представить себе, как трудно найти в городе еду. Ты прстоишь весь день в очередях.

Матери и Веронике очень весело вместе. Они смеются и обнимаются. Вероника рассказывает свои истории про любовь. Глупые истории: «А он мне сказал, а я ему сказала, и тогда он попробовал меня поцеловать».

Вероника помогает Матери красить волосы. Они пользуются веществом, которое называется хна, от него волосы Матери становятся такого же цвета, как раньше. Еще Вероника ухаживает за лицом Матери. Она делает ей маски, подкрашивает ее с помощью маленьких щеточек, тюбиков и карандашей. Мать говорит:

— Я хочу выглядеть прилично, когда вернется Лукас. Не хочу, чтобы он увидел меня неряшливой, старой и некрасивой. Ты понимаешь, Клаусс?

Я говорю:

— Да, я понимаю, Мама. Но ты будешь так же красива с седыми волосами и без косметики.

Мать дает мне пощечину:

— Иди к себе в комнату, Клаусс, или иди гулять. Ты действуешь мне на нервы.

Она добавляет, обращаясь к Веронике:

— Почему у меня нет такой дочки, как ты?

Я ухожу. Я гуляю вокруг дома, где живут Антония и Сара, хожу по кладбищу, пытаюсь найти могилу Отца. Я был на кладбище только один раз, с Антонией, но оно большое.

Я возвращаюсь домой, пытаюсь помочь Матери в саду, но она говорит:

— Иди играть. Возьми самокат или трехколесный велосипед.

Я смотрю на Мать.

— Ты не понимаешь, что это игрушки для четырехлетнего ребенка?

Мать говорит:

— Есть еще качели.

— Качаться я тоже не хочу.

Я иду на кухню, беру нож и перерезаю веревки — четыре веревки, на которых висят качели.

Мать говорит:

— Оставил хотя бы одно сиденье. Лукасу было бы приятно. Ты трудный ребенок, Клаусс. Даже злой.

Я поднимаюсь в детскую. Лежу на кровати и пишу стихи.

Иногда по вечерам Мать зовет нас:

— Лукас, Клаусс, идите есть!

Я вхожу в кухню. Мать смотрит на меня и убирает в буфет третью тарелку, предназначенную Лукасу, или бросает тарелку в раковину, где она, естественно, разбивается, или вообще накладывает еду Лукасу, как будто он с нами.

Иногда Мать приходит в детскую посреди ночи. Она поправляет

подушку Лукаса, говорит с ним:

— Спи спокойно. Пусть тебе приснится хороший сон. До завтра.

После этого она уходит, но иногда она долго стоит на коленях возле кровати и засыпает, положив голову на подушку Лукаса.

Я лежу в своей кровати и не шевелюсь, я стараюсь дышать как можно тише, а когда я на следующее утро просыпаюсь, Матери уже нет. Я трогаю подушку на соседней кровати, она еще мокрая от слез Матери.

Что бы я ни сделал, для Матери все нехорошо. Если у меня из тарелки выпадает горошина, она говорит:

— Ты никогда не научишься есть аккуратно. Посмотри на Лукаса, он никогда не пачкает скатерть.

Если я целый день пропалываю сад и возвращаюсь весь в земле, она говорит:

— Ты перепачкался, как свинья. Лукас бы сделал это чище.

Когда Мать получает деньги, ту небольшую сумму, которую дает ей государство, она уходит в город, и возвращается с дорогими игрушками, которые прячет под кровать Лукаса. Меня она предупреждает:

— Не дотрагивайся до них. Эти игрушки должны быть совершенно новыми, это для Лукаса, когда он вернется.

Теперь я знаю, какие лекарства Мать должна принимать.

Медсестра мне все объяснила.

Так что, если она не хочет принимать свои таблетки или забывает их, я подсыпаю их ей в кофе, в чай или в суп.

В сентябре я снова иду в школу. Это та школа, куда я уже ходил до войны. Наверное, я там встречу с Сарой. Ее там нет.

После уроков я иду к Антонии и звоню в дверь. Никто не отвечает. Я открываю дверь своим ключом. Никого нет. Я иду в комнату Сары. Открываю ящики, шкафы, там нет ни одной тетрадки, никакой одежды.

Я выхожу из дома, бросаю ключ от квартиры под проходящий трамвай и возвращаюсь к Матери.

В конце сентября я встречаю Антонию на кладбище. Я наконец нашел могилу. Я приношу букет белых гвоздик, любимых цветов моего Отца. Другой букет уже лежит на могиле. Я кладу свой букет рядом с ним.

Неизвестно откуда появляется Антония и спрашивает:

— Ты ходил к нам?

— Да. Комната Сары пуста. Где она? Антония говорит:

— У моих родителей. Ей нужно тебя забыть. Она думала только о тебе, все время хотела найти тебя. У твоей Матери, где угодно.

Я говорю:

— Я тоже все время думаю о ней. Я не могу жить без нее, я хочу жить с ней, мне все равно где, все равно как.

Антония обнимает меня:

— Вы брат и сестра, не забывай этого, Клаусс. Вы не можете любить друг друга так, как вы любите. Мне не надо было брать тебя к нам.

Я говорю:

— Брат и сестра. Какая разница? Никто ничего не узнает. У нас разные фамилии.

— Не надо настаивать, Клаусс, не надо. Забудь Сару.

Я ничего не отвечаю. Антония добавляет:

— Я жду ребенка. Я снова вышла замуж. Я говорю:

— Вы любите другого человека, у вас другая жизнь, тогда почему вы продолжаете сюда ходить?

— Не знаю. Может быть, из-за тебя. Семь лет ты был моим сыном.

Я говорю:

— Нет, никогда не был. У меня только одна Мать, та, с которой я теперь живу, которая из-

за вас стала сумасшедшей. По вашей вине я потерял Отца, брата, а теперь вы у меня отбираете сестру.

Антония говорит:

— Поверь мне, Клаусс, я жалею обо всем, что случилось. Я не могла предвидеть, что так выйдет. Я искренне любила твоего Отца.

Я говорю:

— Тогда вы должны понять мою любовь к Саре.

— Эта любовь невозможна.

— Ваша тоже была невозможна. Вы просто должны были уйти и забыть моего Отца, пока не случилось «это». Я не хочу больше встречать вас здесь, Антония. Я не хочу видеть вас возле могилы моего Отца.

Антония говорит:

— Хорошо, я больше не приду. Но я никогда не забуду тебя, Клаусс.

* * *

У Матери очень мало денег. Как инвалид, она получает небольшую сумму от государства. Я для нее дополнительная обуза. Мне нужно как

можно скорее найти работу. Вероника предлагает мне разносить газеты.

Я встаю в четыре часа утра, иду в типографию, беру свою пачку газет, пробегаю те улицы, которые за мной закреплены, кладу газеты под двери, в почтовые ящики, под железные шторы магазинов.

Когда я возвращаюсь, Мама еще не встала. Она встает только около девяти. Я готовлю кофе или чай и иду в школу, в школе я и обедаю. Я возвращаюсь домой только к пяти часам вечера.

Постепенно медсестра начинает приходить все реже и реже. Она говорит, что Мама выздоровела, ей просто надо принимать успокаивающее и снотворное.

Вероника тоже приходит нечасто. Только чтобы рассказать о том, как она неудачно вышла замуж.

В четырнадцать лет я оставляю школу. Я поступаю работать учеником наборщика, это место дает мне газета, которую я разносил три года подряд. Я работаю с десяти вечера до шести часов утра.

Мой начальник, Гаспар, делится со мной едой, которую он приносит на ночь из дома. Мама не думает о том, что мне нужно дать еду на ночь, она не помнит даже о том, что на зиму нужно заказать уголь, она думает только о Лукасе.

В семнадцать лет я становлюсь наборщиком. По сравнению с другими я зарабатываю неплохо. Я могу раз в месяц водить Мать в салон красоты, где ей красят волосы, делают завивку и «приводят в порядок» лицо и руки. Она не хочет, чтобы, вернувшись, Лукас застал ее старой и некрасивой.

Мать постоянно упрекает меня за то, что я бросил школу:

— Лукас бы продолжал учиться. Он стал бы врачом. Знаменитым врачом.

Когда в нашем старом доме протекает крыша, Мать говорит:

— Лукас стал бы архитектором. Знаменитым архитектором.

Когда я показываю ей свои первые стихи, Мать читает их и говорит:

— Лукас стал бы писателем. Великим писателем.

Я больше не показываю ей свои стихи, я их прячу.

Шум станков помогает мне писать. Он придает ритм моим фразам, пробуждает образы у меня в голове. Закончив набор газеты, поздно ночью, я набираю и печатаю свои собственные тексты, которые я подписываю псевдонимом «Клаусс Лукас» в память о своем умершем, или пропавшем, брате.

То, что мы печатаем в газете, полностью противоречит жизни. Каждый день мы по сто раз печатаем фразу: «Мы свободны», но на улицах мы

всюду видим иностранных солдат, все знают, что у нас много политических заключенных, что поездки за границу запрещены, и даже внутри страны мы можем ездить не во все города. Я знаю это, потому что однажды я пытался съездить к Саре в маленький город К. Я доехал до соседнего города, там меня задержали и отправили назад в столицу, но сначала целую ночь допрашивали.

Мы сто раз в день печатаем: «Нас окружает счастье и изобилие», и сначала я думаю, что у других так оно и есть, что мы с Матерью бедствуем и мучаемся из-за «этого», но Гаспар говорит мне, что мы совсем не исключение, что он сам с женой и тремя детьми живет все беднее.

Впрочем, когда я ранним утром иду с работы и навстречу мне идут другие люди, которым пора на свою работу, я нигде не вижу счастья, а тем более изобилия. Когда я спрашиваю, почему мы печатаем столько лжи, Гаспар отвечает:

— Только не задавай вопросов. Делай свое дело и ни о чем не думай.

Однажды утром возле типографии меня ждет Сара. Я прохожу мимо и не узнаю ее. Я оборачиваюсь, только услышав свое имя:

— Клаусс!

Мы смотрим друг на друга. Я усталый, грязный, небритый. Сара красивая, свежая, нарядно одетая. Теперь ей восемнадцать лет. Она заговаривает первой:

— Ты не поцелуешь меня, Клаусс? Я говорю:

— Извини меня, я в грязной одежде. Она целует меня в щеку. Я спрашиваю:

— Как ты узнала, что я здесь работаю?

— Я спросила у твоей Мамы.

— У Матери? Ты была у нас дома?

— Да, вчера вечером. Как только приехала. Ты уже ушел на работу.

Я вытаскиваю носовой платок, вытираю пот с лица:

— Ты ей сказала, кто ты такая?

— Я сказала ей, что мы были знакомы в детстве. Она спросила: «В приюте?», я сказала: «Нет, в школе».

— А Антония? Она знает, что ты к нам ходила?

— Нет, не знает. Я сказала ей, что иду записываться в университет.

— В шесть часов утра?

Сара смеется:

— Она еще спит. И потом это правда, что я иду в университет. Немного попозже. Мы успеем где-нибудь выпить кофе.

Я говорю:

— Я хочу спать. Я устал. И мне нужно готовить завтрак для Матери.

Она говорит:

— Кажется, ты не рад меня видеть, Клаусс.

— Что ты говоришь, Сара! Как поживают твои Дедушка и Бабушка?

— Хорошо. Но они очень постарели. Мама хотела их тоже привезти сюда, но Дедушка не хочет уезжать из своего городка. Теперь мы могли бы видеться часто, если хочешь.

— На какой факультет ты записываешься?

— Я бы хотела изучать медицину. Теперь, когда я снова здесь, мы могли бы встречаться каждый день, Клаусс.

— Наверно, у тебя есть сестра или брат. Когда я в последний раз видел Антонию, она была беременна.

— Да, у меня две сестры и маленький брат. Но я хотела бы поговорить о нас, Клаусс.

Я спрашиваю:

— Кем работает твой отчим, если он может содержать столько людей?

— Он в руководстве партии. Но ты нарочно все время говоришь о другом?

— Да, нарочно. Говорить о нас с тобой не имеет никакого смысла. О нас говорить нечего.

Сара очень тихо говорит:

— Ты забыл, как мы любили друг друга? Я не забыла тебя, Клаусс.

— Я тоже тебя не забыл. Но нам незачем встречаться. Разве ты еще не поняла?

— Поняла. Я только что это поняла. Она машет проходящему такси и уезжает.

А я иду до остановки автобуса, жду десять минут, как каждое утро, сажусь в автобус, он переполнен и в нем плохо пахнет.

Когда я вхожу в дом, Мать, против своих привычек, уже встала. Она пьет на кухне кофе. Она улыбается мне:

— Твоя подруга Сара очень хорошенькая. Как ее зовут? Сара?... Как ее фамилия?

Я говорю:

— Не знаю, Мама. Она не моя подруга. Я ее не видел несколько лет. Она просто ищет бывших одноклассников.

Мать говорит:

— И все? Жаль. Тебе давно пора завести подругу. Но ты слишком неуклюж, чтобы нравиться девушкам. Особенно таким девушкам из приличной семьи. И потом, ты работаешь руками, у тебя грязная работа. С

Лукасом было бы все по-другому. Да, эта Сара как раз та девушка, которая подошла бы Лукасу.

Я говорю:

— Конечно, Мама. Извини меня, у меня ужасно болит голова.

Я ложусь и перед тем как заснуть в уме разговариваю с Лукасом, как я делаю это уже долгие годы. Я говорю ему почти то же, что и всегда. Я говорю, что если он умер, то ему повезло, и что я хотел бы быть на его месте. Я говорю ему, что ему досталась лучшая доля, а самое тяжелое выпало мне. Я говорю ему, что жизнь совершенно бесполезная, ненужная вещь, это бесконечное страдание, выдумка Не-Бога, злобность которого непостижима.

* * *

Сару я больше не вижу. Иногда мне кажется, что я узнаю ее на улице, но это всегда не она.

Однажды я прохожу мимо дома, где раньше жила Антония, но на почтовых ящиках нет ни одной знакомой фамилии, да я и не знаю новой фамилии Антонии.

Несколько лет спустя я получаю извещение о свадьбе. Сара выходит замуж за хирурга, адреса обеих семей в самой богатой, самой элегантной части города, которая называется Розовый Холм.

Подружек у меня будет много. Это девушки, с которыми я знакомлюсь в бистро вокруг типографии. Я привык заходить в разные бистро до и после работы. Мои девушки — работницы или официантки, я редко вижу с ними несколько раз подряд и ни одну из них не привожу домой познакомиться с Матерью.

Обычно воскресный день я провожу в семье своего начальника Гаспара. Мы играем в карты и пьем пиво. У Гаспара трое детей. Старшая, Эстер, играет с нами, она почти моя ровесница, работает на текстильной фабрике, она ткачиха с тринадцати лет. Два мальчика, тоже наборщики, в воскресенье днем куда-нибудь ходят. На футбольные матчи, в кино, гуляют по городу. Анна, жена Гаспара, ткачиха, как и ее дочь, моет посуду, стирает, готовит ужин. У Эстер светлые волосы, голубые глаза и лицо немного похоже на лицо Сары. Но она не Сара, она не моя сестра, она не моя жизнь. Гаспар говорит мне:

— Моя дочка влюблена в тебя. Женись на ней. Я тебе ее отдам. Ты единственный человек, который ее достоин.

Я говорю:

— Гаспар, мне нельзя жениться. Я должен ухаживать за Матерью и ждать Лукаса.

Гаспар говорит:

— Ждать Лукаса? Ты сошел с ума. Он добавляет:

— Если не хочешь жениться на Эстер, лучше тебе к нам больше не приходить.

Я больше не хожу к Гаспару. Теперь я провожу все свободное время дома, с Матерью, кроме тех часов, когда я бесцельно брожу по городу или по кладбищу.

В сорок пять лет я становлюсь руководителем другой типографии, от издательства. Я больше не работаю по ночам, я работаю с восьми утра до шести вечера с двухчасовым перерывом в полдень. В это время мое здоровье уже сильно подорвано. Легкие насыщены свинцом, в крови мало кислорода, она отравлена. Это сатурнизм, болезнь печатников и наборщиков. У меня резкие боли в животе и тошнота. Врач сказал мне пить много молока и как можно чаще бывать на свежем воздухе. Я не люблю молоко. Еще меня мучает бессонница и нервное и физическое переутомление. Проработав тридцать лет ночью, невозможно привыкнуть спать по ночам.

В новой типографии мы печатаем самые разные тексты, стихи, прозу, романы. Директор издательства часто приходит проверять нашу работу. Однажды он кладет передо мной мои собственные стихи, которые он нашел на полке:

— Это что такое? Чьи это стихи? Кто такой Клаусс Лукас?

Я начинаю что-то бормотать, потому что, вообще, я не имею права печатать личные тексты:

— Это мое. Это мои стихи. Я печатаю их в нерабочее время.

— Вы хотите сказать, что вы — Клаусс Лукас, автор этих стихов?

— Да, я.

Он спрашивает:

— Когда вы их написали?

Я говорю:

— В последние годы. Я написал еще много других стихов, до этого, в молодости.

Он говорит:

— Принесите мне все, что у вас есть. Приходите завтра ко мне в

кабинет и принесите все, что вы написали.

На следующее утро я прихожу со своими стихами в кабинет директора. Это несколько сотен страниц, может быть, тысяча.

Директор прикидывает пакет на вес:

— Столько стихов? Вы никогда не пробовали их публиковать?

Я говорю:

— Я никогда об этом не думал. Я сочинял для себя, чтобы чем-то заняться, это было развлечение.

Директор смеется:

— Развлечение? Ваши стихи не самая забавная вещь. Во всяком случае те, что я уже прочел. Но может быть, вы в молодости были веселей?

Я говорю:

— В молодости — наверняка нет.

Он говорит:

— Это правда. В то время жизнь была совсем невеселая. Но после революции многое изменилось.

Я говорю:

— Но не для меня. Для меня ничего не изменилось.

Он говорит:

— По крайней мере, теперь мы можем напечатать ваши стихи.

Я говорю:

— Если вы так думаете, если вы так считаете, публикуйте. Но я прошу вас никому не сообщать ни мой адрес, ни мое настоящее имя.

* * *

Лукас вернулся и снова ушел. Я его прогнал. Он оставил мне свою незаконченную рукопись. Я сейчас ее дописываю.

Человек из посольства не предупредил меня о своем визите. Через два дня после посещения брата он позвонил в мою дверь в девять часов вечера. К счастью, Мать уже легла. У этого человека кудрявые волосы, он худ и бледен. Я провожу его к себе в кабинет:

— Я плохо говорю на вашем языке, поэтому не сердитесь, что я выражаюсь так неловко. Ваш брат, то есть человек, называющий себя вашим братом, Клаус Т., сегодня покончил с собой. Он бросился под поезд в четырнадцать часов пятнадцать минут на Восточном вокзале, в тот

момент, когда мы хотели его репатриировать. Он оставил у нас в посольстве письмо для вас.

Он протягивает мне конверт, на котором написано: «Передать Клауссу Т.».

Я вскрываю конверт. На почтовой открытке я читаю: «Я хотел бы быть похороненным рядом с нашими родителями». Подпись: «Лукас».

Я протягиваю открытку служащему посольства:

— Он хочет, чтобы его похоронили здесь. Служащий читает открытку, спрашивает:

— Почему он подписывается «Лукас»? Он действительно был вашим братом?

Я говорю:

— Нет. Но он так верил в это, что я не могу ему в этом отказать.

Служащий говорит:

— Странно. Два дня назад, после поездки к вам, мы спросили у него, нашел ли он кого-нибудь из своей семьи. Он ответил «нет».

Я говорю:

— Это правда. Между нами нет никакого родства.

Служащий спрашивает:

— Вы все же даете разрешение похоронить его рядом с вашими родителями?

— Да. Рядом с Отцом. Это единственный умерший человек в нашей семье.

Мы со служащим идем следом за гробом. Падает снег. У меня в руках букет белых гвоздик и букет красных гвоздик. Я купил их в цветочном магазине. В нашем саду даже летом теперь нет гвоздик. Мать сажает там всякие разные цветы, кроме гвоздик.

Рядом с могилой Отца вырыта новая могила. В нее опускают гроб с телом моего брата и ставят крест, на котором написано мое имя, но по-другому.

Я каждый день возвращаюсь на кладбище. Я смотрю на крест, где написано имя Клаус, и я думаю, что нужно заменить его другим крестом, на котором было бы написано имя Лукас.

И еще я думаю, что скоро мы все четверо снова будем вместе. Как только Мать умрет, у меня не будет никакой причины продолжать жизнь.

Поезд — это хорошая мысль.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

06.01.2009